

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(15)
2020**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Ответственный секретарь Ежов Д. А.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2020

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Executive Secretary D. A. Ezhov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue "Russian Press" 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal “Citizen. Elections. Authority”, Candidate of Political Sciences

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, ответственный секретарь журнала «Гражданин. Выборы. Власть», доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

EZHOV Dmitry Aleksandrovich, Executive Secretary of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Associate Professor

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (Academy MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department "State and Municipal Law", Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки),

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки),

23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Тема номера: «Выборы и общество в эпоху цифровизации»**Выборы и общество в эпоху цифровизации**

- 9** **Р.А. Алексеев, А.В. Абрамов**
Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологий избирательного блокчейна в России и за рубежом
- 22** **Г.В. Туманян**
Влияние блокчейн технологий на избирательные институты в рамках «сервисной» модели государства и концепции партисипативного управления
- 34** **В.И. Федоров**
Проекты по автоматизации голосования в исторической ретроспективе
- 56** **А.Н. Аринин**
Строительство эффективного государства: политико-правовые механизмы и цифровые технологии
- 82** **Н.В. Деева**
Тенденции развития российского гражданского общества в эпоху цифровизации
- 92** **Л.М. Беленкова, С.Ю. Белоконов**
Социальные сети в информационной политике: формирование имиджа органов государственной власти
- 103** **До Тхань Ту**
Интернет-практики в оценках вьетнамских пользователей: результаты прикладного социально-политического исследования
- Теория права**
- 115** **Ю.А. Веденеев**
Открытие юриспруденции: эпохи и стиль
- 143** **Р.Т. Биктагиров**
Избирательный процесс как вид юридического процесса: теоретические проблемы становления
- Пространство молодого ученого**
- 159** **А.И. Малкаров**
Монопартийность в советском конституционном правопорядке: становление и крах
- 173** **М.Х. Курданова**
Перспективы эволюции российской президентуры в контексте современных конституционных преобразований
- 185** **Д.Л. Герасин**
Устойчивость избирательной системы в контексте современных вызовов: теоретико-прикладной аспект
- Рецензии**
- 196** **С.В. Расторгуев**
Роль новых медиа в политических коммуникациях: опыт Чехии
- События**
- 201** **Д.А. Ежов**
Научно-практическая конференция «Выборы. Обучение. Перспективы»
- 204** Сведения об авторах

	Topic of the issue “Elections and Society in the Digital Age”
	Elections and Society in the Digital Age
9	R.A. Alekseev, A.V. Abramov Problems and Prospects of Using Electronic Voting and Blockchain Technology in Elections in Russia and Abroad
22	G.V. Tumanyan The Influence of Blockchain Technologies on Election Institutions Within the Framework of the “Service” Model of the State and the Concept of Participatory Management
34	V.I. Fedorov Voting Automation Projects in Historical Retrospect
56	A.N. Arinin Construction of an Effective State: Policy and Legal Mechanisms and Digital Technologies
82	N.V. Deeva Trends in the Development of Russian Civil Society in the Era of Digitalization
92	L.A. Belenkova, S.Y. Belokonev Social Networks in Information Policy: Federal Executive Authorities Image-Making
103	Do Thanh Tu Internet Practices in the Assessments of Vietnam Users: Results of Applied Social and Political Research
	Theory of Law
115	Y.A. Vedeneev Revelation of Jurisprudence: Era and Style
143	R.T. Biktagirov Electoral Process as a Type of Legal Process: Theoretical Problems of Formation
	Young Scientist’s Space
159	A.I. Malkarov The Monoparty System in the Soviet Period of National Statehood: Formation and Collapse
173	M.K. Kurdanova Prospects of Evolution of the Russian Presidential in the Context of Modern Constitutional Transformations
185	D.L. Gerasin Sustainability of the Election System in the Context of Modern Challenges: Theoretical-Applied Aspect
	Reviews
196	S.V. Rastorguev The Role of New Media in Political Communications: Experience of the Czech Republic
	Events
201	D.A. Ezhov Scientific and Practical Conference “Elections. Training. Prospects”
204	Our authors

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО БЛОКЧЕЙНА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. *Статья представляет собой политико-правовое исследование применения на практике электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и зарубежных странах. Проанализировав электронное голосование в Швейцарии, США, Эстонии, Канаде, Сьерра Леоне и других государствах, авторы выделяют как положительные, так и отрицательные стороны данных инновационных технологий; рассматривают возможность их использования на выборах различного уровня от местных до национальных. По мнению авторов, использование электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России позволит сделать выборы более прозрачными, сократит затраты на их проведение и организацию, позволит более эффективно противостоять электоральному абсентеизму. Высказывается ряд предложений по совершенствованию российского законодательства для возможности применения интернет-голосования на президентских и парламентских выборах в будущем; вводится понятие «избирательный блокчейн».*

Ключевые слова: *выборы, избирательная система, избирательный процесс, электронное голосование, блокчейн, избирательный блокчейн, электоральное поведение, абсентеизм.*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF USING ELECTRONIC VOTING AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGY IN ELECTIONS IN RUSSIA AND ABROAD

Abstract. *The article is a political and legal study of the practical application of electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and foreign countries. After analyzing electronic voting in Switzerland, USA, Estonia, Canada, Sierra Leone and other countries, the authors highlight both positive and negative aspects of these innovative technologies; consider the possibility of their use in elections at various levels from local to national. According to the authors, the use of electronic voting and electoral blockchain technology in Russia will make elections more transparent, reduce the costs of holding and organizing them, and more effectively resist electoral absenteeism. A number of suggestions are made to*

АЛЕКСЕЕВ Роман Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, г. Москва
АБРАМОВ Андрей Вячеславович — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, г. Москва

improve Russian legislation for the possibility of using Internet voting in future presidential and parliamentary elections.

Keywords: *elections, electoral system, electoral process, electronic voting, blockchain, electoral blockchain, electoral behavior, absenteeism.*

Постановка цели и задач исследования

Совершенствование и демократизация избирательной системы, обеспечение прозрачности избирательного процесса на всех его стадиях являются насущными требованиями времени. Это с неизбежностью заставляет включить в политическую повестку дня вопрос о внедрении на практике различных инновационных технологий, в том числе и таких, как электронное голосование, блокчейн и другие. Последнее, в свою очередь, невозможно без вдумчивого научного анализа указанных инновационных избирательных технологий, как одного из элементов электронной демократии, с помощью которых создаются наиболее благоприятные условия для реализации гражданами активного избирательного права

Таким образом, целью настоящей статьи является анализ государственно-правового обеспечения инновационных избирательных технологий, применяющихся на выборах различного уровня как за рубежом, так и в России. Реализация данной цели предполагает решение следующих задач: дать развернутую характеристику понятий «электронное голосование» и «избирательный блокчейн»; проанализировать известные на сегодняшний день случаи применения электронного голосования и избирательного блокчейна за рубежом и в России, выявить положительные и отрицательные стороны этих избирательных инноваций; диагностировать их проблемы и предложить способы их решения.

В научной литературе распространено два определения понятия «электронное голосование». Во-первых, это — процедура использования электронных средств (автоматических ящиков), которые сканируют избирательные бюллетени и обеспечивают подсчет голосов избирателей; во-вторых, — голосование, осуществляемое с помощью таких телекоммуникационных средств, как Интернет или мобильная связь [1, с. 59].

В современной избирательной практике имеют место следующие виды электронного голосования: а) волеизъявление, реализуемое с помощью перфокарт (перфокарты пробиваются на избирательном участке в специально предназначенном для подсчета голосов избирателей аппарате); б) голосование на электронном аппарате с буквенно-цифровой клавиатурой, который после окончания голосования передает информацию на центральный компьютер, определяющий результаты выборов; в) голосование посредством системы оптической нумерации (с помощью карты, на которой напечатаны имена кандидатов и результат считывается машиной); г) интернет голосование (выбор можно осуществить на web-сайте, посредством заполнения размещенного там специального формуляра) [2, с. 106].

Интернет-голосование, признанное наиболее перспективным из всех видов избирательных инноваций, реализуется в трех основных формах: волеизъявление избирателей через Интернет на избирательном участке с помощью специальных средств (техническое и организационное обеспечение оборудования контролируется членами избирательных комиссий); голосование через Интернет в киосках, расположенных в различных публичных местах; дистанционное интернет-голосование (избиратель сам выбирает интернет-устройство и место для голосования) [3, с. 360].

Одним из средств (технологий) обеспечения интернет-голосования является избирательный блокчейн (понятие предлагается авторами статьи), суть которого состоит в распределенном хранении информации на электронных носителях без возможности ее изменения. Независимо от уровня выборов, избирательный блокчейн предполагает создание «цифровых кошельков» кандидатами, принимающими участие в выборах. Избирателю отводится роль покупателя, который отдает свой голос («электронную монету») за одного из участвующих в выборах [4, с. 15]. Таким образом, возникает ситуация, описанная еще до возникновения Интернета американским социологом Т. Парсонсом: «Гражданин, отдавая свой голос на выборах, осуществляет власть, поскольку совокупность таких голосов обязующим образом определяет исход выборов. Маленькая порция власти — все равно власть, подобно тому, как один доллар — небольшие деньги, но все равно деньги» [5, с. 32].

Технология избирательного блокчейна предполагает, что голосование осуществляется анонимно с использованием каждым из голосующих виртуального аватара. Любой зарегистрированный в системе пользователь может реализовать предоставленное ему активное избирательное право независимо от места нахождения, однако, сделав выбор, не может поменять своего волеизъявления (что, впрочем, характерно и для традиционного голосования бумажными бюллетенями). Предполагается, что использование технологии избирательного блокчейна практически исключит возможность фальсификации результатов выборов.

Уточнение основных понятий позволяет нам перейти к анализу известной на сегодняшний день электоральной практики.

Электронное голосование в зарубежных странах: обзор случаев

На сегодня известно множество случаев применения электронного голосования, которое имело место в США, Австралии, Венесуэле, Бразилии, Бельгии, Индии и других странах. Его апробация произошла в 1964 году в штате Джорджия в США во время первичных (праймериз) президентских выборов. Голосование осуществлялось с помощью перфокарт: избиратель должен был пробить свой избирательный бюллетень в специальном устройстве, а подсчет голосов осуществлял компьютер [2, с. 106].

Технология избирательного блокчейна получила распространение намного позже. «Пробным шаром» стал проект «Agora Voting», протестированный

на выборах в испанские кортесы, а затем распространенный на выборах в целом ряде стран Европейского союза [6, с. 31]. В настоящее время электронное голосование и избирательный блокчейн нашли свое применение на выборах различных уровней как в странах зрелой (Швейцария, США, Австралия, Великобритания, Испания, Япония), так и молодой демократии (Эстония и Сьерра Леоне).

В силу особой значимости для России последних случаев остановимся на них подробнее. Электронное голосование как альтернатива традиционному волеизъявлению было впервые использовано в 2005 году на муниципальных выборах в Эстонии. Новая технология привела к увеличению явки избирателей, поэтому эстонским руководством было принято решение о продолжении и расширении масштабов данной практики: в ходе парламентских выборов 2007 года избирателям была предоставлена возможность проголосовать досрочно (от четырех до шести дней до дня официального голосования) через Интернет с помощью идентификационных смарт-карт. При этом граждане были наделены правом изменить поданный ими электронный голос не позднее, чем до дня проведения выборов, когда аннулировать или изменить волеизъявление не представляется возможным. В 2019 году на выборах в Рийгикогу (национальный парламент Эстонии) электронное голосование использовалось уже с применением технологии избирательного блокчейна [4, с. 13]. О популярности инновационных избирательных технологий свидетельствует тот факт, что на указанных выборах правом электронного голосования воспользовались 247 тыс. человек или 43,8 процента пришедших избирателей [7, с. 17].

Чуть ранее, в 2018 году, технология избирательного блокчейна на национальных выборах была использована в Сьерра Леоне. Высокую явку избирателей на выборы президента страны (почти 70% граждан) эксперты объяснили, в том числе и избирательными инновациями¹.

В настоящее время электронное голосование применяется и в странах Латинской Америки. Так, в Бразилии, благодаря модернизованной системе электронного голосования, произошло снижение показателя вероятности ошибок при подсчете голосов избирателей.

Применение системы электронного голосования потребовало ее законодательного закрепления и регулирования. В Болгарии применение электронных устройств на выборах было предусмотрено при разработке в 2014 году новой редакции Избирательного кодекса. К этому болгар подвигли досрочные выборы 2014 года в Народное собрание, в ходе которых тестировались сенсорные терминалы. Они не смогли обеспечить юридическую силу результатов голосования, это, в свою очередь, привело к необходимости осуществления параллельного подсчета избирательных бюллетеней вруч-

¹ Сычев В. В Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента. [Электронный ресурс] URL: <https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes> (дата обращения 02.01.2020).

ную. Данный факт, а также мнение международных наблюдателей засвидетельствовали непрозрачность определения параметров персонального оборудования, которое применялось для системы электронного голосования.

Иным путем пошла Великобритания. В 2002 году она на законодательном уровне закрепила положение о том, что электронное голосование выступает одним из ключевых элементов электронной демократии. Это положение способствовало тому, что за период с 2002 года по 2005 год в стране было реализовано свыше 150 проектов, включающих в себя такие инновационные избирательные технологии, как рассылка смс-сообщений через мобильные телефоны, сенсорные терминалы для волеизъявления избирателей, тональный набор по телефонной связи и др. [7, с. 14]. Британские избиратели получили возможность осуществить реализацию своего активного избирательного права в практически любом удобном для них месте: в библиотеке; дома через персональный компьютер или иной гаджет; с рабочего места; торгового центра и т.д.

Одновременно с Великобританией электронное голосование стало применяться в Ирландии, однако, из-за негативной оценки данной технологии, данной Комиссией по электронному голосованию в 2003 году в стране было принято решение о приостановлении тестирования системы [2, с. 106].

Еще в 1999 году машины для голосования стали применяться на выборах в Европейский парламент в ФРГ. Однако, как и в Ирландии, техническое несовершенство избирательной инновации вызвало серьезную критику. В результате Конституционный суд ФРГ принял постановление о том, что использование электронного голосования не отвечает принципам прозрачных (т.е. честных) выборов, призвав вернуться к традиционной процедуре.

Не все страны сразу используют различные виды электронного голосования и закрепляют в действующем законодательстве положение о его применении на национальных выборах. Среди примеров — Франция. Французский юрист Вероника Руэз объяснила отказ от применения сетевых избирательных инноваций на национальном уровне имеющимися опасениями рядовых французов о том, что результаты электронных выборов могут быть подделаны и подтасованы². При этом французские законодатели не возражают, чтобы интернет-голосование использовалось их согражданами, находящимися на территориях иностранных государств.

С 2004 года во Франции применяются машины для голосования. Сначала это происходило в кантонах и коммунах, с 2006 года — на парламентских, а с 2007 года — на президентских выборах. В ходе данного электорального цикла свыше 1,5 млн избирателей (т.е. примерно 3% от общего количества избирателей, принявших участие в голосовании) воспользовались комплексами электронного голосования [7, с. 15]. В соседней с Францией Бельгии

² «У нас во Франции такого нет»: Международные наблюдатели оценили систему электронного голосования на выборах в Мосгордуму. <https://www.msk.kp.ru/online/news/3599527/> (дата обращения 09.01.2020).

около 44 процента избирателей реализуют свое активное избирательное право с помощью комплексов для голосования еще с 1999 года.

На сегодня электронное голосование и избирательный блокчейн наиболее востребованы в Швейцарии, которая начиная с 1995 года узаконила голосование по почте, что способствовало увеличению избирательной явки на 20 процентов. С 2003 года в трех швейцарских кантонах (Цюрих, Женева, Нешателе) в тестовом режиме было применено интернет-голосование, но с сохранением традиционных выборов с помощью бюллетеней для консервативно настроенных избирателей. Результатом эксперимента стало поэтапное внедрение электронного голосования на выборах и референдумах. На основании действующего законодательства страны каждый кантон имеет право выбора способов проведения голосования. К 2019 году в стране было зафиксировано 229 случаев применения процедуры электронного голосования, охватившего 14 из 26 швейцарских кантонов³. В 2018 году в Швейцарии произошла апробация избирательного блокчейна на местных выборах в кантоне Цуг [8, с. 182].

В 1965 году формальное (т.е. юридическое) закрепление возможности применения инновационных технологий голосования произошло в Нидерландах. Однако повсеместное применение электронного голосования стало возможным только в 1990-е годы. На настоящее время свыше 90 процентов избирателей (в 448 из 458 коммун) страны голосуют с помощью комплексов для электронного голосования.

Избирательный блокчейн активно используется и в Австралии. Данная технология была апробирована организацией «Нейтральные блоки голосования» с помощью «политического приложения», где граждане могут высказать свое мнение по поводу различных властно-управленческих вопросов путем «голосования на блокчейне».

На базе платформы блокчейн в 2014 году было проведено расследование выдачи поддельных избирательных удостоверений в США [9, с. 112]. В ходе проведенных мероприятий было выявлено, что за 14 лет (с 2000 по 2014 гг.) было сделано свыше 30 подделок. Также, в США с 2015 года проводится разработка и апробация блокчейн-голосования на платформе с приложением Web 3.0, которая предусматривает интернет-регистрацию избирателя и голосование с помощью ID-выборов, ID-голосования и избирательного бюллетеня с QR-кодами.

Электронное голосование в России: прошлое и настоящее

Традиции применения инновационных избирательных технологий для упрощения процедуры голосования и автоматизации избирательного процесса присущи и России. История электронного голосования в нашей

³ Как работает электронное голосование за рубежом. <https://www.kommersant.ru/doc/4039695> (дата обращения 08.01.2020).

стране начинается в 1994 году, когда началась разработка Государственной автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы»). Ее применение на практике произошло в 2000 году на президентских выборах [2, с. 107]. Уже через год после апробации ГАС «Выборы» были созданы сканеры для обработки избирательных бюллетеней. В 2003 году появились первые комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) [10, с. 69].

В период электорального цикла 2003–2004 годов (парламентских и президентских выборов) было совершено 1 800 кибератак (порядка 20% из-за границы) на интернет-портал ГАС «Выборы». По словам тогдашнего Председателя ЦИК России А.А. Вешнякова, все они были отражены [11, с. 211]. Однако данный факт свидетельствует о том, что исключить опасность изменения результатов голосования злоумышленниками при использовании интернет-голосования нельзя.

В 2008 году в г. Новомосковске впервые было проведено тестирование электронного голосования на выборах. При наличии у избирателей, пришедших на избирательный участок для голосования, желания принять участие в этом эксперименте, им выдавался специальный диск, с помощью которого они могли отдать свой голос из удобного для них места, оснащенного Интернетом. Проведенный эксперимент продемонстрировал положительные результаты: цифры, полученные путем традиционного голосования, совпали с результатами электронного волеизъявления.

С целью совершенствования технических средств, которые применяются при проведении выборов и подсчете голосов избирателей, в ходе проходивших в России парламентских (2007) и президентских (2008) выборов в пяти городах (Орел, Саратов, Великий Новгород, Суздаль и Рязань) на 21 избирательном участке были применены комплексы электронного голосования (КЭГ) [2, с. 107]. Данная технология была реализована на основе сенсорного дисплея, позволившего осуществить голосование без использования бумажных бюллетеней через интерфейс-устройства.

Наряду с общенациональным электронным голосованием в современной России предпринимаются успешные попытки по внедрению технологии избирательного блокчейна на региональном уровне. Голосование на платформе блокчейн с применением системы Polys, реализованной «Лабораторией Касперского» [12, с. 161], проводилось в нескольких регионах. В 2009 году в Волгоградской области, в 2010 году в Одинцовском районе Московской области с помощью данной технологии выявлялось мнение граждан по ряду важных вопросов.

Необходимость применения электронного голосования для привлечения к выборам молодежи, не желающей тратить свое время для похода на избирательный участок, ясно осознают и представили публичной власти. В ежегодном послании 2009 года Президент Д.А. Медведев поручил ЦИК России, региональным органам власти и Правительству Российской Федерации подготовить и представить программу технического переоснащения

российской избирательной системы. Целью данной программы стало обеспечение доступа субъектов Федерации к широкополосному Интернету для внедрения электронных средств подсчета голосов. Руководствуясь положительной динамикой апробации электронного голосования, на парламентских выборах 2011 года 5 процентов избирательных участков Республики Татарстан было оборудовано комплексами электронного голосования [2, с. 107]. На президентских выборах 2012 года аналогичными комплексами были оснащены уже 337 избирательных участков в семи субъектах Российской Федерации [13, с. 5].

Применение на главных выборах страны электронного голосования получило поддержку Президента России В.В. Путина. В 2015 году на молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» Глава государства отметил, что реализацию концепции электронного голосования надо обсуждать со специалистами в области интернет-технологий, парламентариями обеих палат российского парламента, представителями ЦИК России и иных избирательных комиссий [14, с. 14]. Начиная с 2015 года практически все избирательные участки в стране были оснащены современными программно-техническими средствами, которые применялись в ходе парламентских (2016) и президентских (2018) выборов.

На взгляд авторов статьи, применение различных интернет-технологий сыграло не последнюю роль в увеличении избирательной явки на последних президентских выборах в России, которая достигла 67,54 процента⁴ (т.е. увеличилась по сравнению с предыдущими выборами 2012 г. более чем на 2%) [15, с. 358].

В 2018 году прошли выборы с использованием избирательного блокчейна в Саратовский молодежный парламент. В том же году в ходе президентских выборов данная технология была использована независимыми наблюдателями и социологами при проведении exit-poll для выявления электоральных предпочтений избирателей. Полученная с ее помощью информация передавалась в блокчейн-хранилище, где ее могли посмотреть все заинтересованные граждане на независимой блокчейн-платформе Verifier. Применение технологии получило положительную оценку. Занимавший на тот момент должность советника Президента Российской Федерации по Интернету Г. Клименко не исключил возможности ее применения на президентских выборах, планирующих в 2024 году⁵.

Накануне выборов в Московскую городскую думу 2019 года было принято решение наряду с традиционным голосованием использовать систему электронного голосования с применением платформы блокчейн в трех

⁴ Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action> (дата обращения 09.01.2020).

⁵ Герман Клименко пообещал россияне выборы на блокчейне [Электронный ресурс] URL: <https://cryptofeed.ru/news/german-klimenko-poobeshhal-rossijskie-vybory-na-blokcheyne> (дата обращения 17.01.2020).

избирательных округах Москвы. Для участия в голосовании избирателям было предложено использовать сервис «Мобильный избиратель», через который можно было подать заявку на участие в интернет-голосовании.

Еще накануне голосования, на выборах в региональный парламент, были выявлены недостатки используемой технологии, благодаря взлому тестовой системы криптографом из Франции П. Годри [4, с. 16]. Разработчики данной технологии учли замечания, сделанные Годри, что позволило усовершенствовать систему шифрования и электронные ключи, применяющиеся для реализации избирателями своего волеизъявления. Как показала практика, на тех участках, где применялась технология избирательного блокчейна, явка избирателей выросла, в том числе и за счет впервые принимавших участие в голосовании.

Минусом тестируемой технологии стало ее техническое несовершенство: в ходе голосования часть избирателей не могли войти в систему, чтобы проголосовать; свыше тысячи избирателей вообще были исключены из списков интернет-голосования, не все наблюдатели получили ключи для входа в систему и т.п. [4, с. 17]. Но несмотря на сбои в работе избирательного блокчейна, участие в эксперименте приняли свыше 10 000 человек (6% от числа зарегистрированных избирателей), что свидетельствует о востребованности данной технологии избирателями⁶.

Достоинства и недостатки электронного голосования и избирательного блокчейна

Рассмотрев различные виды электронного голосования и технологию электронного блокчейна, можно прийти к выводу, что представленные инновационные избирательные практики имеют как позитивные, так и негативные стороны.

Так, среди достоинств стоит отметить:

– доступность интернет-голосования, с помощью которого избиратель, внесенный в электронный реестр, может отдать свой голос независимо от своего местонахождения, и при этом не потребуется тратить время для похода на избирательный участок (здесь уместно вспомнить размышления теоретиков рационального выбора, не без иронии утверждавших, что современного эгоистичного избирателя отвращает от похода на выборы издержки в виде стертых подошв обуви);

– сокращение затрат из государственного бюджета на организацию и проведение выборов за счет автоматизированной системы подсчета голосов избирателей (только на президентских 2018 г. и парламентских 2016 г. выборах в совокупности было израсходовано более 28 млрд рублей из феде-

⁶ На выборах в Москве для голосования используют блокчейн-технологии [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/20/na-vyborah-v-moskve-dlya-golosovaniya-ispolzuyut-blokcheyn-tehnologii> (дата обращения 11.01.2020).

рального бюджета, потраченных, в том числе и на изготовление бумажных бюллетеней);

- уменьшение бюрократизации за счет сокращения количества членов участковых избирательных комиссий;

- отсутствие возможности какого-либо воздействия на избирателей извне, т.к. голосование проводится с помощью интернет-носителей за пределами территории избирательных участков, сокращается возможность подкупа избирателей непосредственно в день голосования;

- динамичность, т.е. сокращение времени на подсчет голосов и получение результатов, которые могут быть оглашены практически в одно и то же время по окончании голосования и закрытия избирательных участков с учетом часовых поясов в разных субъектах Российской Федерации;

- обеспечение максимальной прозрачности всех стадий избирательного процесса, т.к. результаты голосования (в случае применения инклюзивной, т.е. «открытой» технологии блокчейн) будут на протяжении выборов от голосования до подсчета голосов доступны для ознакомления всем заинтересованным лицам (однако, при этом результаты голосования нельзя будет изменить) и они могут быть опубликованы сразу после завершения голосования;

- сокращение доли абсентеистов из числа «отчужденных от политики» и апатично настроенных граждан.

Как любое явление или политический процесс, применение на практике электронного голосования и технологии электронного блокчейна имеет и проблемы [16, с. 94], среди которых стоит выделить:

- гипотетическая возможность технических неисправностей, сбоев и взломов системы интернет-голосования, в результате которой объявленные итоги выборов не будут соответствовать реальному волеизъявлению граждан;

- перспектива получения и использования злоумышленниками персональных данных избирателей в своих корыстных интересах;

- невозможность переголосовать в случае, если избиратель при волеизъявлении допустил ошибку (т.к. отмена транзакции не допускается программой);

- проблема соблюдения одного из базовых принципов избирательного права — тайны голосования, — поскольку электронные выборы предполагают авторизацию пользователя в системе.

Следует отметить, что инновационные избирательные технологии не могут в полной мере обеспечить анонимность из-за невозможности исключения хранения уникальных ключей для проголосовавших избирателей в базе данных на сервере, что может повлечь за собой возможность повторного голосования избирателем, уже реализовавшим свое активное избирательное право. Вызывает опасение и то, каким образом будет устанавливаться подлинность избирателя при регистрации через Интернет. Одним из таких способов выступает применение электронно-цифровых подписей, что, с од-

ной стороны, является затратной в денежном отношении для многих стран процедурой, а с другой стороны, даже их можно подделать.

Солидаризуясь с мнением известного эксперта в области компьютерной безопасности Брюса Шнейера, авторы статьи полагают, что создание безопасной системы интернет-голосования выступает одной из самых сложных в области обеспечения информационной безопасности, т.к. она напрямую связана с рисками реализации на практике форм прямой (непосредственной) демократии. Проблемой является идентификация избирателей в системе электронного голосования на платформе блокчейн и правильный учет их голоса при подсчете голосов [17, с. 264]. Избирательный блокчейн и электронное голосование должны отвечать требованиям информационной безопасности, избиратели должны доверять институтам государственной власти и иным инстанциям, обеспечивающим организационное и политико-правовое проведение голосования и подсчет голосов избирателей с их помощью. Методика проведения голосования должна соответствовать критериям транспарентных и демократических выборов, включающим в себя такие общепризнанные мировые стандарты, как альтернативность, гласность, равенство, открытость, соблюдение тайны волеизъявления избирателей.

Перспективы использования электронного голосования в России

Проанализировав мировую и российскую практику использования электронного голосования и технологии избирательного блокчейна, авторы статьи пришли к выводу о возможности применения данных технологий (при определенных оговорках) не только на муниципальном и региональном, но и на федеральном уровне в России.

Вместе с тем интернет-голосование не может и не должно полностью вытеснить традиционное волеизъявление, осуществляемое с помощью бумажных бюллетеней, но должно использоваться параллельно с ним в качестве альтернативы теми избирателями, которые в силу занятости, ограничений в передвижении в связи с состоянием здоровья, нахождения за границей, либо просто нежелания посещать избирательные участки, предпочитают проголосовать из дома, с работы, с дачного участка и т.п. Как совершенно справедливо указывает Председатель ЦИК России Э.А. Памфилова, внедрение электронного голосования и технологии блокчейна не должно лишить консервативно настроенную часть избирателей права на реализацию активного избирательного права. Они должны иметь возможность сами определить способы своего волеизъявления [18, с. 44].

В действующем российском избирательном законодательстве юридическое закрепление получило лишь положение об использовании комплексов электронного голосования и иных технологий, связанных с автоматизированной обработкой избирательных бюллетеней, т.е. технических средств, упрощающих процедуру подсчета голосов избирателей. Тогда как различные виды голосования, осуществляющиеся с помощью Интернета (сотового

телефона, планшетного или стационарного компьютера), несмотря на их апробацию, не получили формального (значит, юридического) закрепления на уровне федерального законодательства. Следовательно, полученные при использовании интернет-голосования результаты зачастую носят факультативный характер.

Как представляется, итоги голосования по Интернету должны приравниваться к волеизъявлению, осуществляемому с помощью бумажных избирательных бюллетеней. Данное положение необходимо закрепить в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и иных законах, регулирующих порядок и условия проведения выборов, закрепив тем самым формальный характер данных избирательных технологий.

На взгляд авторов, при соответствующей технической подготовке применение на грядущих выборах депутатов Государственной Думы и выборах Президента России интернет-голосование вполне реально наряду с традиционным голосованием, в частности использование технологии избирательного блокчейна, успешно апробированной в Швейцарии, Испании, США, Канаде, Японии, Эстонии и Сьерра Леоне.

Вместе с тем, рассматривая возможность использования зарубежного опыта применительно к российским реалиям, следует иметь в виду существенные межстрановые различия. Численность населения Российской Федерации составляет свыше 146 млн человек (из них к числу лиц, обладающих активным избирательным правом, относится около 108 млн), а, скажем, в Эстонии проживает чуть более 1 млн 324 тысяч человек (избирателей — чуть более 800 тысяч). И это — без учета протяженности страны и степени проникновения Интернета.

В то же время даже при ограниченном применении интернет-голосования (например, только в крупных российских городах) использование инновационных технологий позволит, с нашей точки зрения, развеять сомнения части пессимистично настроенной части избирательного корпуса, считающей, что результаты голосования заранее предопределены властью имущими. Таким образом, возможно, удастся привлечь к участию в выборах большее количество граждан, в том числе из представителей молодого поколения, что повысит легитимность политической системы в целом.

Список литературы

1. Давыдов Д.А. Интернет-голосование как электоральная политическая технология // Вестник Пермского университета. 2010. № 1 (9). С. 59–63.
2. Титовская А.В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука. 2012. № 4. С. 106–108.
3. Грачев М.Н. Электронное голосование «за» и «против» // Известия Тульского государственного университета. 2011. № 1. С. 360–366.

4. Алексеев Р.А. Аprobация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // Журнал политических исследований 2019. Т. 3. № 4. С. 12–23.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. 269 с.
6. Корчагин С.А. О текущих трендах в развитии технологии блокчейн // Свободная мысль. 2018. № 4. С. 31–38.
7. Митяева Ю.В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // Выборы: теория и практика. 2013. № 2 (26). С. 13–18.
8. Зворыкина Е.В. Перспективы применения технологии блокчейн на выборах в России. // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 179–183.
9. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Власть и облачные технологии в России и США // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки 2016. № 2. С. 108–116.
10. Антонов Я.В. Развитие правового регулирования электронного голосования в России // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 63–71.
11. Вешняков А.А. Общая характеристика гарантий обеспечения избирательных прав граждан с использованием ГАС «Выборы» // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 8. С. 210–212.
12. Авилов Я.Д. Перспективы применения технологии «блокчейн» в избирательном процессе: способы реализации и правовая основа // Юридическая наука. 2017. № 6. С. 159–165.
13. Чуров В.Е. Цель — модернизация избирательной системы // Журнал о выборах. 2011. № 3. С. 2–6.
14. Алябьева Т.К. Периодизация процесса трансформации политической системы в России на рубеже XX–XXI вв. // Постсоветский материк. 2016. № 2 (10). С. 5–21.
15. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 356–358.
16. Заколдаев Д.А., Ямщиков Р.В., Ямщикова Н.В. Технология блокчейн в России: достижения и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. С. 93–107.
17. Ярыгин Г.О. Интернет-голосование и перспективы его внедрения для граждан России, находящихся за рубежом // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (6). С. 261–268.
18. Приоритеты деятельности ЦИК России (четыре интервью с Эллой Памфиловой) // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 9–49.

ВЛИЯНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РАМКАХ «СЕРВИСНОЙ» МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА И КОНЦЕПЦИИ ПАРТИСИПАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние блокчейн-технологий на развитие избирательных институтов в Российской Федерации. Важно анализировать избирательный процесс в рамках концепции «сервисного» государства и воспринимать как очередную услугу, оказываемую государством своим гражданам. Самостоятельная, активная личность, способная реализовывать собственную жизненную стратегию, нуждается не в «опеке» государства, а публичных услугах, способствующих достижению личных целей. Блокчейн-технологии воспринимаются как возможный механизм для развития партисипативного управления, так как они напрямую отражают участие населения в принятии важных для государства решениях. Хотя для широкого и эффективного применения блокчейн на территории России в процессах партисипативного принятия решения необходимо обеспечить условия для законодательного закрепления технологии и создания положительного общественного мнения по поводу ее функционирования. На примере лучших мировых практик внедрения данной технологии можно удостовериться в положительных эффектах использования блокчейн в избирательном процессе. В статье исследуется возможность создания единой избирательной платформы, которая будет базироваться на блокчейн-технологиях.*

***Ключевые слова:** Блокчейн, сервисное государство, избирательный процесс, выборы, референдум.*

THE INFLUENCE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES ON ELECTION INSTITUTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “SERVICE” MODEL OF THE STATE AND THE CONCEPT OF PARTICIPATORY MANAGEMENT

***Abstract.** This article discusses the impact of blockchain technology on the development of electoral institutions in the Russian Federation. It is important to consider the electoral process within the framework of the concept of a “service” state and perceive it as another*

service provided by the state to its citizens. Like any service, it must be systematically transformed to meet the expected interests and needs of citizens. Blockchain technologies are considered as a possible mechanism for the development of participatory management, since they directly reflect the participation of the population in making decisions important to the state. It is important that the use of blockchain in the electoral process is consistent with the Constitutional principles: universal, equal, direct and secret ballot. Although, for its widespread and effective application on the territory of the RF in participatory decision-making processes, it is necessary to provide conditions for legislative consolidation of the technology and the creation of positive public opinion about its functioning. Using the best international practices of implementing this technology as an example, you can verify the positive effects of using blockchain in the election process. The article considers the possibility of creating a single election platform, which will be based on blockchain technologies.

Keywords: Blockchain, service state, election process, elections, referendum.

В силу социетальных трансформаций и повсеместных изменений общественных установок создается необходимость начала процесса реформирования государственного аппарата и деятельности государственных органов в целом, что связано с процессом придания им «сервисного» характера. В рамках концепции «сервисного государства» вся деятельность государства должна быть ориентирована на интересы и потребности граждан и эволюционировать по мере их изменений [1]. Необходимость придания государственным институтам «сервисного» характера вызвана наличием у акторов постиндустриальной социальности современных средств производства в виде креативности знаний и навыков, когда активные и независимые акторы начинают требовать предоставления государственных услуг в соответствии с их потребностями [2, с. 67]. Институты выборов и референдумов можно отнести к партисипативным (основанным на принципах сопричастности) технологиям современного публичного управления. С данной точки зрения эти институты также можно считать не только процессом народного волеизъявления, но и очередной «услугой» предоставляемой государством гражданам, а именно, ситуацией, при которой государство оказывает гражданам услугу по организации процедуры выявления общественных ожиданий и потребностей и их нормативному закреплению.

В соответствии с растущими требованиями общества постепенно начали трансформироваться избирательные институты, начав предоставлять гражданам возможности голосования не только на избирательном участке, но и дистанционно: электронным способом, в домашних условиях, голосованием по почте и т.д.¹ Стали появляться новые виды избирательных участков, оборудованных электронными устройствами для голосования. И все эти действия в первую очередь ориентированы на удовлетворение потребностей граждан в удобном для них способе голосования.

¹ Голосование на выборах за рубежом. Финляндия за рубежом. URL: <https://finlandabroad.fi/web/rus/golosovanie-na-vyborah-za-rubezom> (дата обращения: 15.10.2019).

Целью исследования является анализ существующих возможностей блокчейн-технологий в сфере избирательного процесса с учетом «сервисной» модели государства. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить ряд взаимосвязанных задач, которые могут быть сформулированы следующим образом:

- анализ существующих возможностей использования блокчейн-технологий в электоральных процессах;
- выявление лучших практик использования блокчейн-технологий в мировой практике;
- анализ возможности использования блокчейн-технологий совместно с иными механизмами партисипативного управления;
- разработка рекомендаций эффективного использования блокчейн-технологий в соответствии с концепцией «сервисного» государства.

Объектом исследования являются блокчейн-технологии, предметом — их использование в избирательных процессах.

Блокчейн-технологии рассматриваются как возможный механизм для развития партисипативного управления, так как они напрямую отражают участие населения в принятии важных для государства решениях.

Новой тенденцией в избирательной сфере является возможность голосования при помощи блокчейн-технологий. Блокчейн — открытая база данных, которая используется участниками сети для реализации различных операций; она децентрализована и распределена между участниками. При этом важной составляющей блокчейн-технологии выступает соединение информации находящейся у всех участников процесса в блоки, формирующих единую цепочку с информацией о совершении всех операций с начала функционирования самого первого блока. Данная черта блокчейна является гарантией невозможности взлома цепочки информации или добавления новых блоков в уже существующую цепь². Создается возможность предельной минимизации возможностей фальсификации данных, так как кроме невозможности внесения новых блоков в цепь³ также невозможно удалить, отменить или изменить существующие блоки. Сохраненная в блокчейн-цепочке информация может быть распределена между функционирующими участниками сети и в зависимости от количества информации (ее объема) может увеличиваться количество пользователей в сети [3, с. 42].

Информация о проделанных операциях в рамках цепи блокчейна всегда открыта для участников, которые при желании могут отслеживать все операции. Важным плюсом здесь может быть невозможность вычисления

² Satoshi Nakamoto. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения 24.12.2017).

³ Luke Fortney. Blockchain Explained. Investopedia. <https://www.investopedia.com/terms/b/blockchain.asp> (дата обращения 27.11.2019).

персональных данных конкретных лиц (анонимность)⁴, участвующих в цепи блокчейна. Анонимность может быть нарушена только в случае сговора между всеми избирателями [4].

Блокчейн-технология находит применение в различных сферах жизни акторов и распространяется на различные блоки информации [5, с. 592]: в акты покупки и продажи имущества; банковские операции; хранение данных [6, с. 32] и т.д. Причем заинтересованность в блокчейне в различных сферах варьируется по разному. К примеру, государственный и финансовый секторы готовятся к его повсеместному внедрению [7].

Технология блокчейн-голосования предполагает создание цифровых кошельков для всех официально зарегистрированных кандидатов и политических партий, принимающих участие в выборах, или вопросов, выносимых на референдум. В данном контексте цифровые кошельки выполняет роль графы на избирательном бюллетене. А система блокчейн-голосования выступает урной для голосования⁵.

Процедура голосования предполагает перевод электронной монеты избирателя на счет электронного кошелька кандидата, что, по сути дела, ничем не отличается от привычного процесса голосования и основывается на конституционных принципах избирательного права: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Голосование по блокчейн-технологии может дополнять традиционное голосование при помощи электронных монет (т.е. токенов) и электронных кошельков (в которые поступают токены). Победителем на выборах становится политическая сила, в электронном кошельке которой окажется больше всего монет (голосов избирателей) и бюллетеней при подсчете голосов на избирательных участках.

Несмотря на открытость и доступность сведений и перечня всех совершенных операций, информация об отправителе и получателе остается закрытой. Важно отметить, что ряд государств активно разрабатывает и тестирует пилотные версии блокчейн-голосования. Например, в США некоторые политические партии начали применять блокчейн-технологии для организации процесса праймериз⁶. Для организации опросов населения с целью выявления общественного мнения по отдельным вопросам, имеющим значение для социума, в Австрии внедрена система блокчейн-опросов⁷.

⁴ P. Boucher. What if blockchain technology revolutionised voting? Scientific Foresight Unit (STOA), European Parliamentary Research Service, Sept. 2016. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/58191/EPRS_ATA\(2016\)581918_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/58191/EPRS_ATA(2016)581918_EN.pdf) (дата обращения 22.11.2019).

⁵ A. Hertig. The First Bitcoin Voting Machine Is On Its Way. Motherboard Vice, Nov. 2015. URL: <http://motherboard.vice.com/read/the-first-bitcoinvoting-machine-ison-its-way> (дата обращения 04.10.2019).

⁶ «Как голосование на блокчейне находит свое применение в политике и бизнесе». URL: <https://habr.com/ru/company/wigex/blog/398125/> (дата обращения: 11.10.2019).

⁷ «Выборы на блокчейне»: как это работает и что дает избирателям». Рамблер новости. URL: https://news.rambler.ru/other/38181945/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 12.11.2019).

В Греции действует система DEMOS, которая является публичным реестром с электронной емкостью для хранения бюллетеней, которой могут воспользоваться граждане, находящиеся за пределами государства. Проголосовавшие граждане получают электронный код, благодаря которому в дальнейшем они могут проверить детализацию отданного ими голоса. Самым ярким актом использования блокчейн-технологий в избирательном процессе является опыт африканского государства Сьерра-Леоне на президентских выборах 2018 года. Инициатива использования инновационного голосования исходила от швейцарской компании Agora, которая занимается разработкой и адаптацией цифровых решений в рамках избирательного процесса. Национальный избирательный комитет Сьерра-Леоне аккредитовал ее на период выборов и дал статус наблюдателя. Исследователи обращают внимание на важность использования данной технологии с целью препятствования манипуляциям со стороны политических элит. Отмечается экономическая выгода, связанная с относительной дешевизной организации выборов. А ключевое значение при применении данной технологии имеет минимизация влияния на избирателей со стороны власти⁸.

Подчеркивается рост доверия избирателей к электоральным процедурам, что вызвано максимальной открытостью данных о проведенных выборах, их безопасным хранением и оперативной доступностью результатов голосования⁹, возросла и электоральная активность населения, что положительно отразилось на динамике участия граждан государства в выборах¹⁰. Разработчики утверждают, что технология-блокчейн имеет большие возможности по автоматизации избирательного процесса для той категории электората, которая предпочитает голосовать электронным способом и использует для этого биометрические данные и индивидуальные криптографические ключи¹¹.

На территории Российской Федерации самые значимые голосования на платформе блокчейн прошли в 2018 году в Саратовской области (в которых приняло участие порядка 40 тысяч избирателей), где избирали представителей областного Молодежного парламента¹², и в 2019 году на выборах в Московскую городскую Думу¹³. Важным является постепенное внедрение блокчейн-технологий в избирательный процесс на территории России и активная работа с избирателями, где им будет предоставляться информация

⁸ Kazeen Y. The world's first blockchain supported elections just happened in Sierra Leone. URL: <https://qz.com/1227050/sierra-leone-elections-powered-by-blockchain> (дата обращения 20.10.2019).

⁹ Sierra Leone Presidential Elections west Districts Results. March 7th, 2018. URL: <https://agora.vote/sierraleone/2018> (дата обращения 20.10.2019).

¹⁰ Сычев В. В Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента. N+1. URL: <https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes> (дата обращения: 19.11.2019).

¹¹ Kazeen Y. The world's first blockchain supported elections just happened in Sierra Leone. URL: <https://qz.com/1227050/sierra-leone-elections-powered-by-blockchain> (дата обращения 20.10.2019).

¹² Подведены итоги выборов в Молодежный парламент. Избирательная комиссия Саратовской области URL: <http://www.saratov.izbirkom.ru/docs/3339/> (дата обращения: 11.10.2019).

¹³ Электронные выборы. Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/blockchain-vybory/> (дата обращения: 11.10.2019).

о положительном эффекте данной технологии. Для преодоления недоверия со стороны граждан и придания процессу блокчейн-голосования приоритетного статуса, необходимо закрепить его использование на законодательном уровне. Сегодня представители государственной власти настроены активно использовать преимущества блокчейн-голосования¹⁴.

Кроме использования в избирательных процессах блокчейн-технологии могут использоваться для верификации электронных подписей граждан при подаче петиций или их локальном участии в решении того или иного вопроса, требующего использования партисипативных механизмов управления. Обоснованность и эффективность данной инициативы подтверждена опытом Бразилии, являющейся лидером по внедрению и использованию концепции партисипативности, и где существует практика верификации подписей граждан, участвующих в голосовании по той или иной инициативе или петиции. Причем верификация осуществляется законодательным органом страны по технологии блокчейн на платформе «ethereum»¹⁵.

В современном российском обществе происходит трансформации социальных ценностей и государственной политики в области взаимодействия с населением. Состояние и потребности общественных институтов и формирующегося гражданского общества в целом отражаются в эффективности социетальных инициатив, их мотивах и методах воздействия на властные структуры. Посредством анализа социальных процессов можно определить уровень развития общественности и выявить ее потребности в гражданской консолидации для решения того или иного вопроса. Взаимосвязь государства и гражданского общества растет; с течением времени все большее количество акторов начинает участвовать в разработке и принятии решений в рамках современного публичного управления; существует тенденция активизации общественного контроля за исполнением деятельности органов власти [8].

В России активно внедряются партисипативные технологии публичного управления и, если в большинстве субъектов Российской Федерации они концентрируются на муниципальном уровне, то в некоторых субъектах приобретают региональный характер [9]. Голосование проходит на государственных платформах, которые могут быть уязвимы к внешней среде или фальсификациям. Поэтому было бы целесообразно на начальных этапах внедрения партисипативных механизмов начать использование блокчейн-технологий. Подобная инициатива может создать действенную платформу для скорейшего решения важных для населения вопросов. При этом на выходе мы получим механизм, который будет пользоваться максимальным

¹⁴ Зыкова С. Выборы на блокчейне: как это работает и что дает избирателям. Rusbase. URL: <https://rb.ru/story/vybory-vybory/> (дата обращения 01.10.2019).

¹⁵ Kazeen Y. Sierra Leone's electoral commission is pushing back on reports that blockchain powered its election. URL: <https://qz.com/1234268/sierra-leone-blockchain-election-election-commission-deniesuse-of-blockchain> (дата обращения 20.10.2019).

доверием граждан благодаря своей открытости и практической невозможности фальсификации народного волеизъявления.

Так, к примеру, по предложению спикера Государственной Думы Вячеслава Володина было принято решение начиная с 2017 года формировать повестку нижней палаты российского парламента, основываясь на данных социологических исследований, что может способствовать первоочередному решению именно тех вопросов, которые интересуют граждан¹⁶. В то же время существуют изыскания, указывающие на снижение доверия граждан к социологическим опросам¹⁷. Это значит, что формирование политической повестки лишь на основании социологических опросов может оказаться малоэффективным и не соответствовать реальному положению дел в обществе. Использование блокчейн-технологий наравне с социологическими исследованиями повысило бы доверие граждан к деятельности органов власти, способствовало бы составлению реальной повестки для Государственной Думы, а граждане могли бы чувствовать свою сопричастность к решению государственных проблем. Идею внедрения блокчейн-технологий в электоральные процессы поддерживает также Европейский парламент, экспертно-аналитическим центром которого разработан доклад о необходимости перехода избирательных процедур от государства к гражданам, где отмечается центральная роль блокчейн-технологий в этом процессе¹⁸.

Это не случайно. При блокчейн-технологиях, благодаря открытой структуре данных, формируется формула «участник голосования = наблюдатель» и повышается ответственность и заинтересованность всех граждан в течении избирательных кампаний. Целесообразно также внедрение практики формирования повестки законодательного (представительного) органа власти, исходя из социологических исследований и голосования на основании блокчейн в субъектах Российской Федерации. Такое углубление партисипативных связей «государство-общество» на всех уровнях власти будет положительно влиять на формирование государства, имеющего «сервисную» ориентацию.

В свете вышесказанного можно сделать выводы о необходимости внедрения партисипативных технологий на практике в Российской Федерации. Поэтапная работа с гражданами, направленная на популяризацию блокчейн-технологий, и активная аргументация их эффективности в электоральных процессах положительно скажутся на электоральной культуре и повысят доверие граждан к государственной власти. Развитие института «избиратель = наблюдатель» будет способствовать выработке внутренних

¹⁶ Госдума будет формировать повестку на базе социологических опросов. Сайт Председателя Государственной Думы РФ. URL: <https://vvolodin.ru/news/gosduma-budet-formirovat-povestku-na-baze-sotsiologicheskikh-oprosov/> (дата обращения 12.11.2019).

¹⁷ ВЦИОМ сообщил о снижении уровня доверия россиян к соцопросам. Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2018/11/14/146774-vtsiom-soobschil-o-snizhenii-urovnya-doveriya-rossiyan-k-sotsoprosam> (дата обращения 12.11.2019).

¹⁸ What if blockchain technology revolutionized voting? URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/581918/EPRS_ATA\(2016\)581918_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2016/581918/EPRS_ATA(2016)581918_EN.pdf) (дата обращения 22.11.2019).

побуждений граждан к сопричастности к выборам и их личной ответственности за участие либо неучастие в них. Создав благоприятную почву для внедрения блокчейн-технологий, необходимо приступить к их постепенному внедрению с муниципального уровня власти, а в дальнейшем развивать их на региональном уровне.

Причем использование этих технологий должно протекать не только в избирательном процессе, но и в процессах составления петиций и голосования по важным для общества вопросам. Лишь после укоренения данного института в регионах целесообразным является его использование на федеральном уровне. Важно создать позитивное общественное мнение о блокчейн-технологии на нижних социальных ступенях, так как особо важные государственные вопросы не могут решаться без массового гражданского участия. При слабом внедрении блокчейна на уровне местного самоуправления мы получим лишь дополнительное финансовое обременение и очередную неэффективную технологию, так и не получившую общественного одобрения.

В России укореняется антропосоциетальность [10] — активный и независимый актор формирует запрос на текущую модель публичного управления, которая будет сконцентрирована вокруг его потребностей. Постиндустриальная общественная среда образована как совокупность факторов, способствующих реализации индивидуальных жизненных стратегий [2]. Следовательно, социальная база для развития «сервисной» модели публичного управления взамен патерналистской, свойственной советскому периоду, уже присутствует. В отличие от коллективистской модели, которая практически не подразумевала личную ответственность и отрицала индивидуальное определение целей и потребностей, современное государственное управление должно руководствоваться интересами акторов. Коллективистская модель предполагала концентрацию перечисленных выше механизмов принятия решений (в части публичных услуг) в руках государственного аппарата, а это означало одно: ответственность за принятые решения ложилась на государство. При современной модели публичного управления ответственность и механизмы принятия решений постепенно переходят к акторам. Деятельность по внедрению концепции сервисного государства протекает разрозненно и не всегда эффективно, что объясняется отсутствием единой нормативно-правовой базы, которая могла бы регулировать данную сферу; существуют лишь различные законодательные акты, регулирующие отдельные «сервисные» элементы. Имеется проблема уязвимости сохранения персональных данных граждан и, как следствие, уменьшение их доверия к цифровым технологиям, что вызвано зачастую устаревшими технологиями, используемыми на данный момент государством, и пренебрежением «новыми», более эффективными, технологическими решениями.

На наш взгляд, урегулированием данной проблемы могло бы выступить создание единой федеральной платформы для участия в голосовании на всех уровнях государственного устройства страны, т.к. она будет действовать

на всей территории Российской Федерации. Логичным будет включение в состав такой платформы разделов с петициями и голосованиями по важным для общества вопросам. Петиции — важный инструмент реализации гражданских инициатив и, несмотря на свою влиятельность на социальные процессы, они не имеют нормативного регулирования, по сути, являясь индикаторами общественного мнения, отражающими социальный выбор.

В случае с отсутствием регулирования данного механизма народного волеизъявления создается ситуация опасного внешнего и внутреннего влияния со стороны стейкхолдеров и лоббирования интересов групп акторов. На данный момент в Российской Федерации наибольшей популярностью пользуются петиции, продвигаемые через интернет-порталы. Так, петиции, подаваемые на интернет-портале «Российская общественная инициатива» (РОИ), имеют нормативное обеспечение и обязательны для рассмотрения органами власти при достижении определенного количества поддерживающих граждан¹⁹. Возрастает роль электронного правительства и электронной коммуникации с властью, формируются новые институциональные порядки коммуникации [11, с. 54]. В то же время, несмотря на наличие аккредитованного государством портала РОИ, самой популярной площадкой продвижения инициатив акторов является портал Change.org, который не обладает нормативным обеспечением, а петиции, создаваемые на его базе, имеют лишь рекомендательный характер и могут игнорироваться государством, несмотря на их популярность.

Хотя органы государственной власти часто не оставляют без внимания популярные инициативы, созданные на Change.org. К успешным, резонансным петициям, обратившим на себя внимание граждан и органов власти, и как итог, рассмотренным последними, можно отнести: остановку строительства завода на озере Байкал; увеличение пособия по уходу за детьми-инвалидами; приостановка запрета на ввоз лекарств из-за рубежа; зоозащитные петиции; и т.д.²⁰. Реализация возможности создания и продвижения петиций на государственной площадке, разработанной и действующей на основе блокчейн-технологий и имеющей нормативное обеспечение деятельности и обязательности рассмотрения инициативы соответствующими структурами, вывела бы российское гражданское общество на новый уровень развития. А возможность лоббирования чьих-либо интересов группами стейкхолдеров пресекалась бы передачей регулятивной функции структурам Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, что в разы повысило бы доверие граждан по отношению к петициям и их качественное содержание.

¹⁹ О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2013. № 10. Ст. 1019.

²⁰ Успешные петиции. Change.org Режим доступа: URL: <https://www.change.org/ru/%D0%BF%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%B4%D1%8B> (дата обращения 30.01.2020).

Разработка нормативно-правовой базы для деятельности данной платформы исключит возникновение спорных вопросов и повысит эффективность ее функционирования. Создание единой платформы можно обосновать следующими обстоятельствами:

- повышенное обеспечение безопасности федеральных электронных ресурсов;

- экономичность эксплуатации (содержание единой базы и поддержание ее работоспособности менее затратное, чем поддержание большого количества региональных структур, т.к. не все субъекты Российской Федерации могут принять дополнительное финансовое обременение в виде электоральной площадки);

- большие возможности популяризации ресурса (федеральный бюджет обладает значительными финансовыми и административными ресурсами для популяризации площадки, при этом всегда эффективнее популяризовать одну федеральную площадку, чем множество региональных);

- повышенный контроль федеральных органов власти за реализацией партисипативных технологий с механизмами блокчейн;

- создание базы «лучших практик» и прецедентов (региональные власти смогут заимствовать и внедрять у себя на территориях лучшие практики партисипативного управления, существующие в других регионах страны);

- введение в поле деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации голосований по важным местным или региональным вопросам (по сути, данные голосования являются референдумами, но они никак не регулируются избирательными комиссиями и проходят без их участия);

- использование партисипативных технологий в деятельности региональных законодательных (представительных) органов власти (создается возможность формировать деятельность законодательных органов власти исходя из интересов и потребностей граждан).

Для реализации данной платформы или любого другого государственного ресурса, использующего блокчейн-технологии в своей деятельности, необходимо провести работу по популяризации данной технологии в России.

Сегодня во всем мире происходит процесс активного внедрения блокчейн-технологий в деятельность государственных органов власти, что способствует повышению уровня доверия граждан к деятельности власти и развитию чувства сопричастности к системе государственного управления. Важно своевременно внедрить блокчейн-технологии в российские избирательные процессы. Ключевые свойства блокчейна — неизменность, программируемость, безопасность [12, с. 35]. Сегодня блокчейн является пиком развития информационных технологий. Несмотря на наличие незначительных рисков, связанных с функционированием системы (уязвимости устраняются, а технология совершенствуется), она более надежна,

чем другие существующие технологии, и в меньшей степени подвержена ко всякого рода манипуляциям.

Блокчейн практически невозможно взломать, при его использовании нет необходимости привлечения третьих лиц [13], к тому же блокчейн-голосование экономически более привлекательно. Важнейшим его достоинством является невозможность каких-либо фальсификаций на выборах. В России происходит медленное и постепенное внедрение данных технологий в избирательный процесс, вводятся пилотные программы; важно на начальных этапах апробации данной технологии сформировать положительное общественное мнение о блокчейне для ее дальнейшего эффективного внедрения в электоральные процессы. По причине малой изученности проблематики и ее новизны эффективнее будет использовать лучшие практики зарубежных стран, являющихся лидерами в данной сфере, и только после ее институциональной трансформации под реалии российского общества становится целесообразным использование блокчейн-технологии на выборах в России.

Список литературы

1. Мартынова С.Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. 346 с.
2. Мартынова С.Э. Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2018. № 3. С. 67–68.
3. Алексеев Р.А. Апробация и перспективы применения технологии блокчейн на выборах за рубежом и в России // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 41–48.
4. Croman K., Decker C., Eyal I., Gencer A., Juels A., Kosba A., Miller A., Saxena P., Shi E., Gun E. On scaling decentralized blockchains // Security and Trust Management, 2016. 240 p.
5. Генкин А., Михеев А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. М.: Альпина Пабlishер, 2017. 592 с.
6. Корчагин С.А. О текущих трендах в развитии технологии блокчейн // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 31–38.
7. Iansiti M., Lakhani K. The Truth about Blockchain // Harvard Business Review, 2017. № 1. P. 118–127.
8. Туманян Г.В. Современные партисипативные технологии принятия решений в законодательных и представительных органах власти // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. № 5А. С. 26–33.
9. Туманян Г.В. Совершенствование партисипативных технологий принятия государственных решений: на примере Республики Татарстан // Теории и проблемы политических исследований. 2019. № 5А. С. 29–35.
10. Martynova S. Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // Annals of Anthropological Practice, 2018. № 42. P. 19–28.

11. Васильева, Е.Г. Между технологией и институтами: особенности формирования электронного правительства в Волгоградской области // Logos Et Praxis. 2019. № 8. С. 52–64.
12. Кирилова Д.А., Маслов Н.С., Рейн А.Д. Blockchain, как технология для разработки // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 1. С. 34–38.
13. Kirilova D., Maslov N., Astakhova T. Prospects for the introduction of blockchain technology into a modern system of education // International Journal of Open Information Technologies, 2018. Т. 6. №. 8. P. 31–37.

ПРОЕКТЫ ПО АВТОМАТИЗАЦИИ ГОЛОСОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье при помощи метода кросс-темпорального сравнения рассмотрены основные проекты по автоматизации голосования на выборах от Античности до наших дней. На основе анализа мирового опыта избирательных процедур дается периодизация истории автоматизации голосования. В мировом опыте автоматизации голосования автор выделяет три больших проекта: механический (IV век до н.э. — 1960-е гг.); электронный-стационарный (1860-е гг. — н.в.); электронный-дистанционный (1996 г. — н.в.). Несмотря на существенные различия трех, реализованных в разных исторических и политико-культурных условиях, проектов, все они были ориентированы на решение практических задач по увеличению скорости подсчета голосов и обнародования результатов выборов, минимизации участия человека в подсчете голосов, обеспечению проверки корректности работы устройств, и, следовательно, повышению доверия к результатам выборов. Автор выделяет группу факторов, которые в разное историческое время оказывали сильное воздействие на развитие новых технических средств подсчета голосов: политические реформы, расширяющие круг граждан, обладающих избирательными правами; недоверие общества к результатам традиционных выборов; стремление общества к минимизации финансовых и человеческих ресурсов. Инициативы по внедрению механических или электронных машин для голосования всегда были реакцией заинтересованных групп на политические и экономические вызовы. Первые два десятилетия XXI века обозначили тенденцию постепенного отказа от использования бумажных бюллетеней на выборах и перехода к электронному голосованию.

Ключевые слова: выборы, электронное голосование, интернет-голосование, электронная демократия, политическое участие, власть, политика, государство, выборы.

VOTING AUTOMATION PROJECTS IN HISTORICAL RETROSPECT

Abstract. The article considers the main projects on voting automation from Antiquity to the present times by means of using cross-temporal comparison. It describes different periods of voting automation history on the basis of analyzing global electoral experience. Based on this analysis, the author determines three major projects: mechanic (IV century BC — 1960s); stationary electronic (1860s — present); remote electronic (1996 — present). Despite vital differences between these projects, which were implemented within different

ФЕДОРОВ Владислав Иванович — аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Сведения о поддержке. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31001.

historical, political and cultural contexts, all of them were focused on solving the following issues: making the process of a vote count faster, minimizing the role of a human in the vote count, verifying correct equipment operation and, therefore, making the results of elections more credible. The author distinguishes several issues which had a strong impact on developing new vote count equipment: political reforms which helped to increase the number of people entitled to vote; the lack of public confidence in results of paper-based elections; society who wanted to minimize financial and human resources. Initiatives for implementing mechanical or electronic voting machines have always been a response of concerned circles to political and economic challenges. In the first two decades of XXI century, we have seen a tendency towards moving on electronic voting and phasing out of paper-based elections.
Keywords: elections, electronic voting, internet voting, e-democracy, political participation, power, politics, state, elections.

Современный проект электронного голосования, реализованный на выборах и референдумах в 41 государстве, имеет длительную историю становления. Принципы автоматизации голосования, похожие на те, которые сегодня применяются в электронном голосовании, можно найти в политической истории Древних Афин, в Европе и США в XIX веке. Изучение мирового опыта автоматизации голосования позволяет выявить схожие и особенные характеристики выборных устройств, которые свидетельствуют о существовании трех больших проектов по автоматизации голосования, различающихся по способу голосования и подсчета голосов: механический (IV век до н.э. — 1960-е гг.); электронный-стационарный (1860-е гг. — н.в.); электронный-дистанционный (1996 г. — н.в.).

В настоящей статье обозначены сложившиеся подходы к исследованию электронного голосования и в широком историческом, и страноведческом контексте, с учетом особенностей политической культуры будет рассмотрена эволюция устройств по автоматизации голосования. Исторические условия становления электронного голосования и его влияние на легитимность выборов и референдумов, риски и преимущества в политологии изучены недостаточно.

* * *

Современное электронное голосование имеет две различные формы: голосование на стационарных избирательных участках (e-voting) и дистанционное голосование при помощи технических устройств (i-voting), где каналом передачи данных о голосовании выступает «Интернет». Исследователи предлагают множество дефиниций электронного голосования. В широкой трактовке под электронным голосованием понимается голосование с использованием любых электронных устройств для подсчета голосов избирателей, в том числе сканеры избирательных бюллетеней. В более конкретном понимании электронным голосованием считается только голосование при помощи машин прямой записи результатов голосования без использования бумажных бюллетеней.

Изменения в выборной практике и развитие избирательного законодательства России привели к изменению содержания термина «электронное голосование». Так, в период 2014–2018 годов на основании Постановления Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 27 августа 2014 г. № 248/1529-6 «О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации» давалось следующее определение этого понятия: «Электронное голосование — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации государственной автоматизированной системы «Выборы». В 2014 году Постановлением ЦИК России был детально прописан механизм и масштабы электронного голосования. Согласно постановлению, электронное голосование может использоваться только на 1 (одном) проценте избирательных участков страны или территории, где проводятся выборы. ЦИК России не признает электронным голосованием сканеры бюллетеней, которые широко распространены в мире.

В 2019 году в связи с необходимостью проведения эксперимента по дистанционному электронному голосованию на выборах в Московскую городскую Думу был принят Федеральный Закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва», где в части 2 статьи 2 появилось еще одно определение: «Дистанционное электронное голосование — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг города Москвы».

Таким образом, в избирательном законодательстве России действуют два определения электронного голосования: для избирательных участков и для дистанционного электронного голосования.

Появление электронного голосования обусловило необходимость в проведении исследований в этом направлении. Влияние электронного голосования на электоральное поведение избирателей, легитимность выборов и избирательное законодательство изучают политологи, юристы и социологи. Специалисты в области технических наук занимаются разработкой технологических требований и проводят экспертизу систем электронного голосования.

Политологический подход акцентирует внимание на влиянии электронного голосования на политическую сферу общественной жизни и легитимность выборов как их ключевую аксиологическую характеристику. Политологический подход сформирован работами таких ученых, как Р. Альварес, С.В. Володенков, Р. Криммер, А.Д. Рубин, Т.Э. Холл [1; 2; 3; 4]. В рамках данного подхода электронное голосование предстает в качестве концепт-продукта демократии XXI века с качественно иными характеристиками

политического участия граждан, открывающими перспективы транзита от представительной к партисипаторной демократии.

Юристы изучают конституционно-правовые основы, возможности совершенствования избирательного законодательства и последствия использования электронного голосования. Большой вклад в разработку данного направления исследований внесли Я.В. Антонов, Р.Т. Биктагиров, И.Б. Борисов, А.А. Вешняков, К.Ю. Матрёнина [5; 6; 7; 8; 9]. В научных трудах перечисленных авторов электронное голосование предстает в качестве ключевого механизма электронной демократии, который нуждается в изучении с позиций науки конституционного права.

Социологи рассматривают электронное голосование как сложный общественный процесс взаимодействия избирателей, кандидатов, организаторов выборов и наблюдателей, который можно изучить методами массовых и экспертных опросов (Б.З. Докторов, Л. Капоруссо, А.Ю. Цаплин [10; 11; 12]). Социологические исследования помогают понять готовность общества к возможной технологической модернизации избирательной системы на предварительном этапе разработки проекта.

Понимание *технических возможностей* электронного голосования важно для оценки политических рисков. Проблемы технических сбоев и обеспечения условий для надежной работы систем электронного голосования разрабатывали такие зарубежные исследователи, как Д. Джефферсон, Ш. Ингхаард, А. Рубин, Б. Симонс, Д. Вагнер [13; 14].

Большой вклад в изучение электронного голосования с *междисциплинарных позиций* внес исследователь из Таллинского технического университета Р. Криммер, изучающий эволюцию технологий электронного голосования и их влияние на демократию. Его исследования помогают в выработке международных стандартов и формируют концептуальные основания электронного голосования как формы реализации активного избирательного права в рамках электронной демократии XXI века [15].

Криммер предложил концептуальную модель электронного голосования, где выделил четыре фактора, определяющие развитие новых технологий голосования: технологический, правовой, политический и социальный. *Технологический фактор* оказывает определяющее влияние на границы возможностей использования всей инфраструктуры: сети электроснабжения и передачи данных; оборудование на избирательных участках; списки избирателей; систему электронного документооборота; количество, выданных электронных цифровых подписей. *Правовой фактор* напрямую регулирует избирательное законодательство, которое должно обеспечивать проведение электронного голосования. *Политический фактор* несет в себе непредсказуемое содержание, потому что очень тяжело спрогнозировать возможные последствия модернизации избирательной системы. Система электронного голосования должна обеспечивать достаточные возможности для независимого аудита. *Социальный фактор* определяет доверие насе-

ления к электронному голосованию. Если избиратели не будут обладать минимальной технической грамотностью, то даже технически совершенная система не сможет работать.

Для понимания рисков и возможностей интернет-голосования полезны работы С.В. Володенкова, который акцентирует внимание на манипулятивном воздействии Интернета на политические процессы. По его мнению, сегодня Глобальная сеть находится в стадии интенсивной трансформации и превращения в фрагментированное на уровне национальных сегментов виртуальное пространство политических коммуникаций, в рамках которого осуществляется активное конкурентное противоборство ведущих технологических держав за право транслировать собственный идеологический и пропагандистский контент [16].

Примером взгляда социолога на электронное голосование является работа итальянской исследовательницы Л. Капоруссо — участницы проекта по изучению целесообразности перехода на электронное голосование в автономной провинции Трентино, Италия. Она считает, что «даже самые незначительные и редкие сбои в работе электронных машин для голосования, вызванные ошибками организаторов выборов, могут стать поводом для требований признать результаты выборов недействительными» [11, с. 137]

Американский социолог российского происхождения Б.З. Докторов (живет в США с 1994 г.) считает, что внедрение электронного голосования — закономерный результат развития общества; полностью заменить традиционные избирательные участки электронное голосование не сможет, поскольку всегда будут люди, не доверяющие технике или желающие делать свой выбор на участке. Но уже в ближайшие годы в США электронное голосование будет доминирующей формой политического выбора. В своей монографии, посвященной президентской избирательной кампании 2008 года в США, он подробно рассмотрел влияние информационно-коммуникационных технологий на победу Б. Обамы [10].

В правовых исследованиях авторы рассматривают соответствие электронного голосования принципам народовластия и разделения властей. Глубокий и всесторонний анализ развития электронного голосования в России впервые был проведен в исследованиях доктора юридических наук Р.Т. Биктагирова, ставших классикой избирательного права. Автор в трехтомном труде на эмпирической базе российской электоральной истории периода 1996–2013 годов на основе метода ретроспективного анализа сравнил особенности электронного голосования от первых опытов до более широкого применения на выборах [6].

Согласно подходу И.Б. Борисова, в рамках формирования представительных органов власти «электронная демократия», как современный институт реализации права граждан на участие в управлении, в основном, будет выполнять вспомогательную функцию в процессе выборов представителей. И именно эта вспомогательная процедурная функция цифровых

технологий — автоматизация процесса волеизъявления — сегодня активно внедряется во всем мире. Кроме того, по мнению исследователя, существует проблема слишком широкого толкования терминов «электронная демократия» и «электронное голосование», что не позволяет установить единые принципы и подходы автоматизации участия населения в управлении делами государством [7].

Междисциплинарные исследования электронного голосования расширяют эвристические возможности научного поиска. Политологический, социологический, правовой и технический подходы к исследованию электронного голосования дополняют друг друга. Наиболее полно методологическим инструментарием исследований обеспечена западная наука. Но в связи с расширением использования электронного голосования в России у отечественных ученых появляется эмпирическая база для собственных практических исследований.

* * *

Предваряя описание различных технических новаций в выборной практике, необходимо поставить конкретные вопросы и дать убедительные ответы, раскрывающие причины стремления участников избирательного процесса передать ответственность за ход голосования и подсчет голосов от человека к техническим устройствам.

Где и когда впервые были использованы устройства для автоматизации процесса голосования? Какие этапы развития они прошли? Какая группа граждан выступала инициатором перехода к автоматизации голосования? Какие события были причинами отказа от традиционных способов голосования? И наконец, какие политические последствия несет изменение способа голосования и подсчета голосов? Основным исследовательским инструментом является метод кросс-темпорального сравнения.

Традиции всенародности в политической жизни общества родились в древние времена в Аттике. В созданных Гомером поэмах «Илиада» и «Одиссея» в IX–VIII веках до н.э. описано, как путем голосования свободные мужчины-воины участвовали в обсуждении вопросов объявления войны и заключения мира, выбирали должностных лиц и творили суд. Партиципаторная демократия как форма правления и выборы как способ формирования органов власти прошли длительный путь эволюции — от военной демократии, возникшей в Древних Афинах и Древнем Риме, до современных форм народовластия со стройной системой разделения властей, впервые закрепленной в конституционных текстах США (1787) и Речи Посполитой (1791). По преданию, выборные процедуры в Русском государстве возникли в IX веке. По мнению И.В. Минникес, «показателем, позволяющим относить древнерусское «призвание» (князя — *Авт.*) к выборам, является то, что решение принималось не одним лицом, не группой должностных лиц, а населением» [17, с. 10].

Голосование в специально отведенных для этого местах, ставшее нормой политического участия, оформилось в VII веке до н.э. в Древних Афинах, где граждане собирались на Агоре (рыночной площади) и голосовали выкриками в толпе или поднятием рук (хейротония) [18, с. 29]. Благодаря реформам Солона, в VI–V веках до н.э. сложилась практика голосования по жребию — «клеросис», которая реализовалась при помощи глиняных табличек с именами кандидатов или бобов черного и белого цвета. Затем для жеребьевки стало использоваться первое механическое устройство по автоматизации выборов [19, с. 167]. Почтовое голосование, впервые появившееся в Древнем Риме, представляло собой определенного рода эквивалент интернет-голосования. Во II веке до н.э. первые законы о противодействии мошенничеству с голосами избирателей так же были приняты римлянами [20, с. 158].

Изучение мирового опыта автоматизации голосования позволяет выявить схожие и особенные характеристики выборных устройств, различные принципы их работы, которые свидетельствуют о существовании трех больших проектов по автоматизации голосования, различающихся по способу голосования и подсчета голосов: механический (IV в. до н. э. — 1960-е гг.); электронный-стационарный (1860-е гг. — н.в.); электронный-дистанционный (1996 г. — н.в.). Эти проекты выделены на основании четырех критериев, определяющих содержательные отличия: способ определения победителя выборов, место голосования, техническое содержание, хронологические рамки. Описать эволюцию устройств по автоматизации голосования необходимо для того, чтобы определить границы их влияния на легитимность выборов как одну из ключевых характеристик политической системы общества в различных исторических условиях.

Разные технические решения, применяемые в устройствах для голосования, преследовали одинаковые цели, а именно: повышение скорости подсчета голосов, минимизация участия человека в подсчете голосов, возможность проверки корректности работы устройств и, следовательно, повышение доверия к результатам выборов.

Механический проект берет свое начало в Древних Афинах в IV веке до н.э. Жители Аттики (юго-восточная область центральной Греции) были не только отцами демократии, но и пионерами внедрения устройств автоматизации голосования. В Древних Афинах в IV–II веках до н.э. для жеребьевки кандидатов на выборные должности использовалось механическое устройство — клеротерий [20, с. 62], который представлял собой каменную стелу с вертикальным желобом. На стеле размещались таблички с указанием имен кандидатов, а вертикальный желоб наполнялся шарами белого и черного цвета. Если кандидатов на выборную должность было десять, то организаторы выборов опускали в желоб девять шаров черного цвета и один белый шар. Затем нижнюю часть желоба открывали и оттуда появлялся первый шар, соответствующий первой именованной табличке. Если он был черно-

го цвета, то жеребьевка продолжалась, если белого, то кандидат считался избранным. Во времена Аристотеля в IV веке до н.э. жребием замещалось большинство публичных должностей [21, с. 502].

Античный клеротерий можно признать увертюрой к автоматизации процесса голосования, развернувшегося на 2600 лет. Процедура жеребьевки при помощи механического устройства предотвращала избирательные споры, способствовала легитимации избранных лиц и наделяла выборы особым мистическим смыслом, в котором жители Аттики усматривали волю судьбы, которой подчиняются и боги, и люди.

* * *

Современные исследователи в жеребьевке видят способ повышения эффективности институтов представительной демократии. Эксперименты по формированию консультативных советов гражданского общества путем жеребьевки реализованы в Канаде, Ирландии и ФРГ [22, с. 143]. Сторонники присутствия «случайных людей» во власти полагают, что жеребьевка обеспечит равенство возможностей: шанс занять должность в законодательной или судебной власти есть у каждого. Элитные группы не смогут провести своих кандидатов, потому что случайный отбор сделает результаты выборов непредсказуемыми. Тем самым распределение власти будет более справедливым.

По мнению политолога из Университета Пенсильвании А. Гурреро, компенсировать недостаток знаний случайно отобранных представителей общества смогут эксперты, которые расскажут парламентариям о различных вариантах решения проблемы, но экспертное мнение не должно быть определяющим. Итоговое решение должно формироваться в дискуссиях с участием парламентариев и избирателей [23, с. 155].

Таблица 1.

Механический проект автоматизации голосования

Дата появления	Способ голосования	Государство
Механический IV в. до н.э. — 1960 гг.		
IV в. до н.э.	Мраморная стела с поименованными табличками и желоб с шарами для жеребьевки	Афины
1836 г.	Первый проект по автоматизации голосования в Новом времени — механическая машина Джорджа Гротта	Англия
1892 г.	Для голосования нужно нажать на рычаг. Производитель компания — AVM	США
1910–1960 гг.	Рычажные машины распространены на выборах во всех крупных городах США	США

Возвращение механических машин в выборную практику растянулось более чем на двадцать столетий. Первые проекты машин для голосования появились в Новое время в Англии, но на выборах они начали применяться в США. Англия первой половины XIX века была ареной политической борьбы между несколькими элитными группами, состоящими в разной пропорции из аристократии, обуржуазившейся аристократии и буржуазии. Главной линией политических трансформаций было расширение влияния буржуазии. Пролетарии в то время еще не были консолидированы и не мечтали о политической власти.

В 1832 году в результате избирательной реформы были ликвидированы «гнилые местечки» (обезлюдившие в конце XVIII — начале XIX веков деревни и городки в Великобритании, сохранившие при этом парламентское представительство), снижен имущественный ценз и крупные города получили представительство в парламенте. Но при этом требования промышленной буржуазии были удовлетворены без учета интересов средних городских слоев и рабочих. Борьбу за политические права этих социальных групп возглавило движение чартистов. Основой политической программы этого движения была «Народная хартия», содержащая шесть требований: равное представительство; переизбрание парламента каждый год; всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21 года и проживающих в избирательном округе не менее шести месяцев; отмена имущественного ценза; тайное голосование; вознаграждение за работу депутатом.

Главным борцом за автоматизацию голосования в Англии был выдающийся историк античности, член Палаты общин Дж. Гротт, который в 1836 году предложил первый проект автоматизации голосования. По мнению Гротта, машина снижала угрозу фальсификации выборов и обеспечивала тайное голосование, чего тогда не было на парламентских выборах в Англии¹. Для голосования избирателю нужно было опустить бумажный бюллетень в машину и сделать в нем прокол. Инициатива Гротта была забаллотирована консервативным большинством — в его поддержку высказалось 155 парламентариев, против проголосовали — 267.

В контексте успехов промышленной революции, превратившей Англию в успешную экономику, машина для голосования воспринималась рабочими, мелкими буржуа и домовладельцами как один из способов обеспечения политических прав. С учетом высокого уровня коррупции того времени все слои английского общества, более или менее знакомые с машинами, к беспристрастной технике относились с большим доверием, чем к организаторам выборов, которые зачастую действовали в интересах элитных групп. Аристократия, составлявшая костяк правящего класса, манипулировала выборами в целях сохранения своего господствующего положения. В итоге

¹ Spectator. Ballot-Voting. 25 February 1837. P. 16. URL: <http://archive.spectator.co.uk/page/25th-february-1837/16> (проверено 19.10.2019).

получилось так, что поступление машины на службу демократии случилось в более прогрессивном обществе.

* * *

Идеи, рожденные в Европе, были реализованы в США в конце XIX века. Этот период американской истории ознаменовался двукратным увеличением численности избирателей, что было связано с предоставлением избирательных прав женщинам в западных штатах и большим притоком иммигрантов из Европы, которые тоже получали избирательные права. В США были обеспокоены возможностью того, что расширение корпуса избирателей сделает фальсификацию бумажных выборов значительно проще, поэтому власти сформулировали запрос на создание устройств, которые позволяли бы минимизировать трудозатраты организаторов выборов и сократить время определения итогов голосования: человек призвал на помощь машину.

Впервые апробация механических устройств для голосования в выборной практике состоялась на муниципальных выборах 1892 года в городе Локпорт, штат Нью-Йорк, где были использованы рычажные машины для голосования [24, с. 20]. Именно этот штат в качестве полигона для «обкатки» новой технологии голосования выбрали неслучайно — Нью-Йорк на рубеже XIX–XX веков был центром притяжения иммигрантов из Европы и характеризовался экспоненциальным ростом численности избирателей.

Патент на машину для голосования, которая использовалась в Локпорте, за три года до этого получил изобретатель Джейкоб Маерс. Принцип ее действия был прост: избиратель нажимал на рычаг, а машина фиксировала сделанный выбор. Затем результаты голосования распечатывались на бланке. В конце 1890-х годов изобретатель Альфред Дж. Гиллеспи запатентовал рычажную машину с кабинкой для голосования. Уже в 1898 году Гиллеспи вместе с Маерсом создали фирму Automatic Voting Machine Company, которая на конец XIX — начало XX веков стала крупнейшим производителем машин для голосования.

Процесс механического голосования был разделен на три последовательных действия: избиратель тянул за ручку, чтобы закрыть шторы кабинки для голосования; поворачивал рычаг, соответствующий выбранному кандидату; тянул ручку назад, чтобы зарегистрировать свой голос и открыть шторы кабинки. После завершения голосования организаторы выборов должны были открыть заднюю панель машины и внести в протокол голосования результаты автоматического подсчета. Проверить итоги голосования на машине было нельзя, поскольку дублирование записи голосов избирателей на бумаге не было предусмотрено.

Машина для голосования Гиллеспи и Маерса широко использовалась в США на общенациональных, региональных и муниципальных выборах в течение первой половины XX века. По состоянию на 1937 год по всей Америке на выборах применялось более 25 тыс. таких машин. На выборах

президента США 1960 года ею воспользовались более 65 млн избирателей. Эти выборы были торжеством механического этапа развития автоматизации голосования перед его медленным закатом.

Производители машин для голосования не хотели ограничиваться американским рынком и стремились продать свое оборудование в другие страны мира. Таких попыток было много, но одна из них заслуживает отдельного внимания. В 1937 году вице-президент Automatic Voting Machine Corporation Россел Ф. Гриффен направил в адрес народного комиссара пищевой промышленности СССР А.И. Микояна письмо с предложением о закупке партию автоматических машин для использования на выборах в СССР. В письме подчеркивалось, что в СССР, как в одной из передовых демократий мира, машина для голосования может найти самое широкое применение [25, с. 703]. Но американским бизнесменам не удалось убедить руководство СССР в необходимости приобретения своего уникального оборудования.

* * *

Американский опыт использования механических машин для подсчета голосов заставил и Европу обратиться к этой технологии. Немецкая компания Maschinenfabrik Eller разработала оборудование, которое применялось на муниципальных выборах 1961 года в городах Крефельд, Оберхаузен, Дортмунд, Дуйсбург и Дюссельдорф [15, с. 20]. Организаторы выборов признали опыт по автоматизации голосования успешным, поскольку машины сократили объем административной работы по сравнению с избирательными участками, использовавшими традиционные бюллетени.

Таким образом, механический проект автоматизации голосования с большими перерывами продолжался около двух с половиной тысячелетия. Различные механические устройства для выборов использовались в Древних Афинах, США и ФРГ. Они обеспечивали снижение влияния человеческого фактора и рост скорости определения результатов выборов. Недостатком этих устройств были проблемы с верификацией корректности работы.

Электронный-стационарный проект автоматизации голосования начался в 1850-е годы, но лишь спустя столетие первые опытные образцы машин для электронного голосования были использованы на юридически обязательных выборах. Во второй половине XIX века в различных государствах Европы изобретатели независимо друг от друга предлагали оригинальные способы по автоматизации парламентских голосований при помощи электричества. Однако депутаты после продолжительных обсуждений отказывались легализовать автоматическое голосование.

Так, в 1849 году Мартин де Бретт представил Сенату Франции проект машины, умеющей вести подсчет голосов с помощью электричества. В 1859 году в Пруссии Вернер фон Сименс предложил парламенту свои «Телеграфы голосования», которые могли обеспечить тайну голосования.

В Австрии предпосылки к появлению электронного голосования берут свое начало в парламентаризме эпохи Габсбургской монархии.

В 1863 году австрийский изобретатель и первооткрыватель электро-связи Карл Альберт Майрхофер предложил использовать электричество для проведения голосования в парламенте [3, с. 1]. В тот период члены парламента свое одобрение тех или иных решений выражали вставанием. Изобретатель отмечал, что использование электрического голосования сократит время дебатов и обсуждений и сделает парламентское время более эффективным. В 1869 году Томас Эдисон обратился к американскому конгрессу с предложением использовать электро-графический рекордер для голосования. Устройство Эдисона должно было размещаться за рабочими местами конгрессменов.

К 1960-м году использование устаревших механических машин для голосования, которые не обеспечивали возможность проверки их работы в округах, где кандидаты пользовались равной электоральной поддержкой, вызывало недоверие к итогам голосования. Кроме того, избирательные реформы в США и технический прогресс стали импульсом к развитию автоматизированных технологий голосования, появились сканеры избирательных бюллетеней. Назрела необходимость создания более совершенных машин, обеспечивающих понятный механизм верификации и высокую скорость подсчета голосов. Было предложено два типа электронных устройств: машины оптического сканирования бумажных бюллетеней и компактное оборудование для голосования на перфокартах.

В 1959 году в связи с ростом числа избирателей власти Лос-Анджелеса заключили контракт на разработку электронной машины для подсчета бюллетеней [24, с. 55]. Реализацией проекта занялась Norden Division of United Aircrafts Corporation, представившая в 1961 году машины оптического сканирования бумажных бюллетеней с флуоресцентными чернилами для ручек, которыми делались отметки в бюллетенях. Машина сканировала бюллетень и считывала информацию о волеизъявлении избирателя. Но эти машины в США не получили широкого распространения.

В 1964 году изобретатель Джозеф Харрис получил патент на электронную машину Votomatic. В 1965 году он продал патент компании IBM. Для голосования на устройстве Харриса избирателю нужно было пробить с помощью компостера отверстие в перфокарте, соответствующее имени кандидата. Машина автоматически распознавала результаты голосования и аккумулировала данные о всех проголосовавших. После окончания голосования, машина распечатывала бумажную ленту с результатами. Для проверки работы машины организаторы выборов могли выполнить ручной пересчет голосов, отмеченных на перфокартах. По данным профессора Университета Сент-Луиса Кеннета Уоррена в 1988 году 60 процентов американских избирателей голосовали при помощи машин с перфокартами [24, с. 28].

Таблица 2.

Электронный-стационарный проект автоматизации голосования

Дата появления	Способ голосования	Государства
Электронный-стационарный 1860 гг. — н.в.		
1849–1869 гг.	Первые прототипы электрических машин по записи результатов голосования в парламенте	Австро-Венгрия; Пруссия; США; Франция
1962–1964 гг.	Машина оптического сканирования, считывающая информацию с бюллетеней; компьютер, считывающий информацию с перфокарт	США
1974 г.	Запатентована первая машина прямой записи результатов голосования. Машина использовалась в штате Иллинойс	США
1978 г.	Первую в Европе машину для электронного голосования выпустила компания Nedap	Нидерланды
1980–1990 гг.	Эксперименты по использованию электронных машин для голосования	Индия; Бразилия; Великобритания; Бельгия; США; Венесуэла; Италия; Нидерланды; Франция
1998 г.	Первые общенациональные выборы с использованием электронных машин как единственного способа голосования	Бразилия

Политические реформы 1970-х годов в США привели к увеличению корпуса избирателей на 11,3 млн человек. Избирательные права получили афроамериканцы, был отменен ценз грамотности, возрастной ценз снижен с 21 до 18 лет. Эти изменения увеличивали нагрузку на технику, стимулируя дальнейшее совершенствование систем для голосования. В 1974 году американскими специалистами была изобретено устройство прямой записи результатов голосования (Direct Recording Electronic). Избирателю, чтобы проголосовать, нужно было нажать на кнопку, соответствующую фамилии кандидата. Машина запоминала итоги голосования и распечатывала протокол на бумажной ленте.

Власти Нидерландов в 1966 году попытались использовать американские машины для голосования на муниципальных выборах, но эксперимент оказался неудачным из-за отличий в политических традициях двух стран. Устройство американских машин было предназначено для большого количества выборов с очень коротким списком кандидатов, а голландские бюллетени отличались длинными списками, притом в Нидерландах выборы разных уровней в один день не проводились. В связи с этим местная компания Nedap создала электронную машину для голосования, адаптированную для местных политических условий. На муниципальных выборах в Нидерландах с конца 1970-х до конца 1980-х годов применялось около 1200 машин голландского производства с перфокартами. География использования машин в разные годы охватывала от 20 до 60 муниципалитетов.

Компания Nedap и стала первооткрывателем электронного голосования для Европы. В 1978 году она выпустила электронную машину сканирования бумажных бюллетеней, а в 1989 году электронное устройство прямой записи результатов голосования. Различные модификации подобного оборудования применялись на выборах в Германии, Голландии и Ирландии до 2006 года. В 1990-е годы собственные машины для голосования были созданы в Бельгии, Бразилии и Индии.

Российская Федерация не отставала от передовых выборных практик. В 1996 году компаниями АО «ЛОМО» и АО «КРОК» был создан первый отечественный сканер избирательных бюллетеней (СИБ). Первые 45 единиц СИБ были использованы в июле 1996 года на выборах Президента Российской Федерации в Москве. Сканеры были задействованы в предварительной обработке избирательных бюллетеней на 15 избирательных участках. Только спустя более 20 лет после первых экспериментов в России электронное голосование нашло широкое применение на выборах. В 2018 году различные формы электронного стационарного голосования применялись на 9 процентах избирательных участках выборов Президента России. В 2019 году была принята законодательная база, обеспечивающая проведение электронного голосования. На выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва в сентябре 2019 года состоялся эксперимент по дистанционному электронному голосованию.

В XXI веке сформировался запрос на внедрение электронного голосования в выборную практику. К 2019 году опыт стационарного электронного голосования имеет 41 государство. Чиновникам стало легче проводить выборы, производители оборудования получили источник дохода, а избиратели расширили набор удобных способов голосования. Вместе с тем обществу нужно определить границы допустимых погрешностей в работе машин, при которых итоги голосования будут признаваться действительными. Широкая практика голосования по почте в США и стремление повысить электоральную активность побудили организаторов выборов найти новые формы голосования за пределами избирательного участка.

* * *

Электронный-дистанционный проект автоматизации голосования берет свой отсчет с 1996 года в США, где впервые была протестирована система интернет-голосования. После этого похожие эксперименты проводились в десятках стран мира. По сравнению с электронным голосованием на избирательных участках дистанционное голосование получило гораздо меньшие масштабы распространения. Интернет-голосование в большинстве случаев используется в качестве дополнения к традиционному способу голосования при помощи бумажных бюллетеней.

В национальных масштабах интернет-голосование применяется только в ОАЭ и Эстонии, поэтому опыт выборных практик в этих странах интересен как в теоретическом, так и в прикладном плане. В 2005 году в Эстонии после ряда экспериментов по тестированию систем дистанционного голосования через Глобальную сеть прошли муниципальные выборы с возможностью интернет-голосования, а в 2007 году — общенациональные парламентские интернет-выборы. В 2006 году пионером интернет-голосования на Ближнем Востоке стали Объединенные Арабские Эмираты [26, с. 1].

Таблица 3.

Электронный-дистанционный проект автоматизации голосования

Дата появления	Способ голосования	Государства
Электронный-Дистанционный 1996 г. — н.в.		
1990–2000 гг.	Тестирование систем интернет-голосования	США; Великобритания; Эстония; Австралия; Болгария; Швейцария; Дания; Испания; Нидерланды; Россия; Канада; Франция;
2000 г.	Эксперимент по интернет-голосованию состоялся на выборах президента США. Через Интернет голосовали избиратели, находящиеся за рубежом	США
2007 г.	Первое в мире интернет-голосование на общенациональных парламентских выборах в Эстонии	Эстония

Организаторам выборов во всем мире Эстония известна как страна, где интернет-голосование впервые было использовано на общенациональных выборах в 2007 году, итоги которых стали официальными. Эстонский избиратель может проголосовать посредством Интернета на выборах в Европарламент, государственные и муниципальные органы власти. Доля интернет-избирателей постепенно увеличивается. На парламентских выборах в 2007 году дистанционно проголосовало 5,5 процента избирателей, а в 2019 году — 43,8 процента². Переход Эстонии на интернет-голосование, наряду с сохранением бумажного голосования на избирательных участках, был закономерным этапом развития механизмов электронного правительства. Эстонские власти видят в интернет-голосовании действенный способ снижения расходов на проведение выборов, повышения электоральной активности, увеличения скорости определения итогов голосования и повышения легитимности выборов.

Разработчиком системы интернет-голосования в Эстонии стала местная компания Cybernetica. После ряда экспериментов по тестированию систем дистанционного голосования через Интернет в 2005 году прошли муниципальные выборы, на которых была предусмотрена возможность интернет-голосования. Тогда в нем приняли участие всего 1,9 процента избирателей. Практика проведения выборов в Эстонии доказала эффективность и растущую популярность дистанционного голосования. Интернет-голосование 2014–2015 годов Cybernetica провела вместе с Smartmatic International Corporation.

Согласно статье 17 Закона о выборах национального парламента — Рийгигогу, за подготовку и проведение интернет-голосования отвечает Комиссия по электронному голосованию в составе 7 человек, назначаемых Национальной избирательной комиссией. Техническим обеспечением ее работы занимается канцелярия Рийгигогу. В главе 7 Закона о выборах Рийгигогу нашли отражение правовые основания интернет-голосования на общенациональных выборах в Эстонии. По состоянию на май 2018 года в Эстонии реализовать активное избирательное право можно как при помощи Интернета, так и традиционным способом — на стационарных избирательных участках, где используются бумажные бюллетени. Здесь гражданину для голосования нужно иметь ID-карту, которая является удостоверением личности гражданина, картридер и компьютер с подключением к Глобальной сети.

У интернет-голосования в Эстонии есть три важных особенности. Во-первых, избиратель может принять участие в выборах только в период досрочного голосования — от 10 до 4 дней до дня выборов. Во-вторых, избирателю дается право изменить свой электронный голос неограниченное число раз в период досрочного голосования. Действительным становится

² National Electoral Committee. URL: <https://www.valimised.ee/en/archive/statistics-about-internet-voting-estonia> (проверено 19.10.2019).

последний отданный им голос. Возможность многократно менять электронный голос позволяет избирателю делать свой выбор свободно и тайно. В-третьих, избиратель, досрочно проголосовавший через Интернет, может проголосовать и в день выборов, если захочет изменить свое волеизъявление. На каждый избирательный участок передаются списки избирателей, проголосовавших досрочно. Если избиратель, проголосовавший через Интернет, придет на избирательный участок, то получит бюллетень, но сотрудник избирательной комиссии аннулирует его электронный голос. Эстонские организаторы выборов исключили возможность нарушения принципа равного избирательного права.

Критику вызывает уязвимость эстонской системы интернет-голосования для киберпреступников. Ряд исследований убедительно доказывают невозможность обеспечить тайну и свободу выбора. В 2014 году специалисты по информационной безопасности компании Intel при изучении эстонского опыта интернет-голосования отметили слабую защищенность системы от хакерских атак. Это большая угроза, которая может поставить под сомнение результаты выборов. Профессор Мичиганского университета А. Хальдерман пришел к выводу, что система не имеет надежной защиты от хакерских атак и прозрачного механизма проверки учета голосов избирателей³. Эстонские организаторы выборов отвергают обвинения в уязвимости системы интернет-голосования.

* * *

В Объединенных Арабских Эмиратах при помощи интернет-голосования избирается половина членов Федерального национального совета (ФНС) — консультативного органа при монархе, другая половина назначается правителями эмиратов. Здесь самые крупные выборы по числу участников состоялись в 2015 году; на них проголосовало 79157 избирателей⁴. ОАЭ наряду с Королевством Бутан являются единственными в мире государствами, где граждане никогда не голосовали при помощи традиционных бумажных бюллетеней — их первый опыт голосования был электронным. Избиратели голосуют на машинах прямой записи результатов голосования, где каналом передачи информации выступает Интернет.

В ОАЭ избирательного законодательства в привычном смысле не существует. Все решения о проведении выборов принимают шейхи эмиратов. В статьях 68–93 Конституции страны⁵ подробно описаны полномочия единственного выборного органа власти — ФНС. Государственным органом, организующим выборы, является Национальная избирательная комиссия,

³ Estonia's Online Voting System Is Not Secure, Researchers Say. URL: <http://techpresident.com/news/wegov/25066/estonia-online-voting-system-not-secure> (проверено 19.10.2019).

⁴ Electionguide UAE. URL: <http://www.electionguide.org/countries/id/224/> (проверено 19.10.2019).

⁵ United Arab Emirates's Constitution of 1971 with Amendments through 2004. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/United_Arab_Emirates_2004.pdf (проверено 19.10.2019).

которая формируется решением президента страны и состоит из 10 членов. В феврале 1972 года был сформирован первый созыв ФНС, который выполняет законосовещательную и надзорную функции. В течение 40 лет все члены ФНС назначались шейхами каждого из 7 эмиратов. Согласно статье 69 Конституции, каждый эмират самостоятельно определяет способ отбора граждан в ФНС. Лишь в 2006 году шейхи эмиратов решились на проведение первых выборов, в результате которых при помощи электронного голосования было избрано 20 членов ФНС. Членами ФНС не могут быть избраны лица, находящиеся на государственной службе. Активным и пассивным избирательным правом обладают только те мужчины и женщины, которые являются членами коллегии выборщиков, формируемой по решению шейхов.

В 2006 году явка избирателей на выборах в ОАЭ составила 74 процента, в 2011 году — 28 процентов, в 2015 году — 35,29 процента⁶. В день выборов избиратели приходят на избирательные участки и голосуют при помощи электронных машин с сенсорными мониторами. Для идентификации избирателя используется ID-карта с биометрическими данными о гражданине. На экране электронной машины для голосования отображаются фотография и краткие сведения о кандидате. После того как избиратель проголосовал, электронная машина распечатывает бумажный документ, который содержит сведения о результате голосования, избирательном участке и регионе, где проводилось голосование. Этот документ нужен для проверки корректности работы электронной машины. Организаторы выборов в ОАЭ уверяют, что при проверке тайна голосования не нарушается, потому что данные об избирателе не разглашаются.

Критики избирательной системы ОАЭ отмечают, что власти страны на самом деле не готовы к демократизации, а введение выборов — не более чем красивый жест для соответствия духу времени. ФНС не обладает законодательными полномочиями и никак не ограничивает монархическую власть, а корпус избирателей формируется исключительно по желанию местных шейхов. Пока руководство страны рассматривает выборы как прививку от политического радикализма, захлестнувшего Ближний Восток. Такие инфраструктурные и социальные факторы, как высокое проникновение Интернета, небольшой избирательный корпус, компактная территория страны и высокая урбанизация дают этой ближневосточной монархии шанс опробовать различные технологии электронного голосования.

Таким образом, опыт Эстонии и ОАЭ показывает, что электронное дистанционное голосование, где каналом передачи данных выступает Интернет, можно использовать на выборах в общенациональном масштабе. Хорошо подходят для такого голосования государства, имеющие развитую IT-инфраструктуру, небольшой корпус избирателей и компактную терри-

⁶ UAE electoral statistics. URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/2333_E.htm (проверено 19.10.2019).

торию. Ключевым условием легитимности выборов является поддержка дистанционного голосования среди политической элиты и широких групп избирателей, которые понимают принципы работы системы голосования.

* * *

Стремительное развитие систем электронного голосования за рубежом требует разработки отечественного оборудования для сохранения цифрового суверенитета. В итоговой резолюции второй международной конференции «Информация и коммуникация в цифровую эпоху: явные и неявные воздействия», которая прошла в Ханты-Мансийске 9–12 июня 2019 года, отмечается, что во втором десятилетии XXI века американские и китайские производители цифровых платформ в значительной степени влияют на положение дел в сфере информационно-коммуникационных технологий. Данные платформы заняли лидирующие позиции на мировом рынке, демонстрируя чрезвычайную информационную мощь и беспрецедентный охват с точки зрения обработки данных. Это влечет за собой существенные риски не только для экосистемы ИКТ, но и для цифровых инноваций⁷.

В 2019 году на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва был проведен первый в России эксперимент по использованию дистанционного электронного голосования, результаты которого имели юридически обязательный характер. Разработчиком программно-технических средств для обеспечения электронного голосования выступили специалисты департамента информационных технологий столичной мэрии. Стремление использовать местных разработчиков систем для электронного голосования характерно для большинства операторов электронного голосования. Так, например, в Эстонии разработчиком является местная компания Cybernetica, в Индии — Electronics Corporation of India Limited, в Швейцарии — Swiss Post. На выборах депутатов Мосгордумы в списках электронных избирателей зарегистрировалось 11228 человек⁸, явка электронных избирателей составила 87,37 процента. В целом явка на выборах в Мосгордуму относительно предыдущих выборов выросла на 0,73 процента, причем на долю электронных избирателей приходится 0,6 процента от всех проголосовавших [27, с. 41].

Подводя итоги

Завершая краткий обзор истории проектов по автоматизации голосования, зафиксируем текущее состояние дел. В мировом опыте автоматизации голосования выделяется три больших проекта: механический (IV век до н.э. — 1960-е гг.); электронный-стационарный (1860-е гг. — н.в.); электрон-

⁷ Югорская резолюция «информация и коммуникация в цифровую эпоху» http://www.mcbs.ru/files/2019/Ugorskaya_rezolutsiya_russkii.pdf (проверено 04.12.2019).

⁸ Сведения о выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва 8 сентября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mosgorizbirkom.ru/web/guest/vybory-deputatov-moskovskoj-gorodskoj-dumy-sed-mogo-sozyva-8-sentabra-2019-goda> (дата обращения: 17.10.2019).

ный-дистанционный (1996 г. — н.в.). Инициативы по внедрению машин для голосования всегда были реакцией заинтересованных групп на политические и экономические вызовы. Агентами проектов по автоматизации голосования являются разработчики технологий, организаторы выборов и политические власти.

Несмотря на различия трех реализованных проектов, все они были ориентированы на решение практических задач по увеличению скорости подсчета голосов и обнародования результатов выборов, минимизации участия человека в подсчете голосов и, следовательно, легитимности выборов. Новые технологии голосования способны обеспечить рост конвенционального политического участия, признание результатов выборов ключевыми политическими акторами и, как следствие, быть надежным источником легитимности для политического режима. Переход на электронное голосование продиктован соображениями практической целесообразности и необходимостью соблюдения основных принципов избирательного права. Электронное голосование применяется в 41 государстве, но на общенациональных юридически обязательных выборах используется лишь в 12 государствах.

Таблица 4.

Распространение электронного голосования в мире

Электронное голосование на избирательных участках			Интернет-голосование
По всей стране	В отдельных регионах	Эксперименты или ограниченное использование	По всей стране
Бельгия; Бразилия; Бутан; Венесуэла; Индия; Кыргызстан; Монголия; Намибия; Парагвай; Филиппины;	Гватемала; Канада; Мексика; США; Франция; Швейцария;	Австралия; Аргентина; Армения; Бангладеш; Болгария; Великобритания; Гватемала; Индонезия; Ирландия; Испания; Италия; Казахстан; Коста-Рика; Непал; Нигерия; Норвегия; Перу; Россия; Румыния; Филиппины; ФРГ; Шотландия; Эквадор; Япония;	Объединенные Арабские Эмираты; Эстония;

В начале XXI века обозначились тенденции к отказу от широкого применения традиционных бюллетеней на выборах и транзита к электронному голосованию. Благодаря внедрению более удобных форм голосования создаются условия для предотвращения снижения явки избирателей, экономятся ресурсы организаторов выборов, растёт скорость определения результатов выборов. Это положительно сказывается на легитимности политических систем, которые используют электронное голосование.

Электронное голосование нуждается в междисциплинарном изучении для глубокого понимания последствий его использования. Перед исследователями открываются, как минимум, два направления: это сравнительные исследования электронного голосования в современных государствах, выполненные на основе методов политологии и математической статистики; и изучение избирательного законодательства государств-операторов электронного голосования для поиска оптимальной формы взаимодействия власти и общества.

Список литературы

1. Alvarez R., Hall T. *Electronic Elections: The Perils and Promises of Digital Democracy*. Princeton University Press. 2010. 256 p.
2. Володенков С.В. Total data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 409–415.
3. Krimmer R. *Internet Voting in Austria: History, Development, and Building Blocks for the Future*. Doctoral thesis, WU Vienna University of Economics and Business. 2017. 210 p.
4. Rubin A.D. *Brave New Ballot: The Battle to Safeguard Democracy in the Age of Electronic Voting*. New York: Morgan Road Books. 2006. 304 p.
5. Антонов Я.В. Конституционность электронного голосования в системе электронной демократии // Управленческое консультирование. 2014. № 9. С. 39–47.
6. Биктагиров Р.Т. *Полный курс избирательного и референдумного права России: теория, законодательство, практика*. Научно-практическое изд. в трех томах. Казань, 2013. 408 с.
7. Борисов И.Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов. — Избирательное законодательство и практика. 2019. № 3. С. 3–10.
8. Вешняков А.А. *Международно-правовой и зарубежный опыт применения электронных средств голосования при проведении выборов // Международное публичное и частное право*. 2006. № 5. С. 18–24.
9. Матрёнина К.Ю. *Становление электронного голосования на выборах в Российской Федерации и перспективы его развития: конституционно-правовое исследование: Дис. ... канд. юрид. наук*. Тюмень, 2016. 224 с.
10. Докторов Б.З. *Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения*. М.: «Европа», 2011. 640 с.

11. Caporusso L. Il voto elettronico come processo sociale. PhD thesis, University of Trento. 2010. 198 p. URL: http://eprints-phd.biblio.unitn.it/243/1/TESI_DOTTORATO_Letizia_Caporusso_e-vote.pdf
12. Цаплин А.Ю. Перспективы дистанционного электронного голосования в России // Известия Саратовского университета. 2016. № 3. С. 345–350.
13. Enguehard C. Transparency in Electronic Voting: the Great Challenge. Archive ouverte en Sciences de l'Homme et de la Société. 2008. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00409465/document>.
14. Jefferson D., Rubin A., Simons B., Wagner D. Analyzing Internet Voting Security // Communications of the ACM. 2004. N. 47. P. 59–64.
15. Krimmer R. The Evolution of E-voting: Why Voting Technology is Used and How it Affects Democracy. PhD thesis, Tallinn University of Technology. 2012. 186 p.
16. Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: Дисс. ... докт. полит. наук. Москва, 2015. 441 с.
17. Минникес И.В. Выборы в истории Российского государства в IX – начале XIX века. СПб.: Юридический центр, 2010. 330 с.
18. Очерки по истории выборов и избирательного права / Ю.А. Веденеев, И.В. Зайцев, В.В. Луговой. Калуга-Москва: «Фонд Символ» РЦОИТ. 2002. 690 с.
19. Федоров В.И. О значении жеребьевки на выборах в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1. С. 166–174.
20. Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Cornell Univ Pr, 1972. 271 p.
21. Руденко В.Н. Институт жребия и его роль в формировании системы публичной власти // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 496–537.
22. Алексеева Т.А., Лошкарев И.Д., Пареньков Д.А. Придет ли время «случайных» людей во власти? // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 142–154. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.10>.
23. Guerrero A.A. Against Elections: the Lottocratic Alternative // Philosophy and Public Affairs. 2014. Vol. 42. N. 2. P. 135-178. <https://doi.org/10.1111/papa.12029>.
24. Arnold E.G. History of Voting Systems in California. Sacramento. Bill Jones, 1999. 91 p.
25. Институт выборов в Советском государстве в 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / под общ. науч. ред. Ю.А. Веденеева и И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2010. 879 с.
26. Krimmer R., Triessnig S., Volkamer M. The Development of Remote E-Voting around the World: A Review of Roads and Directions. In: E-Voting and Identity // First International Conference – VOTE-ID 07, vol. 4896 LNCS, Springer, Berlin/Heidelberg, 2007. P. 1–15.
27. Федоров В.И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 37–42.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

***Аннотация.** В статье раскрываются основные потребности России в модернизации: в создании эффективного государства, строительстве мощной экономики и формировании сильного гражданского общества. Показывается роль правящей элиты в проведении модернизации страны. Строительство эффективного государства призвано обеспечить соблюдение законов всеми без исключения и компетентное решение возникающих социально-экономических и других вопросов. Именно эффективное государство является главным инструментом элиты в проведении модернизации страны. Для его строительства автор предлагает правящей элите ввести в государственно-властные отношения политико-правовые механизмы прозрачности и ответственности и широко использовать цифровые технологии, которые позволят обществу осуществлять результативный контроль над деятельностью власти, что, в свою очередь, настроит государство действовать эффективно. Важную роль цифровые технологии играют в деятельности судов и правоохранительных органов, от которых зависит обеспечение соблюдения закона всеми участниками общественных отношений.*

***Ключевые слова:** модернизация страны, правящая элита, эффективное государство, политико-правовые механизмы прозрачности и ответственности, цифровые технологии.*

CONSTRUCTION OF AN EFFECTIVE STATE: POLICY AND LEGAL MECHANISMS AND DIGITAL TECHNOLOGIES

***Abstract.** The article reveals the main needs for the modernization of Russia, analyzes its components—the creation of an effective state, the construction of a powerful economy, and the formation of a strong civil society. The role of the ruling elite in the modernization of the country is shown. The beginning of Russia's modernization is the construction of an effective state designed to ensure compliance with laws by all, without exception, and competent solutions to emerging socio-economic and other issues. It is an effective state that is the main tool of the elite in modernizing the country. To build an effective state, the author suggests that the ruling elite introduce political and legal mechanisms of transparency and responsibility into state-power relations and make extensive use of digital technologies. They will allow citizens and the entire society to exercise effective control over the activities*

of the government, which will set the state to act effectively. Digital technologies play a particularly important role in the activities of courts and law enforcement agencies, which are responsible for ensuring compliance with the law by all participants in public relations.
Keywords: *modernization of the country, the ruling elite, an effective state, political and legal mechanisms of transparency and responsibility, digital technologies.*

К постановке проблемы

В настоящее время российская правящая элита, чтобы обеспечить мощный социально-экономический подъем страны и достойно ответить на внешние вызовы, связанные с ускорением технологического развития мировой экономики и обострением геополитических проблем, должна решить масштабные задачи. Они заключаются, с одной стороны, в создании высокопроизводительной экономики, обеспечивающей высокий уровень благосостояния народа и укрепляющей государственный суверенитет и национальную безопасность страны, с другой, — в закреплении геополитической роли России как гаранта мира и одного из лидеров, определяющих глобальную политическую повестку.

Единственным возможным способом решения этих задач является масштабная модернизация, сущность которой состоит в построении эффективного государства, гарантирующего соблюдение закона всеми без исключения и результативно решающего возникающие социально-экономические и иные проблемы. Именно эффективное государство — главный инструмент правящей элиты во-первых, в создании высокопроизводительной экономики, обеспечивающей высокий уровень жизни народа и формирующей массовый средний класс, который выступает социальной основой сильного гражданского общества, во-вторых, в строительстве мощных вооруженных сил, способных дать отпор любому агрессору.

Сегодня российское государство практически неэффективно: оно не обеспечивает равные права гражданам страны и соблюдение ее законов всеми членами общества; чиновники чуть ли ни в основном некомпетентны и коррумпированы; народ, в свою очередь, пассивен; а представители правящей элиты в большинстве своем эгоистичны, жадны и невежественны, что препятствует социально-экономическому подъему Российской Федерации.

В то же время, в многовековой истории России никогда не было эффективного государства, обеспечивающего верховенство права, всемерное соблюдение закона участниками общественных отношений, гарантирующего достойную жизнь и свободное развитие человека. С принятием Конституции Российской Федерации в декабре 1993 года появилась задача строительства правового социального государства, которая в 1990-е годы не могла быть решена по объективным причинам. Только с 2000-х годов появились определенные возможности строительства эффективного государства.

Как справедливо замечает В.Д. Зорькин, «Правовой барьер наша страна еще не взяла, а это значит, что переход к верховенству права и правовому социальному государству далеко не завершен» [1, с. 5]. Достижение этой цели требует концентрации сил не только правящей элиты, но и всего российского общества. В связи с изложенным автор ставит перед собой ряд задач: во-первых, вскрыть причины неполной реализации стратегических планов и национальных проектов в Российской Федерации; во-вторых, показать значение эффективного государства в модернизации страны; в-третьих, подчеркнуть роль правящей элиты в модернизации России; в-четвертых, разработать для национально ориентированной российской элиты предложения по применению политико-правовых механизмов прозрачности и ответственности, цифровых технологий, необходимых для строительства эффективного государства.

Беспомощное государство — препятствие к подъему страны

В отсутствие максимально эффективного государства попытки правящей элиты и российского общества создать в 2000–2019 годы мощную экономику, достичь высокого уровня жизни народа, сформировать массовый средний класс не имели желаемых результатов. Практически все планы по темпам экономического роста и повышения жизненного уровня народа, содержащиеся в стратегических программных документах и национальных проектах, не были полностью реализованы. «Стратегия 2010» — программа социально-экономического развития Российской Федерации на период 2000–2010 годы¹, созданная в Центре стратегических разработок, была осуществлена, по оценкам экспертов, только на 39 процентов. В экономике наиболее худшими результатами отличилась структурная политика. Поскольку государство не гарантировало соблюдение закона всеми участниками общественно-экономических отношений, в стране так и не заработал конкурентный рынок как главный регулятор экономического развития; не были обеспечены свобода предпринимательства и защита частной собственности; некомпетентность чиновников не позволила осуществлять качественное государственное регулирование экономики; административная реформа привела в целом к отрицательному результату; а в области социальной политики практически полный провал потерпела пенсионная реформа.

Итоги программы «Стратегия–2020»², смысл которой состоял в создании инновационной экономики за 2009–2020 годы, оказались не лучшими: разрыв между ожиданиями и реальностью был удручающим; производительность труда в основных отраслях экономики должна была вырасти за 12 лет по меньшей мере в четыре раза [2, с. 18], однако, вместо ежегодного

¹ <https://web.archive.org/web/20100918062948/http://budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000000.htm>.

² Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года // <https://digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf>.

роста в 30 процентов она увеличилась за весь период 2009–2018 годы только на 9,9 процента³; отсутствие необходимых условия для ее увеличения на основе современных, передовых технологий, роста квалификаций и новых компетенций ни к чему другому привести и не могли. Другой показательный пример неудовлетворительного исполнения программы связан с ростом среднего класса. К 2020 году доля среднего класса в общей структуре населения Российской Федерации должна была вырасти минимум до 60, а максимум до 70 процентов [2, с. 17], — в реальности число представителей среднего класса едва достигло половины минимального уровня.

Низким уровнем реализации отличается и «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года⁴, разработанный Министерством экономического развития в 2011 году. Основные показатели роста ВВП, промышленности, инвестиций в основной капитал, реальной заработной платы в течение 2012–2019 годов оказались в реальности значительно ниже прогнозируемых цифр.

Далеко не в полной мере выполнены указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года, посвященные социальной политике, совершенствованию здравоохранения, образования и науки, обеспечению россиян доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг. Относительно Указа «О долгосрочной государственной экономической политике⁵, направленного на повышение темпов обеспечения устойчивости экономического роста, увеличение реальных доходов граждан и достижение технологического лидерства отечественной экономики можно сказать, что за 2012–2018 годы он не был выполнен ни по одному из целевых показателей. К примеру, к 2020 году предполагалось создать и модернизировать 25 млн высокопроизводительных рабочих мест — в России насчитывалось около 75 млн рабочих мест, треть из них предполагалось преобразовать в новые высокотехнологичные рабочие места путем реконструкции предприятий и модернизации производства. Однако решение этой задачи закончилось практической неудачей⁶.

К 2018 году намечалось увеличить долю продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в валовом внутреннем продукте в 1,3 раза относительно уровня 2011 года, но этот показатель вырос только

³ Росстат: Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#

⁴ См.: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>.

⁵ ВВП России по годам: 1991–2018 <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.

⁶ Методика определения высокопроизводительных рабочих мест вызвала много критики. До появления майских указов 2012 г. Росстат вообще не считал число таких рабочих мест, а необходимую методику разработал только в 2013 г. Но в ее основу легли не квалификация сотрудников и не качество производимых ими товаров или услуг, а средняя зарплата на предприятии в случаях, когда она превышает определенное пороговое значение, установленное с учетом отрасли, размера организации и региона, все рабочие места на предприятии автоматически зачисляются в «высокопроизводительные». Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/economics/07/09/2018/5b922cc39a7947303d97b35c>.

на 1,6 процента (в 81,2 раза меньше)⁷. Рост производительности труда планировалось увеличить в 1,5 раза, в действительности она выросла лишь на 7 процентов⁸ (в 21,4 раза меньше). Предполагался существенный рост реальных доходов населения, но они снизились за последние пять лет на 11 процентов, а по ощущениям граждан — в разы больше. В результате в 2008–2019 годы страна жила с темпами роста экономики всего 1,3 процента в год⁹, что свидетельствует о серьезных проблемах в ее стимулировании. Прирост цены на нефть, которая всегда была стимулом развития российской экономики, даже не останавливает дальнейшее снижение темпов роста. Это говорит о необходимости использования иных, более действенных, стимулов.

Отсутствие эффективного государства тормозит реализацию национальных проектов, сформулированных 7 мая 2018 года Президентом России в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Неопределенная ответственность и некомпетентность отдельных чиновников предопределили неудовлетворительную координацию между органами исполнительной власти разных уровней и плохую организацию в реализации национальных проектов. Как следствие, медленно осваиваются финансовые средства, выделенные из бюджета на их выполнение. В результате тормозится процесс реализации национальных проектов.

По национальному проекту «Цифровая экономика» за 2019 год было освоено лишь 15 процентов из выделенных 108 млрд рублей. Так и не были начата реализация таких направлений деятельности, как «Цифровые технологии», «Информационная безопасность» и «Кадры для цифровой экономики». По проекту «Экология» под руководством Минприроды израсходована лишь четвертая часть доведенных до его исполнителей бюджетных средств¹⁰.

Успешной реализации национальных проектов препятствует нарушение законов. В 2019 году в рассматриваемой сфере Генеральной прокуратурой Российской Федерации было выявлено 2500 нарушений законов, из которых наибольшее число совершено в ходе осуществления проектов «Демография», «Здравоохранение», «Образование» и «Жилье и городская среда». Нарушения в основном касались вопросов предоставления мер государственной

⁷ Росстат: Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment.

⁸ Росстат: Индекс производительности труда // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#.

⁹ ВВП России по годам: 2008–2018 // <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>; Министрство экономического развития оценило рост экономики в 2019 году <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e30563f9a7947d6bd91d57a>.

¹⁰ Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. 11 ноября 2019 г. // <http://government.ru/news/38310/>.

поддержки, строительства объектов социальной инфраструктуры, проведения конкурсных процедур, регионального и муниципального нормотворчества¹¹.

Неудовлетворительный уровень реализации масштабных задач федерального значения в 2018–2019 годах была обусловлена и тем, что правительство, разрабатывая нормативно-правовые акты, регулирующие сферу национальных проектов, не сформировало завершённую систему стратегического планирования. По данным Счетной палаты Российской Федерации, они не были согласованы в соответствии с документами, определяющими национальные цели и стратегические задачи социально-экономического развития страны. В результате ни один из утвержденных планов деятельности федеральных органов исполнительной власти — федеральных министерств и ведомств, на 2019–2024 годы не соответствовал установленным требованиям. В планы их деятельности было включено только 26 процентов показателей государственных программ и подпрограмм; в планах было учтено только 55 процентов показателей национальных и федеральных проектов¹².

Получается, что служащие министерств и ведомств, занимающиеся реализацией национальных проектов, включили в свои планы работы только половину задач, а остальные проигнорировали. В интервью ТАСС В.В. Путин сказал: «Я должен всегда держать не просто руку на пульсе, я должен держать их всех под напряжением — тех, кто выполняет эти задачи... Нужно, чтобы люди чувствовали свою ответственность. Должны быть под постоянным административным давлением и напряжением»¹³.

15 января 2020 года Правительство Российской Федерации ушло в отставку. Новый состав правительства под руководством М.В. Мишустина активно включился в процесс реализации национальных проектов. Логично, что Президент России установил персональную ответственность должностных лиц по каждому вопросу исполнения национальных проектов. Но нельзя забывать о том, что без создания эффективного государства главные экономические и социальные цели национальных проектов не могут быть достигнуты. Об этом свидетельствует как исторический, так и современный опыт государственного и экономического строительства.

Россия, не обеспечив темпы роста ВВП выше мировых, не войдет в пятерку крупнейших экономик мира. Нереальным представляется двукратное снижение к 2024 году уровня бедности и тесно связанная с этим задача устойчивого роста реальных доходов россиян: маловероятно обеспечение

¹¹ Там же.

¹² Причину внезапной отставки правительства Медведева прояснил отчет Счетной палаты https://www.mk.ru/politics/2020/02/06/prichinu-vnezapnoy-otstavki-pravitelstva-medvedeva-proyasnili-otchet-schetnoy-palaty.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr.

¹³ Интервью Владимира Путина ТАСС «О первых шагах в реализации нацпроектов». 25 февраля 2020 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62854>.

устойчивого роста численности населения страны при нарастающих темпах его естественной убыли.

* * *

Исходя из той очевидности, что созданию высокопроизводительной экономики, росту благосостояния народа, формированию массового среднего класса препятствуют коррупция, хищение государственных средств, безответственность и некомпетентность должностных лиц и служащих органов власти, а также беззаконие и безответственность представителей бизнеса и самих граждан, уместно «пройтись» по каждой ветви государственной власти и отдельно по крупному бизнесу.

Исполнительная власть, несмотря на административное давление Президента России, неспособна выполнять его распоряжения и указания по важнейшим вопросам социально-экономического развития. Многие чиновники, пытаясь избежать ответственности и скрыть свою некомпетентность, фактически действуют в режиме имитации. Многочисленные попытки внедрить механизм ответственности в систему исполнительной власти в 2000–2019 годы закончились неудачей. Установление главой государства во второй половине января 2020 года — после формирования нового состава правительства — персональной ответственности за каждым исполнителем национальных проектов, на мой взгляд, не повысит качество их работы без создания условий прозрачной деятельности всей системы исполнительной власти.

Судебная власть, будучи закрытой для общественного контроля и пользуясь конституционной защитой несменяемости судей и их неприкосновенностью, превратилась в замкнутое объединение, в котором часто выносятся неправосудные решения. Многие судьи из-за своей безответственности и коррупции неспособны действовать беспристрастно, то есть, на основе фактов и в соответствии с законом. Все это не только препятствует созданию эффективного государства, но и подрывает сами основы российского правосудия.

Недостаточно результативна и *законодательная власть*. Она зачастую принимает законы с двойным толкованием, способствующие созданию коррупционной ситуации. Некоторые члены Совета Федерации и отдельные депутаты Государственной Думы, занятые лоббированием интересов групп влияния, самоустранились от проведения строгого парламентского контроля над деятельностью исполнительной власти.

В свою очередь, *крупный бизнес* погрузился в офшоры. Выйдя из российской юрисдикции, он зарегистрировал за границей около половины своих производственных и иных активов. Большая часть прибыли частного сектора откровенным образом выводится из страны, что в сочетании со всем перечисленным противоречит ее национальным интересам.

Главным инструментом правящей элиты в решении вышеприведенных проблем может быть эффективное государство, призванное посредством всемерного, повсеместного и строгого соблюдения закона своевременно и качественно решать возникающие социально-экономические и иные вопросы. Очевидны два момента: с одной стороны, создание эффективного государства требует изменения системы функционирования государства, с другой, — только создание подобного государства может запустить механизм модернизации экономики и общества всей России.

Правящая элита — движущая сила преобразований в стране

В сегодняшней России правящая элита — единственная реальная сила, способная к проведению нужных реформ, поскольку только она обладает значительными властно-организационными, финансовыми, материально-техническими, информационными, идейными и иными ресурсами. Обладая необходимым потенциалом для проведения обязательных реформ, элита возлагает на себя повышенную ответственность перед государством и народом, признание которой придает ей качество национально ориентированности.

Мотивацией к модернизации России для нее является строительство мощной страны, так как только в ней эта элита в своем нынешнем состоянии может чувствовать себя защищенной от внутренних и внешних конкурентов при изменениях политической обстановки. Сильная страна создается эффективно функционирующим государством, гарантирующим соблюдение законности и создание необходимых условий для стремления граждан к производительному труду, что, в свою очередь, формирует высокопроизводительную экономику, обеспечивающую высокий уровень жизни народа и развитое гражданское общество, опирающееся на массовый средний класс.

России необходима кардинальное совершенствование. Речь идет в основном о переустройстве системы общественно-государственных отношений. Придать максимальную эффективность государству и стать экономически сильной Россия может только с появлением национально ориентированной правящей элиты, обладающей соответствующими мотивами, необходимыми знаниями и достаточной политической волей. Ее просвещенной части, осознавшей насущную необходимость модернизации страны, предстоит выступить в качестве главной движущей силы этого процесса.

При этом элите следует придерживаться духовного закона, гласящего, что для получения чего-либо сначала нужно чем-то пожертвовать, и одновременно усвоить необходимость отказа от многих удобств привилегированного положения во имя сохранения своей легитимности (общественного доверия и поддержки): поделиться с народом частью властных полномочий; разделить с ним нагрузку от социально-экономических тягот реформ; поступиться частью получаемых доходов (прибыли). Для этого ей

придется научиться получению прибыли за счет роста производительности труда, а не через повышение тарифов на услуги ЖКХ, цен на авиационный и железнодорожный транспорт, электричество, газ и бензин, то есть, за счет обременения населения.

Конечной целью преобразований для элиты оказывается создание экономически сильной и конкурентоспособной страны, а главным инструментом, позволяющим этого достичь, — эффективное государство. Вследствие, с одной стороны, отсутствия условий для возникновения у нее мотивации к осуществлению необходимых преобразований, с другой, — присущей ей жадности, безответственности и некомпетентности российской правящей элите так и не удается сделать государство с мощнейшим потенциалом в полном смысле слова эффективным — главное средство по обеспечению устойчивого и благополучного развития страны.

Экскурс в недавнюю историю правящей элиты ее тоже мало чем красит. В условиях повышения экспортных цен на нефть и газ в 2000–2007 годах у российской элиты, занимавшейся первоначальным накоплением капиталов и стремившейся войти в элитный клуб Запада, не было особых стимулов проводить модернизацию страны, становиться суверенной и национально ориентированной. Подобные стимулы могли возникнуть в связи с мировым финансово-экономическим кризисом в 2008–2010 годы, но и тогда отечественная правящая элита не сумела отказаться от рентной экономики и собственного желания стать частью западного истеблишмента. После воссоединения Крыма с Россией у нее появился благоприятный шанс провести модернизацию страны, опираясь на патриотические настроения населения. Но в 2014–2019 годы большая часть правящей «верхушки» предпочла игнорировать этот момент и бездарно упустила возможность проведения масштабных изменений в государстве, экономике и обществе.

Все это было связано с тем, что интересы, с одной стороны, элиты и значительной части чиновников и, с другой стороны, граждан, то есть народа, различны; более того, они имеют внутригрупповые отличия и нередко противоречат друг другу; некоторые из подобных интересов, особенно у представителей правящей элиты (и у отдельных групп интересов и кланов), противоположны по отношению к национальным интересам страны. Исторический результат, по крайней мере на сегодня, получился нелогичным, в то же время в некотором смысле ожидаемым: глубоких перемен не захотели практически все группы российской правящей элиты.

Несмотря на многократные и прямые обращения главы государства, политическая элита оказалась неспособной идти на масштабную модернизацию. Ее относительно низкое качество, судя по всему, связано, прежде всего, с отсутствием знаний в отношении того, что, как и в какой последовательности надо делать при строительстве эффективного государства, мощной экономики и сильного гражданского общества. К тому же и как итог всего сказанного, у нее не оказалось воли к модернизации страны.

Недостаточно высокий профессиональный уровень значительной части представителей «верхушки» проявляется в нежелании идти на определенные жертвы — в данном случае, на существенные уступки народу. Национально ориентированная и просвещенная элита должна понимать: чтобы сохранить власть, капиталы и собственность, ей необходимо делиться с обществом некоторой частью государственной власти и полномочиями.

Нежелание перемен в деятельности судов и правоохранительных органов, по сути, означает отказ обеспечивать в стране строгое соблюдение закона всеми участниками общественных отношений. Между тем, без создания правового государства, особенно в долгосрочной перспективе, во-первых, не удастся защитить государственные интересы, во-вторых, невозможно создание высокопроизводительной экономики, обеспечивающей достойный уровень благосостояния народа и генерирующей массовый средний класс как социальную опору сильного гражданского общества.

Экономические группы элиты также не использовали для проведения модернизации экономики патриотический подъем народа 2014 года. Не смогли мобилизовать их и санкции Запада, введенные в 2014–2019 годах. Живущие за счет ренты, многие из подобных групп не желали ничего менять в общественно-экономических отношениях, которые уже к 2010 году выработали свой ресурс; не захотели идти на перемены, а значит, признать свои ошибки предыдущего двадцатилетия по строительству неэффективной экономики. Они оказались неспособны на определенные жертвы в виде уступок обществу: не взяли на себя хоть какие-то тяготы социально-экономических реформ посредством введения моратория на повышение тарифов услуг ЖКХ, цен на топливо, электроэнергию, железнодорожные и авиаперевозки.

Элиты специальных служб и вооруженных сил также не потребовали необходимых реформ в государственно-властных, социально-экономических и общественно-политических отношениях. Имея большую поддержку народа после воссоединения Крыма с Россией и ее победы над террористами в Сирии, получая значительную материальную помощь от государства, они, по всей вероятности, не замечают стагнации экономики, высокий уровень бедности и сокращение населения.

Отставка правительства Д.А. Медведева показала, что время безответственной, некомпетентной деятельности чиновников прошло. Пришло время отвечать и не только членам правительства, но также судьям, депутатам, правоохранителям, губернаторам, руководителям органов местного самоуправления. В этой связи глава государства В.В. Путин, выступая с Посланием Федеральному Собранию 15 января 2020 года, предложил принять ряд поправок к Конституции Российской Федерации, которые должны установить для правящей элиты новые, строгие правила поведения — стать суверенной и национально ориентированной.

Первая поправка — Россия может существовать только как суверенное государство. Суверенитет российского народа должен быть безусловным. Поэтому «требования международного законодательства и договоров, а также решения международных органов могут действовать на территории России только в той части, в которой они не влекут за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречат нашей Конституции»¹⁴.

Вторая поправка связана с закреплением на конституционном уровне обязательных требований к лицам, которые занимают должности, критически важные для обеспечения безопасности и суверенитета страны. «А именно: главы субъектов Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Председатель Правительства, его заместители, федеральные министры, руководители иных федеральных органов, а также судьи не могут иметь иностранное гражданство, вид на жительство либо иной документ, который позволяет постоянно проживать на территории другого государства. Смысл, миссия государственной службы именно в служении, и человек, который выбирает этот путь, должен прежде всего для себя решить, что он связывает свою жизнь с Россией, с нашим народом, и никак иначе, без всяких полутонов и допущений»¹⁵.

В ходе деятельности рабочей группы по поправкам в Конституцию 16 февраля это предложение было дополнено введением ограничения по обязательствам имущественного характера за рубежом, возможности иметь счета и вклады, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации. К вышеперечисленным лицам, на которых распространяются эти ограничения, были добавлены прокуроры и уполномоченные по правам человека¹⁶. 2 марта Президент России предложил прописать в Конституции запрет для муниципальных служащих иметь иностранное гражданство и счета за рубежом¹⁷.

Важную роль в строительстве суверенного правового государства должна сыграть **третья поправка** Президента, связанная с отрешением от должности судей. В частности, эта поправка гласит: «Предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного Судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи»¹⁸.

¹⁴ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Встреча Президента России с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию 16 февраля 2020 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/62862>.

¹⁷ Президент предложил новые поправки в Конституцию // Российская газета, 3 марта 2020.

¹⁸ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>.

Эти поправки, равно как и другие, вне всякого сомнения, будут приняты свободным голосованием российского народа 22 апреля 2020 года. В условиях действия новых конституционных норм, правящая элита будет вынуждена прекратить лицемерить, выдавая свои корыстные интересы за национальные страны. Элите предстоит сначала делать для страны и ее народа, а уже потом для себя. Проявить свою волю к служению народу элита может посредством возврата в Россию своих капиталов, снижения своих расходов и издержек, а также повышения эффективности государственных и корпоративных систем управления, в которых много некомпетентных, безответственных и коррумпированных служащих, сотрудников и топ-менеджеров. Этими действиями элита продемонстрирует свою способность служить стране — проводить необходимые реформы, укрепляющие Россию.

* * *

Мировой опыт последнего столетия учит: благодаря осуществляемым преобразованиям элитные круги ведут за собой страну в течение в среднем 25–30 лет и перестают служить народу, когда исчерпывают реформаторский потенциал. Их сменяет новая сила, обладающая знаниями и волей к проведению насущных изменений, поднимающих благосостояние народа. Сегодня российская элита, сформировавшаяся примерно четверть века тому назад, несмотря на явную мотивацию — внешнее давление Запада и внутреннюю борьбу различных групп между собой, не стремится к проведению необходимых реформ. Она не знает, что надо делать, при этом не желает поступиться частью властных полномочий для вовлечения граждан в принятие государственных решений, организации действенного общественного контроля, в том числе с помощью цифровых технологий; также не склонна жертвовать сверхприбылью и отказаться от повышения различных тарифов на услуги и материальной выгоды от высоких цен; наконец, элита не хочет ради благополучия россиян взять на себя тяготы социально-экономических реформ.

На место нынешней, неспособной служить народу элиты к управлению страной неизбежным образом должны прийти новые и компетентные люди, защищающие национальные интересы России. Именно они сменят корыстную, невежественную, внутренне ориентированную на Запад элиту. *Только просвещенная, национально ориентированная правящая элита сможет провести в стране необходимые преобразования.*

Так как главным инструментом масштабной модернизации может выступить эффективное государство, то с его создания и нужно начинать. Для действенного функционирования системы власти новой элите придется кардинально изменить структуру и принципы государственно-властных отношений. Суть перемен состоит во внедрении в систему государственных отношений политико-правовых механизмов прозрачности, главную роль в

которых играют цифровые технологии, и неукоснительной личной ответственности исполнителей. Именно они позволяют устранить коррупцию и некомпетентность государственных и муниципальных служащих, неэффективность государственной системы в целом. В этом и состоит основной смысл модернизации государства.

Прозрачность как ресурс создания эффективного государства

Добиться ответственности чиновников за принимаемые ими решения и осуществляемые действия можно только с помощью системы прозрачности всей их деятельности. При этом «под прозрачностью следует понимать свободный доступ граждан к полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц» [3, с. 38]. Главную роль здесь могли бы сыграть цифровые технологии, в сочетании с применением которых и с использованием политико-правовых механизмов транспарентности государственная власть под постоянным контролем общества сможет эффективно исполнять свои функции.

Важно конкретизировать составные части прозрачности деятельности власти. Свободный доступ граждан к сообщениям о работе государственных органов подразумевает возможность получения информации с помощью Интернета и средств массовой информации. Достоверными являются те сведения, которые не вызывают сомнений и поступает своевременно — оперативно и в нужный момент. Регулярная информация — это сведения, предоставляемые равномерно и через определенные промежутки времени. 1 января 2010 года вступил в действие Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (далее — ФЗ-8), который существенно расширил возможности общественного контроля над деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Однако, без механизма прозрачности ФЗ-8 не позволяет гражданам осуществлять действенный контроль и потому нуждается в значительных дополнениях [4, с. 14] и поправках.

Первая из поправок могла бы заключаться в установлении законодательной нормы, согласно которой все органы государственной власти и органы местного самоуправления обязаны сообщать для всеобщего сведения полную информацию о своей деятельности за исключением той, перечень которой определен законом о государственной тайне. Данная норма позволит: полнее раскрыть деятельность государственных органов и органов местного самоуправления и их должностных лиц; сделать размещаемую информацию об их деятельности императивной. В настоящее время ФЗ-8 не устанавливает ни полноты, ни обязательного характера размещаемой информации в Интернете и СМИ о деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления.

Вторая возможная поправка связана с обязательным упоминанием как авторов любых решений, то есть конкретных должностных лиц, подготовивших проекты этих решений, так и лиц, принявших их (в том числе, и коллегиально) в государственных органах исполнительной, законодательной и судебной власти и органах местного самоуправления, что повысило уровень ответственности должностных лиц и способствовало бы возрастанию их компетентности.

В качестве *третьей поправки* предлагается, чтобы все принимаемые органами государственной власти и органами местного самоуправления решения вступали в силу только после опубликования (размещения) их в Интернете и в соответствующих средствах массовой информации. Действие этих норм и публичность принимаемых решений повлекут за собой повышение персональной ответственности и, соответственно, уровня компетентности судей, депутатов, иных представителей органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Четвертая предлагаемая поправка касается того, чтобы вся информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления была достоверной, своевременной, регулярной и постоянно обновляемой. Действие этой нормы позволит гражданам, общественным организациям и всему обществу осуществлять повсеместный контроль над деятельностью органов власти [4, с. 15].

Прозрачность должна касаться не только органов государственной власти и органов местного самоуправления, но и бизнеса. Свободный доступ граждан к информации о деятельности органов власти сделает работу чиновников, депутатов, судей, прокуроров, сотрудников органов внутренних дел, муниципальных служащих открытой и, как следствие, ответственной, когда как закрытость их деятельности ведет к нарушению закона, коррупции, безответственности и некомпетентности.

Введение в ФЗ-8 данных норм укрепит правовое обоснование механизма прозрачности. В результате будут созданы новые возможности для осуществления эффективного общественного контроля над деятельностью публичной власти. Имея свободный доступ к информации о деятельности органов власти и должностных лиц, граждане и общественные организации могут оценивать качество их работы и легальным образом оказывать на них правовое воздействие путем подачи судебных исков; заявлений в прокуратуру; обращений в государственные органы и органы местного самоуправления; проведения журналистских расследований; выступлений в СМИ; организации публичных акций — митингов, шествий и демонстраций; избрания на выборах новых губернаторов, депутатов всех уровней, глав местного самоуправления. Кроме того, открытость с большой вероятностью может способствовать активному вовлечению простых граждан, Общероссийского народного фронта, Общественной палаты Российской Федерации, союзов предпринимателей и иных общественных организаций, а также полити-

ческих партий, профсоюзов и средств массовой информации в процесс модернизации страны.

Законодательное обеспечение механизма прозрачности создаст двойной контроль (государственный и общественный) над деятельностью служащих органов власти. Смысл государственного контроля состоит в том, что гражданские служащие будут вынуждены работать в условиях повышенной ответственности и внутренней конкуренции; значение общественного контроля заключается в наблюдении за их работой со стороны граждан, в целом общества в лице общественных организаций и средств массовой информации. То есть, с одной стороны, решается задача правового принуждения должностных лиц и служащих органов государственной власти, органов местного самоуправления к ответственности по обеспечению строгого соблюдения закона всеми без исключения, компетентному регулированию экономических, социальных, иных вопросов; с другой стороны, общественный контроль поможет государственным и муниципальным служащим навести порядок в своих рядах — быть ответственными, неподкупными и компетентными [5, с. 16].

Роль цифровых технологий в модернизации России

Интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий в стране дает возможность результативно использовать цифровые технологии в модернизации России. В связи с этим предлагаем создать в Интернете прямой (непосредственный) электронный контроль граждан, общественных организаций и средств массовой информации с полным охватом страны от Камчатского и Приморского краев до Калининградской области в виде специального портала с цифровыми ресурсами {текстовые, звуковые (аудио), графические, числовые, демонстрационные (видео) и др.} по контролю граждан и общественных организаций над деятельностью органов власти.

На электронной платформе следует открыть «окно» по деятельности судов на федеральном, региональном и местном уровнях, принявших неправомерные решения и приговоры, вступившие в силу. Весьма востребованным может оказаться и «окно» по вопросам давления на предпринимателей и отъему собственности нечистооплотными чиновниками и сотрудниками правоохранительных органов. Такими же актуальными выступают «окна» по организации легитимных выборов, решению проблем экологии, образования, медицинского обслуживания, ремонта дорог, строительства жилья в Федерации, регионе и муниципалитетах.

Использование цифровых технологий позволят гражданам быстро и своевременно заявлять о нарушении закона, получать поддержку в случаях нарушения их прав и посягательства на их интересы. Речь здесь идет не о абстрактной системе народного контроля над тем, что происходит в различных сферах властной деятельности на уровне федерального центра, региона

и местного самоуправления, а о дополнительной помощи руководителям соответствующих министерств и органов государственной власти, которые будут поставлены в известность об имеющихся проблемах в непосредственных форматах: прямое электронное обращение к руководителям позволит миновать многочисленные фильтры их подчиненных.

Всероссийский электронный общественный контроль даст обществу возможность сделать публичной информацию о нарушениях прав и свобод граждан и их интересов, а главное — добиться рассмотрения возникающих вопросов по существу. Деятельность этого контроля, прежде всего, принудит государственных и муниципальных служащих ответственно и компетентно исполнять свои обязанности. Таким образом, она защитит граждан от вынесения неправосудных судебных решений, оградит предпринимателей от необоснованного давления и отъема собственности, обеспечит соблюдение избирательных прав граждан, уберезет окружающую среду от загрязнения и т.д.

Общероссийский цифровой портал под условным названием «Общественный контроль» может стать инструментом, *во-первых*, сетевого объединения и взаимодействия граждан; *во-вторых*, повышения их правовой и политической культуры, поскольку потребует соответствующих знаний как в процедурах прямого обращения в органы государственной власти и органы местного управления, так и в форме общественных проверок, мониторинга, экспертиз, обсуждений, опросов; *в-третьих*, организации конструктивного взаимодействия государства и общества, массовой подготовки общественных активистов по строительству правового государства и развития гражданского общества, *в-четвертых*, поддержки и продвижения общественно значимых инициатив и проектов. В результате всероссийский электронный общественный контроль, на мой взгляд, приведет к вовлечению россиян в процесс модернизации государства, экономики и общества.

Признавая существенную роль цифровых технологий в развитии общественного контроля над деятельностью судов и в проведении легитимных выборов, следует обратить внимание на их значение и в парламентской деятельности. Речь идет о законотворческой практике, где электронный контроль откроет новые горизонты для расширения прямой демократии, непосредственного и интерактивного участия граждан в принятии решений, формировании правовой базы от федерального до местного уровня.

В связи с этим сотрудникам и депутатам Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, служащим Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации вместе с инициативными гражданами и общественными объединениями целесообразно проработать технологические решения и нормативную базу, которая позволит запустить механизм электронного общественного контроля. В свою очередь, правоохранительным институтам потребуется подготовить регламент работы с обращениями граждан и их

объединений для руководителей органов государственной власти, органов местного самоуправления, включая четкие сроки их рассмотрения. Представляется, что финансовое обеспечение функционирования цифрового портала «Общественный контроль» могут взять на себя общественные объединения предпринимателей — РСПП и «Деловая Россия».

Внедрение механизма прозрачности в деятельность судов

Большое значение для создания и развития эффективного государства имеет внедрение в деятельность судов политико-правового механизма прозрачности, основой которого являются цифровые технологии. Суды выступают движущей силой создания правового государства, призванного обеспечить строгое соблюдение закона всеми участниками общественных отношений. По сути, судебная система — основа правового государства. Когда суды, призванные защищать права и свободы человека, работают эффективно, соблюдение законности становится делом каждого.

Именно судебная власть обеспечивает свободу предпринимательства, защиту частной собственности, недопущение монопольной экономической деятельности с недобросовестной конкуренцией, создавая тем самым условия для развития рыночной экономики, движущей силой которой является честная конкуренция, мотивирующая всю сферу бизнеса к увеличению роста производительности посредством новой организации труда и внедрения высоких технологий. Следовательно, беспристрастная, абсолютно соответствующая «букве» и «духу» закона работа судей гарантирует свободу рынка и создает условия для полноценного функционирования рыночной экономики, стимулирующей граждан заниматься производительным трудом, обеспечивающим рост уровня жизни народа.

Основная задача судебной власти как инструмента настройки деятельности работников правоохранительных органов тщательно исполнять свои обязанности по защите закона заключается в деятельности по осуществлению правосудия — единственной и исключительной деятельности судебных органов. Она не только реализует свои государственно-властные полномочия, играя роль средства обеспечения стабильности правового порядка в стране, но и оказывает огромное влияние на формирование у граждан правосознания.

Однако из-за безответственности отдельных судей, коррупции и зависимости от теневых групп влияния суды нередко осуществляют правосудие неудовлетворительно. Это препятствует становлению правового государства, формированию благоприятных условий для подъема экономики, роста уровня жизни народа и укрепления суверенитета страны. Создание эффективной судебной системы требует активного участия российских граждан в проведении общественного контроля над деятельностью судов.

Из-за ограниченности своей численности правящая элита без поддержки граждан и общественных союзов неспособна осуществлять результативный

контроль над деятельностью судебной власти. Проведение общественного контроля над этой ветвью власти посредством механизма прозрачности в форме мониторинга, обсуждения, проверки, экспертизы, опроса, во-первых, принудит судей добросовестно исполнять свои непосредственные обязанности; во-вторых, поможет судейскому сообществу навести порядок в своих рядах — быть ответственными и компетентными, остерегаться взяток, проводить справедливые, объективные и беспристрастные судебные разбирательства. В результате суд начнет гарантировать неукоснительное и всемерное соблюдение закона. Так, защита частной собственности и обеспечение свободного использования россиянами своих способностей для предпринимательской деятельности в сочетании с недопущением недобросовестной конкуренции стимулируют подъем предпринимательства, которое, в свою очередь, инициирует производство и создает рабочие места, а значит, обеспечивает повышение зарплат и доходов миллионов россиян. И чем больше будет динамичных, сильных компаний, тем устойчивым станет рост экономики Российской Федерации. Следствием обеспечения судами законности в стране явится также заинтересованность народа к занятию производительным трудом. Результатом станет формирование мощной экономики, обеспечивающей повышение уровня жизни народа, развитие образования, науки и здравоохранения, отвечающего современным вызовам, достойного развития культуры.

Чтобы работу судей поставить под общественный контроль, необходимо в их деятельность ввести политико-правовой механизм прозрачности, основой которого являются цифровые технологии. Определенные инструменты механизма прозрачности содержатся в статьях 14 и 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (далее — ФЗ-262). Однако из-за отсутствия системы свободного доступа к ознакомлению с текстами судебных актов на практике эти инструменты работают формально. Поэтому гражданам, общественным организациям юристов и иным субъектам гражданского контроля сложно получить полную, объективную, своевременную и регулярную информацию по текстам судебных актов, которые по ФЗ-262 (п. 1 ст. 15) должны быть размещены в Интернете после их принятия, и текстов приговоров, подлежащих к опубликованию после вступления в силу.

Может вызвать возражение то обстоятельство, что размещение на сайтах судов текстов судебных актов угрожает безопасности участников судебного разбирательства. На мой взгляд, эти опасения мнимы, поскольку специально для этого ФЗ-262 в пункте 3 статьи 15 установил, что при размещении в Интернете текстов судебных актов обеспечивается безопасность участников судебного процесса; в той же норме подчеркивается, что при публикации из текстов судебных актов исключаются положения со сведениями, составляющими государственную или иную охраняемую законом тайну, и

дается исчерпывающий перечень текстов, не подлежащих размещению в виртуальном пространстве.

Следовательно, нет оснований для закрытия гражданам и иным субъектам народного контроля (кроме участников судебного разбирательства) доступа к текстам принятых судебных актов и вступивших в силу приговоров суда. Из-за ограниченного доступа к этой информации сегодня сложно организовать эффективный общественный контроль над деятельностью судебной власти. На сайте Верховного Суда Российской Федерации есть окно «Электронная справочная», в котором содержится раздел «Тексты судебных актов» с сотней тысяч документов. Но, не зная номера, даты и вида документа, тип дела и инстанции, нельзя ознакомиться с текстом судебного акта. Формально норма закона соблюдена, но информация остается доступной только для узкого круга лиц — участников судебного разбирательства. Получается, что гражданам, заинтересованным организациям и иным субъектам общественного контроля из-за недоступности материалов дела очень сложно проанализировать содержание судебных актов.

Этот недостаток относится и к другому разделу сайта — «Справочная информация по жалобам». В нем содержатся сведения по множеству жалоб, касающихся гражданских, административных и уголовных дел, а также экономических споров. Однако граждане, общественные юридические ассоциации и другие субъекты общественного контроля, не знающие заявителя и номера жалобы, не могут ознакомиться с этой информацией на сайте. Аналогичная ситуация сложилась и в субъектах Российской Федерации. Все это, конечно, ограничивает возможности общественного контроля над деятельностью судебной власти.

При создании всероссийского цифрового портала «Общественный контроль» можно открыть специальное окно, посвященное деятельности судов. К нему могут обращаться участники судебного разбирательства по всей стране, имеющие доказательные материалы по принятым неправосудным судебным решениям и вступившим в силу приговорам. *Общероссийский электронный общественный контроль может использовать все законные средства, необходимые для отмены неправосудных решений судов, введения механизма ответственности в деятельность судебной власти.* Таким образом, деятельность портала позволит заинтересованным гражданам обсудить проблему ограниченного доступа к текстам, принятых судебных решений и вступивших в силу приговоров, размещенных на сайтах Верховного Суда и судов субъектов Федерации. Результатом общественного обсуждения этой проблемы станет подготовка соответствующих поправок в 262-ФЗ, что улучшит дальнейшее внедрение электронных технологий в деятельность судов. *А ответственный, неподкупный, справедливый, равный для всех сторон, объективный и независимый от групп влияния суд создаст эффективное государство — главный инструмент правящей элиты в модернизации страны.*

Цифровые технологии и правоохранительные органы

Исходя из вышеизложенного представляется интересным внести ряд поправок в федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1, «Об Общественной Палате Российской Федерации» от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ, «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ и «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

Первая поправка. «На сайтах общественных палат и уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать все жалобы граждан в органы внутренних дел и прокуратуру по ненадлежащему исполнению сотрудниками полиции своих обязанностей. Руководство МВД и прокуратуры обязано отвечать на данные жалобы на этих же сайтах». Иначе говоря, граждане должны видеть, кто пострадал, кто виноват и как виновный ответил за нарушение закона. Действуя в условиях прозрачности, прокуроры, следователи, полицейские будут вынуждены ответственно и компетентно решать свою главную задачу: обеспечивать соблюдение законов, исполнять, охранять и защищать конституционные права и свободы граждан.

Вторая поправка. «На сайтах общественных палат, уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации организовать рубрику обращений и жалоб сотрудников органов внутренних дел на произвол начальников. Обязать руководство МВД и прокуратуру отвечать на данные жалобы на этих же сайтах». Такие жалобы откроют для общества нарушения в деятельности должностных лиц в органах внутренних дел и покажут, насколько добросовестно и профессионально они исполняют свои служебные обязанности.

Третья поправка. «На сайтах общественных палат, уполномоченного по правам человека России и субъектов Российской Федерации публиковать данные народного контроля о деятельности дежурных частей ОВД и порядке содержания граждан в изоляторах временного содержания». Случаи унижения и издевательства над людьми при этом станут открытыми для должного реагирования прокуратуры и уполномоченного по правам человека [3, с. 111–112].

Для обеспечения эффективной работы системы правоохранительных органов — судов, прокуратуры, Следственного комитета и полиции необходимы постоянная поддержка и помощь народа. Социум поддержит их только в том случае, когда увидит в них защитников закона, прав и свобод граждан. А такими судебные органы (суды) и иные правоохранительные органы станут только тогда, когда их деятельность будет открытой и, как следствие, подконтрольной гражданам и общественным организациям, — значит, всему народу. Именно прозрачность деятельности судей, прокуроров и сотрудников органов внутренних дел поможет сформировать ответственные

государственно-властные отношения. Следовательно, судьи, прокуроры, следователи, полицейские начнут обеспечивать соблюдение закона всеми участниками общественных отношений — должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления, бизнесменами и обычными гражданами.

Роль механизма ответственности в модернизации государства

Важная роль в создании эффективного государства принадлежит внедрению в государственно-властные отношения политико-правового механизма всеобщей и неукоснительной ответственности. Для его реализации в Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ необходимо внести норму, не утвержденную Государственной Думой при ратификации «Конвенции ООН против коррупции» 17 февраля 2006 года. Речь идет о статье 20 «Незаконное обогащение» — о значительном увеличении активов публичного должностного лица, превышающем его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать. Ратификация нормы «незаконного обогащения» и внедрение ее в российское законодательство позволит значительно повысить ответственность должностных лиц в государственных органах власти и органах местного самоуправления.

Наиболее действенным инструментом повышения уровня ответственности должностных лиц является конфискация доходов и имущества, нажитых преступным путем. Под конфискацией понимается принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества. В настоящее время эта норма закреплена в статье 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой можно изъять в собственность государства только незаконные деньги или то имущество, что куплено на них. Однако конфискация имущества, как свидетельствует правоприменительная практика 2010–2019 годов, осуществляется закрытым для общества образом. Чтобы избежать злоупотреблений, необходимо законодательно обеспечить открытое проведение конфискации имущества коррупционеров. «Элите пора начать жертвовать своими одиозными коррупционерами и расхитителями бюджета, сдавая их в руки правосудия. В настоящее время коррупция, как никогда раньше, препятствует развитию эффективной экономики, поскольку она подрывает добросовестную конкуренцию, разрушает правосудие, которое не способно защитить частную собственность, свободу предпринимательства. Коррупция ведет к потерям бюджета, рождает некомпетентность, рушит право и государственные институты власти» [5, с. 17].

Существенную роль в механизме ответственности в государственно-властных отношениях может сыграть использование такого инструмента, как полиграф (детектор лжи). Практическая польза от применения полигра-

фа в органах государственной власти и органах местного самоуправления очевидна, так как он способен выявлять коррумпированных служащих, пресекать разворовывание государственного бюджета и так называемые «откаты», минимизировать риски, связанные с незаконными действиями недобросовестных чиновников. Применяя полиграф при отборе кадров, уже на начальном этапе можно отсеять тех, кто ранее совершал какие-либо преступления (в том числе, не выявленные правоохрнительными органами), имеет порочные наклонности (алкоголь, наркотики, морально-нравственная распущенность, азартные игры), или тех, кто на предыдущих местах работы использовал служебное положение для личного обогащения. Так как в настоящее время в России отсутствует правовое обеспечение использования полиграфа в органах власти, представляется актуальным установление законодательных норм, касающихся использования полиграфа как одного из инструментов укрепления ответственности государственных служащих.

Легитимные выборы — лучшая ответственность избранной власти

Особое место в политико-правовом механизме ответственности в государственно-властных отношениях занимают легитимные выборы, значение которых *заключается в смене некомпетентных должностных лиц, органов государственной власти и органов местного самоуправления, не способных добиваться положительного результата*. Именно поэтому легитимные выборы — лучшая ответственность избранной публичной власти.

В настоящее время из-за некомпетентности и недобросовестности отдельных государственных и муниципальных служащих падает доверие граждан к институтам государства, в том числе и к выборам. Легитимные выборы играют большую роль в создании и функционировании эффективного государства. В связи с этим важно кратко остановиться и на раскрытии феномена легитимных выборов.

Конституция Российской Федерации установила выборы как императивный институт непосредственной демократии и тем самым наделила их легитимностью. Раскрывая общественно-юридическую природу выборов и их многочисленные функции, Б.С. Эбзеев пишет: «Выборы есть форма периодической легитимации волей народа конституционного строя России; именно на выборах находит свое воплощение социальный и юридический догмат верховенства воли народа, составляющий базовый принцип современной демократии; отсюда следует, что выборы являются способом передачи народом избранным им органам права на осуществление от его имени публичной власти — государственной и муниципальной; именно в процессе выборов осуществляется персонификация выборных органов и государственной, и муниципальных должностей, замещаемых посредством голосования» [6, с. 341].

Представляется, что суть легитимных выборов состоит в установлении общественного доверия к избирательному процессу, безусловном призна-

нии результатов выборов гражданами, отсутствии попыток их оспаривания как внутри, так и за рубежом [7, с. 77]. Именно доверие граждан к избирательному процессу, основанное на их правомерности, добросовестности и справедливости, признание избирателями итогов выборов предопределяют наличие или отсутствие общественного согласия и, как итог, порождают представление у избирателей о легитимности выборов.

Легитимные выборы проводятся в условиях, когда в стране есть, с одной стороны, общественное доверие: доверие между гражданами, между социальными группами, между обществом и государственной властью, в том числе к институту выборов; с другой стороны, когда государственная власть доверяет обществу, эффективно решает социально-экономические проблемы, обеспечивая соблюдение закона всеми без исключения и равенство избирательных прав для всех участников выборного процесса. Мировой и отечественный исторический опыт убедительно свидетельствует: невозможно добиться взаимного доверия, если интересы общества и государства разные.

Нет сомнения в том, что доверие станет движущей силой развития страны, когда оно будет охватывать все общество и государство. Взаимное доверие государства и общества предполагает общность их интересов и целей. На мой взгляд, таким общим делом выступают интересы России. Значит, *легитимность выборов обеспечивается тогда, когда интересы страны преобладают над интересами отдельных индивидов*. Очевидно, что интересы России заключаются в строительстве высокопроизводительной экономики, обеспечивающей подъем уровня жизни народа, создающей условия для качественного развития здравоохранения, образования, науки, культуры и укрепляющей государственный суверенитет и национальную безопасность.

Для взаимного доверия общества и государства на выборах важно, чтобы их деятельность была прозрачной. Когда информация недоступна для понимания того, что делают в избирательном процессе организаторы выборов (избирательные комиссии), представляющие государственную власть, а также представители общества (кандидаты, политические партии, общественные наблюдатели), тогда доверие, скорее всего, и не возникнет. Чтобы граждане доверяли выборам, необходимо наличие взаимного доверия не только между обществом и государственной властью, но и внутри самого социума. Поскольку выборы, как подчеркивает Е.И. Колюшин, «представляют собой совокупность всех фактических общественных отношений, которые возникают между избирателями и соискателями права осуществлять публичную власть от имени народа, в том числе отношений, возникающих при голосовании» [8, с. 13], постольку важно, чтобы граждане доверяли друг другу.

В связи с этим И.Б. Гасанов справедливо отмечает: «Доверие общества к выборам, по сути, зависит не от технического оснащения последних, не от количества видеокамер и общественных наблюдателей, и даже не от уровня организации избирательной кампании, хотя все перечисленное — важнейшие факторы укрепления доверия избирателей к избирательному процессу, а

от качества сложившихся взаимоотношений, взаимопонимания, общности интересов и целей, уровня причастности членов общества к государственным делам» [9, с. 554].

Легитимность выборов депутатов, представительных органов и выборных должностных лиц государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации зависит от качества избирательного законодательства (доверия власти к обществу) и добросовестного его применения всеми участниками выборного процесса (доверия общества к власти). Доверие общества к выборам и безусловное признание избирателями их результатов определяют легитимацию избранной публичной власти большинством граждан, их согласия ей подчиняться при проведении нужных, но нередко непопулярных у народа реформ, цель которых — укрепление устоев страны. Легитимные выборы нужны, прежде всего для критической оценки социально-экономической ситуации в стране, регионах, на уровне местного самоуправления, что позволяет выявить и исправить совершенные властью ошибки. Легитимная публичная власть с ротацией кадров на основе ответственности и компетентности, опираясь на поддержку граждан, может провести преобразования, направленные на преодоление стагнации российской экономики и повышение жизненного уровня народа. Следовательно, легитимные выборы способствуют строительству эффективного государства, и как результат, созданию сильной и благополучной страны, что отвечает ее национальным интересам.

Механизм ответственности в судах и правоохранительных органах

В создании эффективного государства принципиальное значение имеет внедрение механизма ответственности в деятельность судей, прокуроров, сотрудников полиции, Следственного комитета и Российской гвардии. В самом деле, чего можно ждать от безответственного судьи, не требующего ни верного правосознания от себя самого, ни объективности в изучении факта, ни точного знания закона? «Такой судья, — писал И.А. Ильин в 1950-е годы, — не ведающий ни предстояния, ни призвания, ни желания осуществить "наилучше наилучшее", создаст режим произвола, коррупции и кумовства» [10, с. 407].

Действенным инструментом механизма ответственности является, как говорилось выше, конфискация имущества. Однако принудительное безвозмездное изъятие и обращение в доход государства имущества, полученного в результате совершения преступлений судьями, прокурорами, следователями и полицейскими осуществляется редко. Значит, правящей элите необходимо начать решительно избавляться от коррумпированных судей, прокуроров и любых иных сотрудников правоохранительных органов.

Одна из составляющих механизма ответственности заключается в размещении полной и достоверной информации о доходах, имуществе и обя-

зательствах имущественного характера ответственных должностных лиц, а также членов их семей на официальных сайтах соответствующих органов. В настоящее время из-за отсутствия всеобщей и регулярной проверки достоверности, представленных сведений, этот механизм не работает должным образом.

В целях повышения ответственности в деятельности судей представляется целесообразным отмена норм, позволяющих им выносить субъективные решения, следуя так называемым «личным убеждениям» и тому подобным положениям. Необходимо руководствоваться только статьями действующего законодательства с обязательным детальным правовым обоснованием выносимых ими решений, чтобы сразу становились видны их некомпетентность или коррупционный интерес. Разумеется, следует совершенствовать законодательство, имеющее нормы двойного толкования, которые открывают коррупционные возможности для недобросовестных судей.

Результативным инструментом повышения ответственности судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета и полиции может быть тот же полиграф. Процедура проверки на детекторе лжи должна стать обязательной для любого судьи, прокурора, следователя и сотрудника полиции; начиная от студентов юридических вузов, курсантов образовательных учреждений МВД и рядовых сотрудников правоохранительных органов и заканчивая старшими офицерами. В настоящее время процедура обследования сотрудников органов внутренних дел на полиграфе проводится выборочно и не имеет правового закрепления. Судьи, прокуроры и сотрудники Следственного комитета практически не проходят такую проверку. Исходя из сказанного, проверка полиграфе должна проводиться регулярно, записываться на видео и храниться в соответствующем архиве.

Итак, совершенствование деятельности судов, прокуратуры и полиции посредством внедрения в их работу механизма ответственности мотивирует их обеспечивать соблюдение закона всеми участниками общественных отношений, что приведет к созданию эффективного государства — главного инструмента правящей элиты в проведении модернизации России.

Подводя итоги

В настоящее время перед правящей элитой и гражданским обществом России стоит неотложная задача модернизации страны. Ее решение может начаться с создания эффективного государства посредством политико-правовых механизмов прозрачности и ответственности, цифровых технологий. Именно эффективное государство является движущей силой перехода Российской Федерации на качественно новый путь развития, основанного на мотивации россиян к производительному труду, их ответственном отношении за свободный выбор своего жизненного пути, полной реализации

их способностей благодаря неукоснительному соблюдению закона всеми без исключения.

Следствием этого процесса станет создание и развитие высокопроизводительной экономики, обеспечивающей массовый рост среднего класса, достойный уровень жизни российского народа, достижение качественного образования и здравоохранения, развитие науки и культуры, строительство сильных вооруженных сил. В итоге на мировой арене Россия будет проявлять еще больше решимости в отстаивании своих национальных интересов, культурной самобытности, традиционных ценностей. Выступая гарантом мира, Россия получит доверие мирового сообщества. Без участия или согласия нашей страны не будут приниматься никакие важные международные решения.

Список литературы

1. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России: монография. М.: Норма, 2019. 448 с.
2. Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г. «О стратегии развития России до 2020 года» // Россия 2020. Главные задачи развития страны. М.: Издательство «Европа», 2008. С. 5–29.
3. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / отв. ред. А.Н. Аринин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 319 с.
4. Аринин А.Н. О задачах Президента России в модернизации страны // Новейшая история России. 2012. № 1 (03). С. 7–34.
5. Аринин А.Н. Крым как механизм запуска реформ в России и роль правящей элиты в их проведении // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Том 9. № 2. С. 11–18.
6. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. М.: Проспект, 2017. 656 с.
7. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: монография / коллектив авторов; под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова. М.: КНОРУС, 2018. 344 с.
8. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений: монография. М.: Норма: ИНФРА — М, 2017. 384 с.
9. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоевластию. М.: МедиаПресс, 2019. 816 с.
10. Ильин И.А. Путь к очевидности // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 592 с.

Н.В. ДЕЕВА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

***Аннотация.** Статья посвящена положительным и отрицательным аспектам в развитии гражданского общества России в условиях цифровизации. Проанализированы тенденции изменений в функционировании институтов и протекания процессов, характеризующих гражданское общество, таких как свобода во всех сферах, в частности, индивидуальная свобода, собственность как условие свободы, развитая личность, многообразие интересов и их институционализация, развитая система права, правовое равенство граждан, договорные начала, гражданская ответственность, взаимодействие с государством. Расширение цифровой среды в России неизбежно приведет к развитию горизонтальных связей населения, характерных для гражданского общества, и активному практическому взаимодействию людей как между собой, так и с государством. Эти связи усилятся с развитием подрастающего поколения, имеющего явные преимущества в цифровой среде и, следовательно, в строительстве гражданского общества будущего.*

***Ключевые слова:** гражданское общество, цифровизация, личность, государство, права человека.*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN THE ERA OF DIGITALIZATION

***Abstract.** The article is devoted to positive and negative aspects in the development of Russian civil society in the conditions of digitalization. The article analyzes the trends of changes in the functioning of institutions and processes that characterize civil society, such as: freedom in all spheres, in particular, individual freedom, property as a condition of freedom, developed personality, diversity of interests and their institutionalization, a developed system of law, legal equality of citizens, contractual principles, civil responsibility, interaction with the state. The expansion of the digital environment in Russia will inevitably lead to the development of horizontal connections of the population, which are typical for civil society, and active practical interaction of citizens both among themselves and with the state. These links will be strengthened with the development of the modern younger*

ДЕЕВА Наталья Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ), г. Москва.

***Сведения о поддержке.** Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644-ОГН «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».*

generation, which has clear advantages in the digital environment, and, consequently, in building the civil society of the future.

Keywords: *civil society, digitalization, personality, state, human rights.*

В XXI веке до невероятных пределов расширилась сфера применения информационных технологий и цифровизации. С внедрением цифровых технологий в промышленность, экономику, образование, культуру и обслуживание цифровизация становится характеристикой новой эпохи. В новых условиях проблемы развития гражданского общества становятся актуальными в связи с изменениями взаимодействия между обществом и властью, горизонтальных связей и в качестве самих граждан в связи с применением компьютерных навыков и расширением сферы знаний о современных технологиях.

В Послании к Федеральному Собранию 15 января 2020 года Президент России В.В. Путин отметил значимость цифровых технологий для развития страны: «Мы уже создали крупнейшую инфраструктуру ... цифрового телевидения, по своим техническим параметрам — одну из самых современных в мире. Охват цифровым телевидением в России сейчас выше, чем, например, во Франции, Австрии или Швейцарии... Россия — одна из немногих стран в мире, где есть свои социальные сети, мессенджеры, почтовые и поисковые системы, другие национальные ресурсы. ... Высокая доступность Интернета должна стать конкурентным преимуществом России и наших граждан, создать широкое пространство для образования и творчества, для общения, для реализации социальных и культурных проектов. И конечно, это новые возможности для участия людей в жизни страны. Для нас значима каждая созидательная инициатива граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций, их стремление внести свой вклад в решение задач национального развития»².

Объектом исследования данной статьи является влияние цифровизации на гражданское общество, а предметом — положительные и отрицательные моменты этого процесса в России.

Цель статьи — анализ тенденций развития основных составляющих и институтов российского гражданского общества в связи с развитием цифровых технологий. Для достижения этой цели необходимо:

- обозначить признаки гражданского общества;
- рассмотреть основные институты гражданского общества и их специфику в России на современном этапе;
- выявить особенности цифровизации сферы гражданского общества;
- проанализировать перспективы развития субъектов российского гражданского общества в условиях цифровизации.

² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>.

Говоря о гражданском обществе применительно к проблематике нашей статьи, можно использовать идеи Ю. Хабермаса: гражданское общество включает общественную, публичную и частную сферы, это форма самоорганизации жизненного мира, конституирующая разнообразные институты и объединения в процессе взаимодействия с «системным миром» и, прежде всего, с экономикой и государством. Интересно его отношение к политическим партиям, они как бы разделены на две части: одна находится в сфере гражданского общества, где формируются мнения, мотивы, идеалы, ориентации объединения, а другая принадлежит государству через вхождение в его структуры: парламент, правительство и т.д. [1, с. 75].

Под цифровизацией в узком смысле слова понимается перенос документов и любой информации (текст, фото, видео, голосовые сообщения, карты, музыка) в электронный формат и последующий обмен этими данными через электронные каналы связи, в широком — решение разнообразных задач в любой сфере с помощью цифровых технологий.

В научной литературе за последние 10 лет появилось немало работ, посвященных как развитию социальных сетей и их влиянию на политическую жизнь, так и цифровым проектам, укрепляющим взаимосвязь государства и общества. И если в начале десятилетия эти проблемы часто обсуждались и решались в контексте сохранения и развития социального государства, то в конце — полемика вокруг вопросов цифровизации в большей степени касается анализа перспектив и последствий внедрения технологий в государственное управление. Так, в работах, посвященных электронной демократии, отмечается, что «цифровые технологии, с одной стороны, способствуют дегуманизации политического общения, с другой стороны, они делают процедуры прямой демократии более доступными» [2, с. 19]. Также «проанализированы основные тенденции трансформации взаимоотношений власти и общества в контексте применения цифровых технологий и использования сетевых ресурсов в административной деятельности» [3, с. 465]. В ряде работ рассматривается «расширение государственной телекоммуникационной инфраструктуры, используемой для взаимодействия с населением, в том числе через внедрение цифровой идентификации и аутентификации граждан» [4, с. 82], речь идет об этапах развития этого процесса, таких как электронное правительство, открытое правительство, умное правительство.

Выстраиваемое виртуальное и реальное пространство существенно меняет организацию и функционирование элементов гражданского общества, одним из основополагающих принципов существования которого является личная и коллективная свобода во всех сферах деятельности, в первую очередь, материальной, — в виде собственности, наличие которой и составляет экономическую основу гражданского общества. Эта свобода в полной мере обеспечивается цифровыми технологиями.

Электронный кошелек, онлайн-платежи и налогообложение, сайты о покупках недвижимости, электронная касса и прочие возможности, с одной стороны, дают свободу выбора товара, видов деятельности и собственности, свободу реализации любых потребительских запросов в нужном месте в нужное время, с другой — обеспечивают прозрачность любых трат, контроль за уплатой налогов, наличие цифровых следов как организаций, так и граждан. Оба этих момента — положительные, поскольку формируют и свободу выбора, и ответственность как перед государством, так и перед самим собой в экономической сфере. Молодое поколение и люди среднего возраста более адаптированы к этим формам взаимодействия с финансами, в дальнейшем цифровизация финансовой сферы будет только расти, а для молодого поколения банковские карты и электронные кошельки уже сегодня стали привычными финансовыми инструментами для совершения покупок и организации бюджета.

В то же время социальные сети и сообщества посредством рекламы, специализированных блогов и просто различных постов не всегда корректно формируют потребности граждан. Если рекламу в телевизоре можно отключить, то в Интернете она окружает пользователя со всех сторон. При отсутствии у человека внутреннего самоконтроля свобода тратить деньги с помощью сервисов мобильных банков в сочетании с легким и почти бесконтрольным получением потребительских кредитов на следующем этапе снижает качество его жизни и погружает на долгие годы в несвободу, то есть в зависимость от банков и коллекторских агентств.

Ухудшает ситуацию экономической свободы высокий уровень рисков финансовых нарушений и махинаций, в том числе по причине низкой культуры населения в области кибербезопасности, что тоже способствует снижению доходов и качества услуг, недоверию к цифровым технологиям.

В то же время цифровизация позволяет достичь широкой индивидуальной свободы: это, в том числе, возможность работать удаленно, что важно для людей, привыкших путешествовать, для мам, имеющих маленьких детей или многодетных родителей, для лиц с ограниченными физическими возможностями и просто для фрилансеров или творческих людей, не готовых связывать себя жестким графиком или локализацией рабочего места. В экономике становятся важны не материальные активы, а таланты разработчиков, при этом крупные компании часто не выживают, тогда как мелкие стартапы успешно составляют им конкуренцию.

Таким образом, использование сетей, различных гаджетов и приложений позволяет значительно большему числу людей ощущать себя свободными членами социума, составляющими основу гражданского общества. Освобожденный таким образом от многих условностей прошлого труд и высвободившееся от ненужных перемещений в пространстве время (что особенно заметно в мегаполисах) способствуют формированию развитой

личности, ее способности к самостоятельности и осознанию своих потребностей и интересов.

Наличие свободы во всех ее проявлениях и во всех областях порождает еще один аспект, имеющий как плюсы, так и минусы. В частности, свобода и независимость СМИ имеют обратную сторону. Сегодня большая часть информационных изданий имеет аналог в Сети или является только электронным изданием. Если в сфере государственных средств массовой информации или негосударственных, но имеющих вес в политических или журналистских кругах, изданий не позволительно выпускать материалы, содержащие непроверенные факты, то многие агрегаторы новостей включены в постоянную конкуренцию за то, чей материал первым будет в эфире. Это подрывает доверие к СМИ вообще и, в частности, дискредитирует организации, поневоле пользующиеся недостоверной информацией.

* * *

Существенной чертой гражданского общества является наличие развитой системы интересов и условий для их реализации в виде формализованных структур, организаций и институтов, объединяющих людей на добровольной основе. Сюда можно отнести коммерческие и структуры с различной формой собственности, партии, не представленные в органах государственной власти, и церковь. Все они, безусловно, активно вовлекаются в цифровое сообщество, используя как информационные ресурсы и возможности коммуникации, так и обратную связь со своими клиентами, сторонниками, последователями, что особенно важно для страны таких масштабов, как Россия.

Некоммерческие организации (НКО), составляющие основную часть институтов гражданского общества, можно подразделить на несколько групп, отличающихся по решаемым ими проблемам [5]. Часть таких организаций создаются для решения проблем их членов — это так называемые общества взаимопомощи, организации клубного характера и группы по интересам. (часто они неотличимы друг от друга). Для них важно развитие социальных сетей, поскольку это дает возможность коммуникации и консультации с людьми со схожими проблемами, обмена бесплатной информационной, правовой поддержкой и для оперативного сбора средств.

Другая группа НКО занимается решением проблем, непосредственно не связанных с жизненными интересами самих членов — это организации социальной направленности, благотворительные организации и в широком смысле слова экологические общества, включающие в сферу своей деятельности охрану памятников и т.д. Здесь сети предоставляют возможность информировать о своей работе и проблемах более широкий круг социума, привлекая волонтеров и различного рода средства.

К третьей группе относят правозащитные организации (имеются в виду как организации традиционного типа, так и возникающие в последнее время группы гражданского контроля).

Четвертая группа состоит из инфраструктурных НКО, чья миссия — содействие деятельности других общественных организаций в самом широком понимании этого явления.

Всем названным организациям и выгодно использовать цифровые технологии в целях создания групп влияния на территории страны.

* * *

Следующий блок, характеризующий гражданское общество, включает в себя развитую систему права, правовое равенство граждан, договорные начала в урегулировании конфликтов и гражданскую ответственность населения. Вопрос договора для России остается по-прежнему специфическим, не характерным для Запада.

Ю.М. Лотман объяснял эту особенность договора с властью, ставшую одной из черт российской ментальности, следующим образом. «Отношения этого типа характеризуются: 1) односторонностью; они имеют однонаправленный характер: отдающий себя во власть субъект рассчитывает на покровительство, но между его акцией и ответным действием нет обязательной связи; отсутствие награды не может служить основанием для разрыва отношений; 2) из сказанного вытекает отсутствие принудительности в отношениях: одна сторона отдает все, а другая может дать или нет; 3) отношения не имеют характера эквивалентности: они исключают психологию обмена и не допускают мысли об условно-конвенциональном характере основных ценностей; 4) следовательно, отношения этого типа имеют характер не договора, а безусловного дара» [7, с. 346]. Эта специфика влияет и на договорные отношения в российском обществе, где, с одной стороны, с давних времен одним из основных принципов отношений между людьми была реципрокация (взаимообмен) и, с другой, — устойчивая сакрализация власти.

Исторический опыт страны определил для большинства населения некие принципы, которые могут быть сформулированы в таких расхожих фразах как «не было бы хуже», «лишь бы не было войны», и один из основополагающих принципов российской ментальности — справедливость, что тоже создает особое правовое поле. В России между людьми, на бытовом уровне часто встречаются устные, а не письменные договоры. Зачастую это происходит в ситуациях, когда риски возможной потери меньше, чем выгода от стоимости услуг (для потребителя), для сокрытия доходов или ухода от налогов (для исполнителя). Здесь вступают в силу либо рекомендательный характер отношений, либо наличие некоего монополиста в данной местности (электрик, продавец молока), для которого данный вид деятельности является дополнительным (в просторечии «халтура», подхалтурить»), причем парадокс заключается в том, что этот дополнительный вид заработка может быть выше, чем официальный. Фразу «даю слово» можно встретить как в художественной или исторической литературе, так и в современной жизни. Это могло быть купеческое слово, или, независимо от периода, слово офи-

пера. Эти отношения закрепляются в исторической памяти народа. Яркой иллюстрацией сказанному является русская пословица «давши слово — держись, а не давши — крепись», которая в середине XIX века вошла в словарь В. Даля и часто использовалась такими авторами как А.Н. Островский и М.Е. Салтыков-Щедрин.

В современной России отсутствие письменного договора проявляется в ситуации оказания различных мелких услуг: транспортных, ремонтных, строительных, когда люди договариваются не через юридическое лицо, а напрямую; или при займе денег в долг у частного лица (родных, знакомых). Здесь сети предоставляют, с одной стороны, возможность быстро связаться с различными людьми или группами для получения финансирования (порой безусловного, когда речь идет о лечении детей или содержании приютов для животных), с другой, — дополнительную гарантию, когда свидетелями события или договора становятся многочисленные пользователи, поделившиеся той или иной публикацией на своих страницах. При этом всевозможные технические носители и хранители информации хранят цифровые следы: чеки о переводах в адрес конкретного лица, смс-сообщения, сообщения через различные мессенджеры (т.е. все, что сохраняет сведения о финансовых операциях и может быть потом использовано как доказательная база при различных конфликтных ситуациях).

В плане некоего правового обеспечения общения существует как регулирование отношений в сети (общие правила, установленные администрациями сетей), так и правила в каждой группе, дополнительные, свои, установленные администрацией группы. Соблюдение этих правил самими участниками и отслеживание нарушений как администрацией, так и членами группы, дополнительно развивает навыки саморегуляции и ответственности.

* * *

Очевидно, что социальные сети развивают у граждан необходимые для функционирования гражданского общества навыки самоорганизации и самоуправления, когда многообразные интересы членов общества и их объединений реализуются независимо от государства. Это именно та сфера, которая находится вне прямого воздействия и контроля со стороны государства.

В то же время без государства нет граждан, без граждан нет гражданского общества. Государство гарантирует соблюдение всеми участниками общественных отношений прав и свобод друг друга, обеспечивает защиту интересов граждан, функционирование системы права. Демократический режим удобен как политическое устройство, позволяющее большей части общества участвовать в формировании и смене государственной власти и принятии важнейших политических решений.

Государство все активнее включается в процесс цифровизации не только в качестве контролирующего субъекта, но и актора для эффективного

осуществления своих функций. «Под флагом нового государственного менеджмента (NewPublicManagement) и электронного правительства запущен портал государственных услуг, развиваются электронные представительства органов власти, создаются многофункциональные центры предоставления услуг, налаживается электронное межведомственное взаимодействие, открываются ведомственные базы данных, разрабатываются мобильные приложения» [8, с. 84].

В России получили широкое распространение гражданские практики, построенные с использованием технологии краудсорсинга. После того, как простые жители объединились для борьбы с лесными пожарами летом 2010 года, появился целый шлейф подобных проектов, позволяющих людям регистрировать на интерактивных картах местности проблемы и предлагать варианты их решения, например:

- через карту помощи «Рында» (<http://rynda.org>) регистрируются различные проблемы, связанные с холодами, донорством, пропавшими людьми и т.д.;

- РосЯма (<http://rosyama.ru>) позволяет отметить неровности, рытвины и выбоины на дороге, отправлять заявление с сообщением о них в ГИБДД или жалобу в прокуратуру.

- ЭкоФронт (<http://www.ecofront.ru>) — карта для решения проблем с мусором, оставленным на природе. Посредством этой карты фиксируются места, требующие уборки, устранения свалки.

В сферу краудсорсинга могут входить различные формы мобилизации: сбор информации (мониторинг проблем); сбор мнений/анализ (экспертиза законопроектов); реализация задач (конкретная деятельность по решению проблем) [9, с. 42]. Данная социально-экономическая технология дает возможность для формирования разнообразных сообществ, основанных на принципах добровольности и личной заинтересованности. Это — новая площадка для создания различных коалиций, объединенных какой-либо идеей или практикой, особенно в тех ситуациях и местах, где государство либо не справляется либо не уделяет достаточного внимания проблеме.

* * *

В современном мире посредством социальных сетей могут преодолеваются различные формы разобщенности, порожденной индивидуализацией, миграцией, разницей в доходах и другими обстоятельствами. Развитые средства коммуникации, основанные на мобильных приложениях, обеспечивают коммуникацию с друзьями, с семьей и социальным окружением даже при долгом отсутствии или удаленной работе.

Из действительности, особенно в мегаполисах, уходит такое понятие как «двор», еще недавно обеспечивавший процессы социализации, обучения, обмена информации, создания комфортной среды и являвшийся, по сути, начальной ячейкой гражданского общества с горизонтальными связями.

Разрушение этой ячейки происходит по многим причинам: многоэтажная застройка, миграция, сдача квартир внаем, обучение детей в разных школах, правовая база, при которой не только чужие люди, но даже родные бабушки и дедушки не могут принять решение, например, о госпитализации ребенка (это могут сделать только родители). Прогулки без присмотра в нынешних дворах, когда никто никого не знает в лицо, даже своих соседей по подъезду, могут быть чреваты последствиями как для ребенка, так и для родителя в определенной ситуации.

Так как человеческое общение не может просто взять и исчезнуть, оно постепенно перетекает в социальные сети, которые, как общественное пространство, открывают возможности для самообразования, развития и реализации интересов. Гаджеты с наушниками позволяют, находясь в любом месте, изучать языки, посещать театры, музеи, лекции, путешествовать и т.д.

Образование также становится значимой сферой приложения цифровых технологий и формирует поколения граждан, уже с раннего возраста привыкших к гаджетам, социальным сетям и различным образовательным платформам. При этом необходимо отметить, что переобучение, как очное, так и дистанционное, в сфере цифровых технологий проходят и обучающие — учителя школ и преподаватели вузов, постоянно повышая квалификацию. Таким образом число граждан, владеющих виртуальными инструментами и использующих их в повседневной жизни, перманентно растет.

В образовательных группах появилась такая дополнительная функция, как наставничество. Оно адресно и направлено на освоение определенных функций, кроме того — бесплатно и фактически имеет международную и межгосударственную основу. При этом данная функция способна снять вопросы о разнице в возрасте, а это означает, что она направлена на налаживание межпоколенческих связей. И это в сочетании с тем, что образовательные проекты совместно с представителями разных стран делают более перспективными и доступными создание интегрированных продуктов.

В то же время при введении цифровизации не только для чиновников, но и для педагогов, и для работников других сфер сохраняются риски разного рода и довольно широкого спектра, среди которых «риски утраты должностного положения», «риски потери власти и влияния», «трудности технического характера», «элементарное нежелание увеличения объема работы», «риск профанации новых сервисов», «отсутствие понимания замысла преобразований» и многое другое [10, с. 32].

* * *

Цифровизация в России объективным образом приводит к развитию гражданского общества, гражданских объединений и инициатив. Это выражается как в росте численности активных, организующих и предлагающих различные проекты граждан, так и в многообразии связей, возникающих благодаря доступу к социальным сетям и возможностям населения иметь

современные гаджеты. Преимущества подрастающего поколения в цифровой среде дает им новые возможности и в гражданском обществе будущего. В этой среде есть и очевидные минусы — возможности влияния на гражданское общество и создания различных, в том числе и нежелательных для социума и государства групп и организаций. Но все же положительных моментов гораздо больше, к которым можно отнести и «противоядие», которое иногда преподносится как негативный момент. Речь идет о цифровых «следах», которые, отслеживают и фиксируют противоправные и потенциально опасные организации и при этом не подлежат уничтожению. И если сами граждане и государство как контролирующий орган смогут справиться с отрицательными свойствами социальных сетей, то развитие гражданского общества — как российского, национального, так и глобального, — обретет новую динамику.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность (Московские лекции и интервью). М., 1995. 245 с.
2. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Электронная демократия и гуманистические принципы // Управленческое консультирование. 2019. № 6 (126). С. 19–31.
3. Выжимова Н.Г, Иванова Е.Ю., Колесниченко Е.А. Цифровизация управления как фактор развития современного государства // Бюллетень науки и практики. 2018. № 5. С. 465–473.
4. Климашевская О.В. Проблемы реализации государственной политики РФ в области построения цифрового общества // Власть. 2019. Том 27. № 1. С. 82–86.
5. Ирхин Ю.В. Гражданское общество в современной России: особенности, проблемы и тенденции развития // Социология власти. 2009. № 7. С. 16–28.
6. Ежов Д.А. К проблеме типологизации технологий экологического протеста // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4(29). С. 16–18.
7. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 3. Таллинн, 1993. С. 345–355.
8. Социальное государство: проблемы формирования и функционирования / Науч. ред. Целищев Н.Н. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2011. 22 с.
9. Великая Н.М., Гуселетов Б.П. От социальной утопии к социальному государству // Социологические исследования. 2012. Т. 338. № 6. С. 36–45.
10. Бондарева Е.А. Власть и бизнес: вопросы ответственности в социальном государстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2(13). С. 28–36.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

***Аннотация.** Эффективное использование социальных сетей в государственно-политическом управлении способствует решению, как минимум, двух задач. Во-первых, такого рода государственно-политическое управление может решать задачи национальной безопасности государства. Во-вторых, грамотное применение современных интернет-технологий позволяет решать не менее важную политическую задачу — формирование позитивного имиджа государственных органов власти в контексте реализации публичной политики. В статье обоснована значимость использования социальных сетей как «новых» информационно-коммуникационных технологий в целях повышения эффективности политического управления и формирования имиджа государственных органов. Проанализирован их качественный имиджевый потенциал, количественная и качественная динамика представленности федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях. Авторами предложены практические рекомендации по совершенствованию имиджевого сопровождения деятельности федеральных органов исполнительной власти в интернет-пространстве.*

***Ключевые слова:** имидж государственных органов, имиджевая политика, «новые» информационно-коммуникационные технологии, социальные сети, интернет-ресурсы государственных органов, формирование имиджа государственной власти в интернет-пространстве.*

SOCIAL NETWORKS IN INFORMATION POLICY: FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITIES IMAGE-MAKING

***Abstract.** The effective use of social networks in public-political management contributes to the solution of at least two tasks. First, electronic political administration can solve the tasks of national security of the state. Secondly, the competent use of modern Internet technologies allow to solve an equally important political task — the formation of a positive image of state authorities in the context of the implementation of public policy. The article substantiates the significance of using social media as «new» information and communication technologies*

БЕЛЕНКОВА Лариса Михайловна — кандидат политических наук, руководитель проектов Агентства «Полилог», г. Москва

БЕЛОКОНЕВ Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

to increase efficiency of political management and state bodies' image management. Their qualitative image potential, quantitative and qualitative dynamics of the representation of federal executive bodies in social networks are analyzed. The authors suggest practical recommendations on how to improve image support of federal state bodies' activities in the Internet.

Keywords: *state bodies' image, image policy, «new» information and communication technologies, social networks, Internet resources of state bodies, state authority image-making in the Internet.*

Изобретение интерактивной системы проектирования Web 2.0 породило новые информационно-коммуникационные технологии — социальные сети. Сегодня они получили достаточно широкое распространение. Эти каналы коммуникации как новые медианосители вносят значительный вклад в конструирование современной общественно-политической реальности. В России, как и в других странах, с их помощью в Интернете формируется новое политическое коммуникативное пространство.

Новые коммуникационные площадки характеризуются большой степенью политической свободы, критичности по отношению к власти и, одновременно, производными от этих достоинств разнообразными недостатками: вседозволенностью, безответственностью, критиканством и пр. Технологические возможности интернет-коммуникаций обеспечивают значительный потенциал для осуществления процесса политического управления в сетевом пространстве, а также определяют появление принципиально новых форматов и моделей политической онлайн-деятельности.

Современная государственная политика, отвечающая интересам обеспечения национальной информационной безопасности, с одной стороны, и информационно-идеологического обеспечения внутренней и внешней политики государства, — с другой, должна быть способной при необходимости обеспечивать воздействие на сознание и психику людей, их поведение и деятельность в интересах государства и гражданского общества. В полной мере такая возможность в современных условиях может достигаться лишь при условии грамотного и эффективного использования новых информационно-коммуникационных технологий в качестве полноценного инструмента реализации информационной политики государства.

В современных общественно-политических условиях социальные сети становятся мощным средством политического воздействия. Они представляют собой «мягкий» и «умный» механизм информационного воздействия, способный реализовать задачи как по систематической идеологической индоктринации населения, так и по управлению индивидуальным и групповым массовым сознанием и поведением, а значит, приобретают статус неотъемлемого инструмента политического управления. Нынешние условия заставляют государство менять характер и подходы к электронному управлению. И если говорить о современном государственно-политическом

управлении, проблема его реализации посредством социальных сетей не теряет своей актуальности. Представляется, что эффективное использование социальных сетей в государственно-политическом управлении способствует решению, как минимум, двух задач.

Во-первых, оно может решать задачи национальной безопасности государства. Современные отечественные исследователи отмечают, что создание информационно-коммуникационной инфраструктуры, развитие методов информационной работы в интернет-пространстве, а также разработка и использование эффективных технологий коммуникации в сети является задачей, необходимость решения которой становится критичной для любого современного государства, так как в случае отсутствия собственной коммуникационной инфраструктуры и навыков ее использования для информационной работы с собственным населением любое государство подвергает себя риску потери контроля над национальным информационным пространством. А это в условиях глобализации чревато весьма серьезными последствиями. Наличие развитой современной коммуникационной инфраструктуры в масштабах страны и активное разнообразное и эффективное ее использование в государственно-политическом управлении являются одним из критичных условий для обеспечения политической стабильности и информационной безопасности государства как такового [1, с. 168].

Во-вторых, грамотное использование современных интернет-технологий позволяет решать не менее важную политическую задачу — формирование позитивного имиджа государственных органов власти в контексте реализации публичной политики. Осваивая интернет-пространство и расширяя свое присутствие в нем, государственные органы создают так называемый электронно-цифровой имидж власти, способный служить эффективным средством репрезентации государственных структур в интернет-пространстве.

Качественная презентация государственных органов в Интернете обеспечивает положительный имидж государственной власти и, как следствие, высокий уровень доверия граждан к институтам власти. Более того, низкий уровень доверия может представлять собой внутреннюю угрозу национальной безопасности государства, помимо таких стандартных угроз в информационной сфере, как недостаточное развитие государственной системы регулирования процесса внедрения и применения информационных технологий; недостаточная эффективность информационного обеспечения государственной политики и т.д. Поэтому использование социальных сетей в государственной практике — это вопрос, который лежит как в плоскости электронного государственного управления и администрирования, так и публичной политики. Масштабное извлечение и применение потенциала этого инструмента способствует решению двух вышеперечисленных и весьма актуальных государственных задач.

Обоснование значимости данной проблематики можно увидеть как в классических концепциях, так и в современных исследованиях на стыке политического управления и публичной политики.

В классической модели сетевого государственного управления М. Кастельса социальным сетям (в широком смысле этого слова) придается ключевое значение. За счет пересмотра традиционных управленческих подходов и учета общественного мнения, которое формируется в социальных (общественных) сетях, управленцы могут принимать политические решения, направленные на удовлетворение общественных интересов и решение социальных проблем [2, с. 696].

Изучение цифровизации политики во всех ее измерениях пользуется большой популярностью и у отечественных исследователей. Так, проблема развития и эффективного применения интернет-технологий в государственном управлении получила освещение в трудах Л.В. Сморгунова, С.В. Володенкова, А.А. Косорукова. Социально-политические эффекты распространения цифровых технологий, процессы «интернетизации» российских политических практик нашли свое отражение в исследованиях Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, А.Ю. Бубнова, А.В. Волковой. Психологические аспекты использования цифровых технологий в политике затрагивались в публикациях Т.В. Евгеньевой, Л.А. Паутовой, А.Л. Зверева, А.В. Селезневой и ряда других авторов.

Они, отмечая изменение характера и технологий современного государственного управления, обосновывают факт, что новые интернет-технологии и социальные сети становятся важным ресурсом политического управления. Интернет-технологии политической коммуникации обладают высоким потенциалом в рамках осуществления политического управления и активно используются в рамках проведения современных политических кампаний различного масштаба. Высокий уровень доверия со стороны пользователей, значительный мобилизационный потенциал для реализации политических оффлайн-проектов позволяют рассматривать коммуникационные интернет-технологии в качестве актуального и эффективного инструмента современной политики [3, с. 177].

Очевидно, что феномен социальных сетей, трансформируя государственное управление, меняет и модель публичной политики. Современное понимание публичной политики и развитие концепции делиберативной (совещательной) демократии лежит в основе идей Ю. Хабермаса, который обосновывал необходимость принятия политических решений, формулировки политической повестки и рассмотрения спорных вопросов, базируясь на общественном мнении. В современных условиях многие интернет-технологии позволяют как раз формировать, артикулировать общественное мнение и оказывать воздействие на многие политические процессы.

Многими отечественными исследователями констатируется факт изменения современного дизайна публичной политики, они отводят в нем

определенную роль именно социальным сетям [4, с. 3], хотя российская публичность многими авторами рассматривается как декларативная. Но практически все они сходятся в том, что в качестве одного из приоритетных направлений государственной публичной политики выделяют построение информационного общества, развитие практики электронного администрирования и построение электронного правительства. Целью данного направления публичной политики является повышение доступности государственных услуг и информации о деятельности органов власти для населения страны [5, с. 158].

Несмотря на то, что большинство исследователей отмечают существенную роль социальных сетей как инструмента современного политического управления и атрибута публичной политики, проблема использования социальных сетей в государственном управлении, как минимум, для решения задачи по формированию позитивного имиджа не является в полной мере исследованной. Создание позитивного имиджа в условиях современной политической интернет-коммуникации, в первую очередь, следует рассматривать как достижение наиболее органичного присутствия власти в интернет-пространстве. Такое присутствие сегодня может быть достигнуто посредством эффективного использования информационно-коммуникационных технологий. И здесь, наряду с так называемыми традиционными информационно-коммуникационными технологиями (интернет-сайтами), важную роль начинают играть новые информационно-коммуникационные технологии — социальные сети [6].

Широкое использование населением социальных сетей заставляет правительство тщательно задумываться о том, каким образом можно извлечь выгоду от их применения в выстраивании взаимоотношений с гражданами, повышая при этом уровень их вовлеченности и участия.

* * *

Западные исследователи отмечают важность присутствия власти в социальных медиа для повышения уровня доверия граждан. Это становится возможным, если правительства используют социальные медиа в качестве активного информационного канала, демонстрируя тем самым, что власть не только следит за действительностью, но и реагирует на нее. Социальные медиа дают возможность государству получить преимущества от их использования за счет креативного и инновационного коммуницирования с гражданами. Данные интернет-ресурсы позволяют государственным органам доносить любые необходимые информационные послания или новости быстрее и эффективнее [7].

Социальные сети предоставляют широкий спектр возможностей для поиска целевой аудитории и взаимодействия на общественное мнение. Они характеризуются динамичностью, оперативностью смены информации, относительной «неформальностью» и удобством пользования. Эти

преимущества, как видится, следует использовать в повседневной работе государственных органов. Так, посредством социальных сетей можно апробировать PR-проекты, транспортировать фрагменты официального сайта, организовать обсуждение проблематики и интересов госструктуры, зондировать общественные настроения, инициировать групповое общение, стыкующееся с действиями и решениями органа власти, внедрять идеи своей организации, создавать устойчивый круг единомышленников государственных интересов, проецировать взгляды и мнения, отражающие элементы государственной политики и т.д. Важно делать это качественно, деликатно и постоянно.

Социальные сети могут быть использованы как в повседневной жизни, так и в период предвыборных кампаний или иных важных политических событий для жизни страны, когда ситуация в обществе может обостряться. Задача государственной власти заключается в том, чтобы активно погружаться в работу с социальными сетями, через них предоставляя публике достоверную информацию о деятельности государственных органов, а также проводя мониторинг состояния общественного мнения.

* * *

Говоря о новых возможностях работы на индивидуальном уровне, нужно исходить из того, что они могут быть использованы в целях противостояния столь распространенному в обществе безразличию и аморальному поведению; формирования нормального мировоззрения у молодежи; воспитания разносторонне развитой, социально ответственной, патриотически настроенной личности, способной противостоять деструктивным влияниям.

С идеологической точки зрения, специалисты, работающие в социальных аккаунтах государственных органов, должны распространять идеологию своего государства: ненавязчиво и систематически доводить до широких категорий граждан нужную общественно-политическую информацию. Такое воздействие обеспечивает и решение многочисленных задач, возникающих в процессе политического управления [8].

В практической плоскости реализация имиджевого потенциала социальных сетей и их грамотное использование в повседневной деятельности могло бы стать эффективным средством управления имиджем государственных органов. В связи с этим общие рекомендации, касающиеся сопровождения страниц в социальных сетях органов государственной власти, можно сформулировать следующим образом:

- расширение присутствия в социальных сетях: создание страниц на самых популярных ресурсах — в «Facebook», «Вконтакте», «Одноклассники», «Instagram»;
- обеспечение наличия на официальных страницах государственных органов ссылок на страницы в социальных сетях;

- перевод «групп государственных органов», созданных в социальных сетях, в разряд «публичных страниц»;
- регламентация правил поведения в группах и на страницах, утвержденных администрацией;
- создание уникального контента для своих страниц (отказ от использования ссылок на отдельные ресурсы, написание полноценных публикаций): освещение важных событий, достижений государственного органа, ведение регулярных рубрик, проведение возможных конкурсов, интересных социально-значимых мероприятий, видео-отчетов с мероприятий, тематических видео и др.;
- разграничение контента в зависимости от вида социальных сетей (состава их целевой аудитории);
- системная публикация новостей;
- увеличение количества фото- и видеоматериалов;
- усиление механизма «обратной связи»: обеспечение обсуждения актуальных тем, возможности направления сообщений государственному органу;
- изменение дизайна страниц на более яркий и привлекательный и др.

При этом, несмотря на значимость социальных сетей и их бесспорный имиджевый потенциал, стоит подчеркнуть, что активное ведение страниц в социальных сетях государственными органами автоматически не решает проблему формирования их позитивного имиджа. Последнее связано не только с системным ведением аккаунтов, но и с использованием уникального и качественного контента для их наполнения, способствующего укреплению положительного образа того или иного государственного органа в сознании граждан.

Активное присутствие власти в социальных медиа влияет на повышение уровня доверия граждан к ней, особенно в том случае, если власть транслирует информацию и пытается выстроить диалог с населением относительно деятельности своих государственных органов, их достижений, общественных проблем и статуса их разрешения.

Однако, в настоящее время федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации не сильно демонстрируют заинтересованность в обеспечении качественным контентом, обратной связи с широкой общественностью и не стремятся активно использовать возможности данных интерактивных средств политической интернет-коммуникации. Удачные примеры такого использования, безусловно, есть, но их трудно назвать общепринятой практикой.

Представленность федеральных органов исполнительной власти в социальных сетях не всегда означает их активность — публикацию новостей и информации не реже, чем раз в три дня. Показатели активности могут быть ниже, чем показатели представленности, так как государственные органы могут иметь аккаунты, но их не вести либо очень редко размещать там информацию (см. таблицы 1–2).

Таблица 1.

Представленность и активность федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (ФОИВ) в социальных сетях, февраль 2018 г.

ФОИВ	Представленность в соцсетях, 2018 г.	Активность в соцсетях, 2018 г.
Министерство юстиции	3 (ВКонтакте, Facebook, Twitter)	0
Министерство транспорта	5 (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter, YouTube)	4
Министерство сельского хозяйства	6 (Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники, YouTube)	5
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций	4 (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter)	2
Министерство здравоохранения	6 (Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Instagram, YouTube)	1

Таблица 2.

Представленность и активность федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации (ФОИВ) в социальных сетях, август 2019 г.

ФОИВ	Представленность в соцсетях, 2019 г.	Активность в соцсетях, 2019 г.
Министерство юстиции	3 (ВКонтакте, Facebook, Twitter)	0
Министерство транспорта	5 (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter, YouTube)	0
Министерство сельского хозяйства	6 (Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники, YouTube)	5
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций	4 (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter)	2
Министерство здравоохранения	6 (Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Instagram, YouTube)	4

По состоянию на 20.08.2019 широко представлены в социальных сетях такие ведомства как Министерство сельского хозяйства (Facebook, Instagram, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники, YouTube), Министерство спорта (Facebook, Instagram, YouTube, ВКонтакте), Министерство просвещения (Facebook, Instagram, ВКонтакте, Одноклассники, YouTube), Министерство здравоохранения (Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, Twitter), Министерство транспорта (Facebook, ВКонтакте, Instagram, Twitter) и др. Следует отметить, что в данных ведомствах ведению социальных сетей уделяется достаточно внимания: везде публикуются новости, в зависимости от типа сети выкладываются публикации разного содержания с учетом целевой аудитории и уместные видео- и фотоматериалы.

Министерство связи и массовых коммуникаций — ведомство, которое, как представляется, должно быть неким показателем представления государственных органов в Интернете, к сожалению, не отличается «образцовостью». Ссылок на социальные сети на официальном сайте ведомства нет. Аккаунты ведутся в Facebook и Twitter. По состоянию на 20.08.2019 в аккаунт Instagram нет доступа (хотя ссылка на странице в Facebook имеется). Отсутствие практики использования социальных сетей демонстрирует Министерство юстиции: ведомство полностью игнорирует ведение своих аккаунтов или страниц в них. Официальных страниц министерства в Facebook и Instagram нет, а ВКонтакте страница Минюста остается заброшенной с 2016 года.

Отдельно отметим ведение социальных сетей Правительством Российской Федерации, которое представлено в ВКонтакте, Twitter, YouTube, притом социальные сети ведутся на качественно высоком уровне. Единственным вопросом остается забытая с 2012 года страница на Facebook. Несмотря на то, что у главы Правительства и некоторых должностных лиц имеются персональные страницы в социальных сетях, представляется, что созданная страница в социальных сетях должна либо вестись, либо удалена.

Проанализировав динамику изменения активности аккаунтов федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации в социальных сетях за полгода, можно прийти к очевидному выводу, что в них интенсивного наращивания активности не наблюдается. Социальные медиа, как современные интернет-технологии, предоставляют стратегическую возможность, которая должна использоваться властью для большего вовлечения граждан, бизнес-структур и общественных организаций в интернет-коммуникацию. Исследователи подчеркивают, что если властные структуры решают быть представленными в социальных медиа, им следует придерживаться нескольких важных правил: они не должны ограничивать себя просто созданием страницы в Facebook или Twitter; им необходимо становиться активными пользователями этих сайтов, снабжая свои аккаунты своевременной регулярной и актуальной информацией [7].

Активное и «качественное» присутствие государственных органов в Интернете посредством социальных сетей обеспечивает защиту национального

сегмента от различных деструктивных «прострелов», а также укреплению доверительного и лояльного отношения населения к власти в процессе формирования ее позитивного имиджа.

Подчеркнем, что социальные сети в виде новых информационно-коммуникационных технологий не просто применимы в процессе имиджевой коммуникации между властью и обществом. Будучи мощным средством политического воздействия, они раскрывают новые возможности работы по формированию образа на индивидуальном уровне, связывая ее с формированием и воспитанием разносторонне развитой, социально ответственной, патриотически настроенной личности, способной самостоятельно противостоять деструктивным влияниям.

Качественная работа органов государственной власти по предоставлению посредством новых медиа правдивой информации о тех или иных событиях, волнующих людей, способствует выработке самостоятельных конструктивных предложений по их решению. Это становится критически важным, исходя из того факта, что населению часто навязывается недостоверная информация, распространяемая через социальные сети и различные блоги политическими акторами, заинтересованными во введении людей в заблуждение и дестабилизации политической власти. Сегодня, в условиях динамичного развития возможностей интернета, именно социальные сети представляются наиболее продуктивными и эффективными для решения задач политического позиционирования, поскольку позволяют реализовать целый ряд важных опций: оперативная обратная связь с населением, многоформатные возможности представления необходимого (иногда идеологического) контента, оценка общественного мнения и формирование лояльности.

Для возможности контроля и противостояния деструктивным политическим силам, распространяющим откровенно лживую информацию о деятельности государственных органов, государственным структурам необходимо наращивать свою активность и присутствие в Интернете за счет грамотного использования своих аккаунтов социальных медиа. Преимущества и особенности социальных сетей также необходимо использовать и в повседневной работе над имиджем органов государственной власти. Так, в социальных сетях можно организовать обсуждение общественной проблематики и интересов граждан, анализировать мнение населения, инициировать групповое общение, соответствующее целям, действиям и решениям органа власти, внедрять идеи государственного органа, аргументировать принимаемые решения, проецировать взгляды и мнения, отражающие элементы государственной политики и пр.

В отношении ведения аккаунтов социальных сетей федеральным органам исполнительной власти весьма важно обеспечивать граждан системной, качественной, адекватной и актуальной информацией, создавать возможности для оперативной обратной связи и учета общественного мнения по актуальным публичным вопросам. Это позволит федеральным органам

исполнительной власти, с одной стороны, соответствовать ожиданиям и уровню восприятия граждан, а с другой, — выполнять важную для себя миссию по легитимации власти: формировать благоприятный образ в глазах населения. Все это в совокупности будет способствовать формированию позитивного имиджа государственной власти, а также реализации целей государственной информационной политики.

Список литературы

1. Володенков С.В. Теория коммуникации Х.А. Инниса и современные информационно-коммуникационные технологии: политологический анализ // Социально–политические науки. 2011. № 1. С. 166–169.
2. Castells M. Toward a Sociology of the Network Society // Contemporary Sociology. 2000. Vol. 29. № 5. P. 693–699.
3. Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: дис. ... д. полит. наук: 23.00.02. М., 2015. 441 с.
4. Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дис. ... д. полит. наук: 23.00.02. М., 2013. 41 с.
5. Косоруков А.А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. М.: МАКС Пресс, 2019. 320 с.
6. Беленкова Л.М. Имидж государственных органов: потенциал информационно-коммуникационных технологий // Управленческое консультирование. СПб., 2017. № 4 (100). С. 199–209.
7. Khasawneh R.T. E-Government and social media sites: the role and impact // World Journal of Computer Application and Technology. 2013. № 1(1). P. 10–17.
8. Володенков С.В., Чулков Д.И. Политические коммуникации как инструмент конструирования современной социально-политической реальности // Русская политология — Russian political science. 2018. № 4 (9). С. 3–8.

ИНТЕРНЕТ-ПРАКТИКИ В ОЦЕНКАХ ВЬЕТНАМСКИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты массового опроса граждан Вьетнама об особенностях их интернет-практик в сфере общения, самообразования, развлечений, поиска информации, создания контента, экономической и политической активности. Отдельным фокусом статьи служит анализ отношения пользователей к онлайн-сетевой информации, свободе слова, конфиденциальности в Интернете, к сетевой цензуре. Определены сходства и различия в оценках интернет-практик пользователей России и Вьетнама. Также представлены результаты анализа влияния социально-демографических характеристик на специфику онлайн-сетевых практик вьетнамцев.

Ключевые слова: интернет-практика, интернет-контент, свобода слова в сети, онлайн-поведение, конфиденциальность онлайн, сетевая цензура, политическая активность онлайн.

INTERNET PRACTICES IN THE ASSESSMENTS OF VIETNAM USERS: RESULTS OF APPLIED SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH

Abstract. The article presents the results of a mass survey of Vietnamese citizens about the features of their Internet practices in communication, self-education, entertainment, information retrieval, content creation, economic and political activity. A separate focus of the article is the analysis of user attitudes towards online network information, freedom of speech, online privacy, and network censorship. The similarities and differences in assessments of Internet practices of users in Russia and Vietnam are determined. Also presented are the results of the analysis of the influence of socio — demographic characteristics on the specifics of online network practices of Vietnamese.

Keywords: Internet practice, Internet content, online freedom of speech, online behavior, online privacy, network censorship, political activity online.

Достаточно длительное развитие интернет-коммуникаций во Вьетнаме (более 20 лет) и интенсивный рост онлайн-аудитории (на январь 2019 года — 64 миллиона пользователей) определяют новые экономические,

политические и культурные особенности развития вьетнамского общества. Эти сферы развития социума в существенной степени обусловлены спецификой поведения пользователей в глобальной сети, интенсивностью применения ими Интернета — сервисов и цифровых коммуникаций для реализации экономических, политических и культурных форм активности. Целью настоящего исследования служит выявление особенностей оценки вьетнамскими пользователями развития различных интернет-практик для установления их роли в трансформации политической, социальной и культурной сфер вьетнамского общества.

Теоретико-методологической основой исследования являются основные положения трудов Д. Белла [1], М. Кастельса [2], Э. Тоффлера [3], раскрывших в теории информационного общества феномен Интернета и его огромную роль в современном обществе; Л. Гроссмана [4], Д. Морриса [5], создавших теорию электронной демократии (прямой демократии); Р. Дэвиса [6], М. Постера [7] и Л. Вебера [8], проанализировавших взаимодействие между интернет-пространством и современным социально-политическим процессом.

Среди российских исследователей можно выделить И.А. Бронникова [9], И.А. Быкова [10], С.В. Володенкова [11], Д. А. Войнова [12], А.В. Кульназарову [13], А.В. Соколова [14], исследовавших политическое участие в киберпространстве, природу и структуру виртуальных сетей и поведение пользователей Интернета. Во Вьетнаме данная тема недостаточно исследована. Исключением являются работы, посвященные кибербезопасности (Нгуен Дык Чиен [15], Чан Дай Куанг [16]) и выражения личности в киберпространстве (Нгуен Тхи Фуонг Чам [17]).

Настоящее исследование основано на методологии и методике кросс-национального анализа интернет-практик, разработанной исследовательской группой под руководством Е.В. Бродовской — лидера российской национальной команды Мирового Интернет Проекта. В авторском анализе также учтены результаты, полученные коллективом Е.В. Бродовской об онлайн-поведении россиян, британцев, шведов, чилийцев, британцев, китайцев, киприотов, отношении национальных интернет-аудиторий к политическим функциям Интернета, кибер-границам свободы и безопасности, необходимости усиления контроля над Интернетом [18–26].

Обоснование и описание методики исследования

Результаты прикладного социально-политического исследования базируются на итогах массового опроса, проведенного в формате анкетирования и позволившем измерить онлайн-поведенческие характеристики вьетнамских пользователей. Опрос проводился в 2017 году с 4248 респондентами, проживающими на территории Вьетнама. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и территории проживания. Результаты опроса были проана-

лизированы посредством программы SPSS Statistics 24.0 с применением корреляционного анализа (по Спирману), осевого и кросс-табуляционного видов анализа. Анализ данных основывался на следующих процедурах:

- дифференцирование вьетнамских респондентов по уровню их образования, возрасту и месту проживания;
- сопряжение переменных, отражающих цели использования Интернета с другими содержательными и социально-демографическими факторами;
- сравнение оценок российскими и вьетнамскими пользователями свободы и безопасности в Глобальной сети с использованием вторичных данных в качестве которых применяются результаты исследований, проведенных коллективом Е.В. Бродовской и ее соавторов «Интернет – аудитория в России: структура, динамика и тенденции развития» [20].

Результаты исследования

Возможности Глобальной сети широко используются гражданами Вьетнама в повседневной деятельности. Результаты авторского исследования показывают, что вьетнамские пользователи регулярно применяют Глобальную сеть для следующих целей: коммуникация (80,3%); самообразование (64,9%); развлечения (64,7%); поиск информации (56,2%); создание, размещение и тиражирование контента (51,4%); осуществление экономических и финансовых практик (9,6%) – (представлены в табл. 1). Также статистические результаты позволяют выделить несколько групп вьетнамцев, наиболее активно использующих Интернет для указанных целей, – это люди, имеющие высшее образование, в возрасте от 18 до 24 лет, а также преимущественно женщины-пользователи.

Таблица 1.

Цели использования Интернета вьетнамскими пользователями в повседневной жизни (%)

Цель использования интернета	Никогда	Иногда	Часто
Коммуникация ¹	1,1	18,6	80,3
Самообразование ²	13,1	21,9	64,9
Развлечение ³	0,7	34,7	64,7

¹ Переменные измерения фактора: проверка почты; отправка/получение мгновенных сообщений; осуществление телефонных звонков.

² Переменные измерения фактора: поиск определения термина/понятия; поиск/проверка информации о конкретном факте; поиск информации, связанной с образованием (расписание занятий, курсы и т.п.); участие в дистанционном обучении на соискание ученой степени/для профессиональной подготовки.

³ Переменные измерения фактора: играет в игры; загружает/слушает музыку; загружает/смотрит видео; посещает социальные сети; просматривает веб-страницы.

Поиск информации ⁴	0,6	43,2	56,2
Создание, размещение контента ⁵	3,6	45	51,4
Экономическая и финансовая практики ⁶	15,1	75	9,6

Граждане Вьетнама также начинают обращать внимание на возможности осуществления политической деятельности, благодаря Интернету. Результаты анализа данных массового опроса (табл. 2) показывают, что для вьетнамских пользователей Глобальная сеть создает большие возможности в понимании деятельности политиков (55,9%), оказании влияния на чиновников (44,6%), осуществлении политических прав и свобод (43,4%), обсуждении действий власти (37,9%). Доминирующими в политической деятельности в интернет-пространстве являются пользователи мужского пола от 45 лет и старше со среднеспециальным образованием.

Таблица 2.

Оценка вьетнамскими пользователями возможностей Интернета в проведении их политической деятельности (%)

Цель использования интернета в политической деятельности	Отрицательно оценить	Затруднились оценить	Положительно оценить
Осуществление политических прав и свобод	27,1	29,5	43,4
Обсуждение действий власти	30,5	31,6	37,9
Понимание действий политиков	20	24,1	55,9
Оказание влияния на политиков	24,7	30,6	44,6

Хотя вьетнамцы активно ищут информацию в Интернете каждый день, только четверть из них (38,2%) доверяют интернет-контенту (рис. 1). Данный

⁴ Переменные измерения фактора: *занимаетесь поиском новостей; занимаетесь поиском информации, связанной с путешествиями; занимаетесь поиском работы; занимаетесь поиском юмористического контента; занимаетесь поиском информации, связанной со здоровьем; поиска информации о продукте/услуге.*

⁵ Переменные измерения фактора: *размещение своих сообщений или комментариев на дискуссионных форумах/площадках; размещение своих сообщений или комментариев в социальных сетях; размещение Вашего собственного контента, который вы создали самостоятельно; размещение ссылок на контент/самого контента, созданного кем-то кроме вас (видео, фото, статьи).*

⁶ Переменные измерения фактора: *совершения онлайн покупок; оплаты счетов; использования сервисов онлайн-банка; онлайн продаж.*

параметр ниже, чем пользовательский рейтинг в России: почти половина российских интернет-пользователей (47,2%) доверяет информации, представленной из Глобальной сети [20, с. 95].

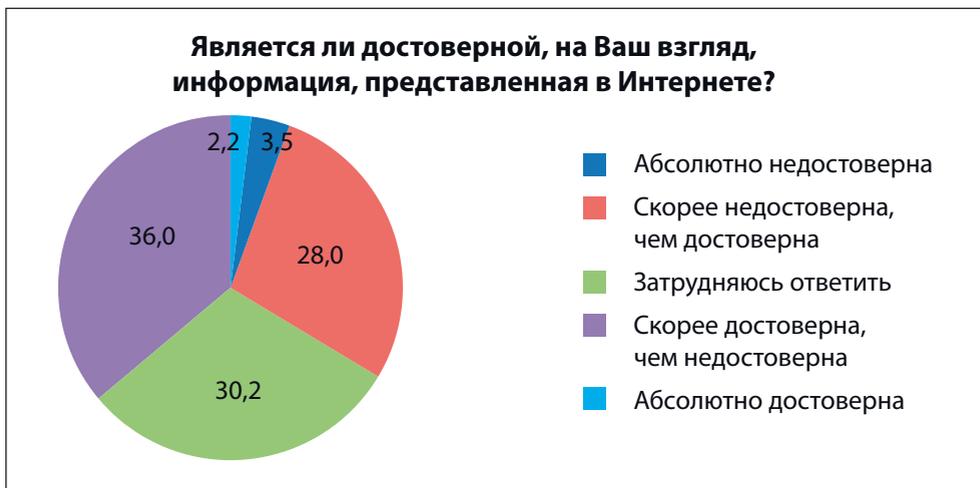

Рис. 1. Отношение пользователей Вьетнама к достоверности интернет-контента (%)

Среди вьетнамцев, доверяющих онлайн-сетевому контенту, преобладают пользователи в возрасте от 45 до 59 лет (53,3%) и имеющие среднее специальное образование (45%). Отношение пользователей во Вьетнаме к информации из цифрового пространства также зависит от статуса их работы, что характерно и для пользователей в России [20, с. 95]. В целом достоверность интернет-материалов позитивно оценивается 41,1 процента вьетнамцев, имеющих статус работающих, в то же время такое положительное восприятие достоверности содержания интернет-контента характеризует лишь 22,7 процента вьетнамских пользователей, не имеющих работу. Это может быть связано с психологическими характеристиками безработных, которые часто демонстрируют негативное отношение к реальности.

В ходе исследования мы выявили существенные корреляционные зависимости (коэффициент корреляции по Спирмену) между степенью доверия вьетнамских пользователей к интернет-контенту и другими переменными, отражающими возможности реализации политической деятельности благодаря интернет-пространству: осуществление политических прав и свобод (0,145**); обсуждение действий власти (0,149**); понимание действий политиков (0,128**); оказание влияния на политиков (0,084**) — таблица 3. Здесь «звездочками» обозначены линейные корреляционные индексы, которые позволяют утверждать, что чем больше вьетнамцы доверяют интернет-контенту, тем активнее они используют возможности глобальной сети в политической деятельности.

Таблица 3.

**Корреляции между степенью доверия к контенту в Интернете
и другими переменными**

Степень доверия к информации интернета	Осуществление политических прав и свобод	Обсуждение действий власти	Понимание действий политиков	Оказание влияния на политиков
<i>Pearson Correlation</i>	0,145**	0,149**	0,128**	0,084**
<i>Sig. (2-tailed)</i>	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>N</i>	4248	4248	4248	4248
** . <i>Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).</i>				

Отношение вьетнамских интернет-пользователей к конфиденциальности персональной информации в интернет-коммуникации показано в таблице 4. Почти половина опрошенных во Вьетнаме выразили удовлетворенность уровнем данного параметра в интернет-пространстве: 32,6 процента респондентов согласились с утверждением: «В Интернете нет абсолютно никакой конфиденциальности, и я это принимаю», в то же время 48 процентов респондентов не согласились с этим высказыванием.

Доли вьетнамских пользователей, выражающих беспокойство о постоянном онлайн-сетевом контроле правительства, интернет-корпораций, и других акторов составляет соответственно: 33,7, 45,5 и 52,5 процента. Другими словами, контроль правительства беспокоит вьетнамских граждан в меньшей степени, в сравнении с обеспокоенностью контролем со стороны интернет-корпораций и других акторов.

Выявлено безразличное отношение вьетнамцев к конфиденциальности в глобальном киберпространстве. Мнение о том, что «Опасения по поводу конфиденциальности в Интернете преувеличены» декларировали 50,7 процента респондентов, позиции «мне нечего прятать» придерживались 37,9 процента пользователей.

Таблица 4.

**Отношение вьетнамских пользователей к конфиденциальности
в Интернете (%)**

Варианты ответов	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен
В Интернете абсолютно нет никакой конфиденциальности, и я это принимаю	48	19,4	32,6
Я обеспокоен (а), что правительство может отслеживать все, что я делаю онлайн	35,1	31,1	33,7

Я обеспокоен (а), что крупные корпорации могут отслеживать все, что я делаю онлайн	28,2	26,3	45,5
Я обеспокоен (а), что посторонние люди могут отслеживать все, что я делаю онлайн	23,9	23,5	52,5
Я активно защищаю мою конфиденциальность онлайн	12,0	23,9	64,1
Опасения по поводу конфиденциальности в Интернете преувеличены	19,5	29,8	50,7
Мне нечего прятать	32,3	29,8	37,9
Мне кажется, что я могу контролировать мою конфиденциальность онлайн	23,1	28,9	48

Интернет-пользователи во Вьетнаме также выразили относительно оптимистичную оценку степени самозащиты своей конфиденциальности в виртуальных сетях: 64,1 процента респондентов заявили, что они активно защищают свою конфиденциальность в Интернете. Можно сказать, что это относительно высокий показатель, который в основном отражает осознание пользователями важности обеспечения собственной конфиденциальности в процессе онлайн-коммуникации: около половины респондентов (48%) подтвердили, что они могут контролировать свою конфиденциальность в Глобальной сети.

Изучение влияния социально-демографических характеристик на отношение вьетнамских пользователей к конфиденциальности в Глобальной сети позволяют утверждать, что граждане Вьетнама в возрасте от 18 до 34 лет, с высоким уровнем образования являются пользователями, которые уверены, что в Интернете нет конфиденциальности, выражают обеспокоенность по поводу нарушения конфиденциальности правительством, интернет-корпорациями и другими организациями. В то же время представители этой социальной группы также высказывают уверенность в обладании навыками защиты своей конфиденциальности в Интернете.

Обращает на себя внимание то, что большинство вьетнамских пользователей чувствуют себя несвободными в интернет-пространстве (таблицы 5 и 6). Четверть вьетнамских пользователей (38,8%) выражает мнение, что в киберпространстве они чувствуют себя по-настоящему свободно и комфортно и могут высказывать позиции о государственной политике. Около трети респондентов (27,3%) солидаризируется с тем, что они действительно свободно и открыто выражают свои мысли о конкретных политиках в цифровой среде. В свою очередь, более трети вьетнамских пользователей (36,3%) убеждены в неограниченном праве граждан выражать экстремистские идеи в Интернете. Такое мнение высказывают 34,1 процента российских пользователей [20,

с. 115]. В то же время 29 процентов вьетнамских онлайн-пользователей поддерживает идею, что в Глобальной сети не следует ограничивать права граждан на критику государственных органов. Это утверждение было одобрено большей половиной цифровых граждан в России (57,8%) [20, с. 109].

Таблица 5.

Отношение вьетнамских пользователей к степени свободы слова в Интернете (%)

Варианты ответов	Не согласен	Затрудняюсь ответить	Согласен
В Интернете люди не должны быть ограничены в своем праве критиковать правительство	40,8	30,2	29
Совершенно нормально позволять людям открыто высказывать свои идеи, даже если они носят экстремистский характер	37,5	26,2	36,3
В целом, я чувствую себя комфортно, открыто высказывая в Интернете все, что я думаю о государственной политике	28	33,2	38,8
В целом, я чувствую себя в безопасности, открыто высказывая в Интернете все, что я думаю о конкретных политиках	35,8	36,9	27,3

Результаты осевого анализа данных свидетельствуют о том, что респондентов, которых спрашивали о свободе слова в Глобальной сети, можно разделить на три относительно равновесные группы: убежденные в существовании свободы слова онлайн — 36,4 процента; заявившие об отсутствии свободы слова в цифровой среде — 31,3 процента; затруднившиеся ответить — 32,3 процента.

Таблица 6.

Типы оценки пользователями степени свободы слова в глобальной сети (%)

Типы	Относительное значение
Нет свободы слова	31,3
Затруднились оценить	32,3
Есть свобода слова	36,4

Степень признания вьетнамцами свободы выражения идей в онлайн-пространстве существенной мере зависит от их социально-демографических характеристик. Статистические данные показывают, что, во-первых, как и в случае с оценкой политических функций Глобальной сети, пользователи-

мужчины превосходят пользователей-женщин в позитивной оценке свободы выражения взглядов в виртуальном пространстве; во-вторых, чем старше пользователи, тем сильнее у них ощущение свободы слова в цифровом мире; в-третьих, пользователи, наиболее активно признающие свободу слова в Интернете, имеют среднее или среднее специальное образование, живут преимущественно на севере страны; в-четвертых, пользователи, которые наиболее активно утверждают, что в Глобальной сети нет свободы слова, находятся в возрасте от 18 до 34 лет и имеют высокий уровень образования.

Необходимо подчеркнуть, что более половины вьетнамских респондентов (57,2%) поддерживают усиление регулирования интернет-коммуникации со стороны государства, таких респондентов почти в 3,4 раза больше тех, кто не нуждается в этом (16,8%) — рисунок 2. Отметим, что в России данный показатель составил 43,9 процента и 27 процентов соответственно [20, с. 112]. Это связано с тем, что интернет-контроль со стороны правительства Вьетнама не так эффективен, как в России.

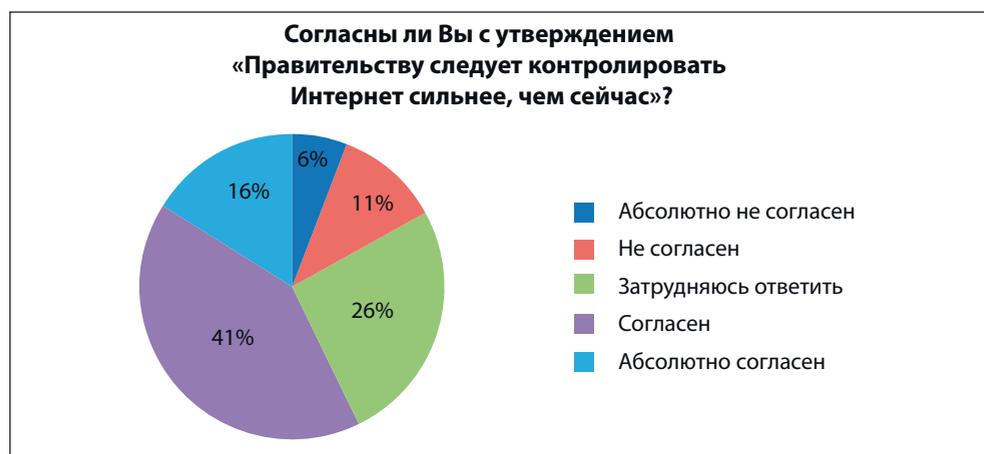

Рис. 2. Отношение вьетнамских пользователей к усилению контроля над Интернетом со стороны Правительства (%)

Пользователи женского пола чаще, чем пользователи-мужчины заявляют о необходимости цензуры интернет-контента со стороны правительства (58,9 и 54,7% соответственно). Как вьетнамские, так и российские молодые пользователи солидаризируются с важностью усиления государственного контроля над онлайн-сетевым пространством (49,7 и 38,4% соответственно) [20, с. 112]. Если в России высокообразованные пользователи наиболее активно выражают мнение о необходимости усилить контроль над Интернетом со стороны государства (45,5%) [20, с. 112], то во Вьетнаме такая позиция характерна для пользователей со среднеспециальным образованием (64,8%).

Одним из важных факторов, влияющих на осознание вьетнамскими пользователями необходимости укрепления контроля государственных

органов над сетевой средой, является низкий уровень оценивания достоверности контента в киберпространстве. Более половины вьетнамской интернет-аудитории (54,6%) не доверяет информации в Интернете и считает, что власти должны усилить кибербезопасность. Среди респондентов таких людей почти в три раза больше, чем тех, кто имеет негативную позицию по данному вопросу (18,8%).

Исследование позволило подтвердить, что, с одной стороны, вьетнамцы в определенной степени дифференцируют природу происхождения контроля над действиями онлайн-пользователей; с другой стороны, как и в России, пользователи во Вьетнаме стремятся следовать формуле: «свобода — для себя, ограничения — для других» [26, с. 38].

Анализ эмпирических данных позволяет сделать и некоторые иные выводы. Для вьетнамских граждан Интернет — это, прежде всего, инструмент коммуникации, самообразования и развлечения. Возможности Глобальной сети для поиска информации и создания контента также привлекают внимание вьетнамских пользователей. В то же время экономическая и финансовая деятельность граждан Вьетнама в Интернете менее интенсивна.

Вьетнамцы также обращают внимание на осуществление политической деятельности в виртуальной среде, применяя возможности интернет-коммуникаций для реализации и расширения гражданских прав в целом и политических прав, в частности. Но чаще стремятся к реализации абстрактных прав (понимания действий политиков и осуществление политических прав и свобод), чем к принятию конкретных мер (обсудить действие правительства и повлиять на деятельность политиков).

Свобода выражения мнений вьетнамскими пользователями в Глобальной сети находится на относительно низком уровне. Вьетнамцы свободнее и комфортнее выражают свои взгляды о государственной политике, чем о конкретных политиках. В отличие от российской интернет-аудитории, больше стремящейся к определенной политической свободе слова в онлайн-пространстве (критика деятельности правительства), представления вьетнамской интернет-аудитории больше фокусируются на возможностях для реализации абстрактной свободы слова (выражение экстремистских идей).

Конфиденциальность в онлайн-пространстве Вьетнама является важной потребностью. Интернет-сообщества выражает обеспокоенность ситуацией, связанной с нарушениями конфиденциальности в цифровой среде.

Россияне в целом доверяют содержанию интернет-контента, тогда как большинство вьетнамцев не уверены в его достоверности. Тем не менее, по сравнению с ними вьетнамские пользователи активно вносят предложения по усилению контроля над киберпространством со стороны правительства. Это требование интернет-сообщества Вьетнама связано со многими факторами, в первую очередь, с низким уровнем доверия вьетнамских граждан к контенту в Интернете, ориентированностью на цифровую безопасность и свободу в виртуальном пространстве.

Социально-демографическими факторами, оказывающими явное влияние на интернет-практики вьетнамских пользователей, являются их возраст и уровень образования. Вьетнамцы, наиболее активно практикующие политическую деятельность в интернет-пространстве, демонстрируют оптимистичное отношение к сетевому контенту, свободе слова в онлайн-пространстве и требуют усиления сетевой цензуры. Но в коммуникации, самообразовании, развлечении, поиске информации, создании контента в киберпространстве, а также в финансовой и экономической онлайн-деятельности преобладают молодые и высокообразованные пользователи.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: Изд-во АСТ, 2002. 557 с.
4. Grossman L.K. The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking Penguin. 1995. 290 p.
5. Morris D. Direct Democracy and the Internet // Loyola of Los Angeles Law Review. 2001. Vol. 34. № 3. P. 1033–1053.
6. Дэвис Р. Сеть политики: влияние Интернета на американскую политическую систему // Актуальные проблемы Европы. Средства массовой информации в современном мире. М.: ИНИОН РАН. 2002. С. 67–72.
7. Poster M. Cyberdemocracy: Internet and the Public Sphere // Internet Culture/ edited by Porter D. 1997. P. 201–217.
8. Weber L.M. Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public / L.M. Weber, A. Loumakis, J. Bergman // Social Science Computer Review. 2003. № 21. P. 26–42.
9. Бронников И.А. Социополитические особенности российской интернет-аудитории // Вестник государственного университета управления. 2013. № 8. С. 14–20.
10. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб. : ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. 200 с.
11. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета, 2015. 272 с.
12. Войнов Д.А. Креативность интернет-коммуникации как способ индивидуального политического участия граждан // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012. № 1. С. 117–126.
13. Кульназарова А.В., Кузьмин А.Е. Модели взаимодействия государства и общества в интернете: анализ российской практики // Политика и общество. 2016. № 11 (143). С. 1492–1498.
14. Соколов А.В. Особенности реализации политического участия в Интернете в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (2). С. 152–157.

15. Нгуен Дык Чиен. Законодательство о сетевой безопасности и основные характеристики закона о сетевой безопасности Социалистической Республики Вьетнам // Закон и право. 2019. № 4. С. 29–33.
16. Trần Đại Quang. Không gian mạng: Tương lai và hành động. Hà Nội: Nhà xuất bản Công an nhân dân, 2018. 208 Tr. (Чан Дай Куанг. Киберпространство: будущее и действие. Ханой: Изд-во Народной полиции, 2018. 208 с.).
17. Nguyễn Thị Phương Châm. Internet: mạng lưới xã hội và sự thể hiện bản sắc. Hà Nội: Nhà xuất bản Khoa học xã hội, 2013. 323 tr. (Нгуен Тхи Фуонг Чам. Интернет: сеть общества и выражение личности. Ханой: Изд-во Общественные науки, 2013. 323 с.).
18. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Стратегии пользования глобальной электронной сетью и национальный менталитет россиян и китайцев: результаты сравнительного кластерного анализа // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. [Электронный ресурс] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15115>.
19. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Профили пользователей интернета и национальный менталитет в России и Швеции: результаты сравнительного кластерного анализа // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (ч. 3). С. 661–664.
20. Бродовская Е.В. Интернет-аудитория в России: структура, динамика и тенденции развития / Е.В. Бродовская, О. В. Дмитриева и др. М.: Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, 2014. 137 с. [Электронный ресурс] Доступ: www.mggu-sh.ru.
21. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Политическая субъектность пользователей социальных сетей в России: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2015. № 2. С. 80–87.
22. Бродовская Е.В., Домбровская А. Ю, Нечаев В. Д. Восприятие россиянами границ свободы и безопасности в Интернет-пространстве (по результатам всероссийских исследований 2012–2014 гг.) // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 4. С. 38–54.
23. Бродовская Е.В., Иванов И.С. Технологические и содержательные характеристики интернет-коммуникации в России (2012 и 2014 гг.) // Известия Тульского гос. ун-та. Серия «Общественные науки». 2015. № 3. С. 80–89.
24. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Иванов И.С. Изменение стратегий онлайн-поведения российской интернет-аудитории: результаты сравнительного кластерного анализа (2012–2014 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 173–187.
25. Домбровская А.Ю., Казаченко С.А. Активное ядро пользователей в России: динамика характеристик стратегии Интернет-поведения // Известия Тульского гос. ун-та. Серия «Общественные науки». 2015. № 3. С. 90–99.
26. Нечаев В. Д., Бродовская Е. В. Политические функции Интернета в восприятии россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3. С. 42–51.

ОТКРЫТИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ЭПОХИ И СТИЛЬ

Аннотация. Статья посвящена эволюции юриспруденции в различных аспектах и контекстах исторического существования права. Общий подход основан на разграничении понятий «образование юриспруденции» и «открытие юриспруденции». Образование юриспруденции протекает в социокультурной логике развития правовых систем, составляя институциональный аспект их становления, формирования и функционирования в структуре образов, вероучений и формально-логических конструкций и определений. В этой части своего содержания проблематика образования науки права входит в предмет историко-генетической юриспруденции или в ее учебной редакции — истории юридической науки. В данном аспекте своего существования юридическая наука рассматривается в качестве института общей правовой реальности, наряду с ее нормативным, процедурным и юридико-техническим измерением. Открытие юриспруденции связано с процессами ее рефлексии на предмет самое себя, изучения различных исторических форм ее когнитивного выражения. Это вопрос, прежде всего, внутренней концептуальной эволюции юридической науки, когда ее содержательные и формальные характеристики являются предметом теоретико-методологической разработки в границах исторической семантики, лексики и аналитической грамматики культурной эпохи. В этой части своего содержания юридическая наука составляет предмет правовой эпистемологии.

Ключевые слова: эволюция юриспруденции, образование юриспруденции, открытие юриспруденции, смена культурно-исторических парадигм, трансформации права и науки права, правовая эпистемология, культурно-историческая юриспруденция, язык юриспруденции, дисциплинарная структура юридической науки.

REVELATION OF JURISPRUDENSE: ERA AND STYLE

Abstract. The article focuses on the evolution of jurisprudence in various aspects and contexts of the historical existence of law. The formation of jurisprudence takes place in the sociocultural logic of the development of legal systems, making up an institutional aspect of their formation, formation and functioning in the structure of images, beliefs and formal-logical structures and definitions. In this part of its content, the problem of education of the science of law is included in the subject of historical-genetic jurisprudence or in its educational edition — the history of legal science. In this aspect of its existence, legal science is regarded as an institution of general legal reality, along with its normative, procedural and legal-technical dimension. The discovery of jurisprudence is connected with

the processes of her reflection on the subject of herself, studying various historical forms of her cognitive expression. This is a question, first of all, of the internal conceptual evolution of legal science, when its meaningful and formal characteristics are the subject of theoretic and methodological development within the boundaries of historical semantics, vocabulary and analytical grammar of the cultural era. In this part of its content, the legal science is the subject of legal epistemology.

Keywords: *evolution of jurisprudence, the education of jurisprudence, opening of jurisprudence, change of cultural and historical paradigms, transformation of law and science of law, legal epistemology, cultural and historical jurisprudence, language of jurisprudence, disciplinary structure of legal science.*

... в нашу эпоху, когда образ предпочитают вещи,
копию — оригиналу,
представление о действительности самой действительности,
а видимость — бытию,
лишь иллюзия обладает реальностью.
Л. Фейербах

1. Исторические эпохи и познавательные практики

Право — явление бытия и сознания, юридической повседневности и мышления; живет своей социокультурой; одновременно контекстуально и конвенционально. Историческая динамика отношений природы и общества, общества и религии, общества и государства, поскольку в них заключены и ими определяется генезис, становление и развитие правовых систем прошлого, настоящего и будущего, составляет предмет науки права. Теоретическая разработка социально и ментально заданных оснований и процессов образования и осмысления права, представленных в разнообразных исторических практиках институционального общения, предполагает наличие адекватного уровню сложности исследуемого явления аналитического языка самой юриспруденции. Понятие права существует в ментальных образах и когнитивных определениях социокультуры. *Различным эпохам в развитии права корреспондируют различные эпохи в понимании права и аналитики науки права, выраженные в образах и представлениях практического и концептуального языка своей социокультуры.* Движение разнообразных культурно-исторических формаций существования и выражения права — систем традиционного, религиозного и позитивного права, включает в себе генеалогию становления и развития юриспруденции, отвечающей ментальным и когнитивным запросам своего исторического места и времени. Эволюция институтов и эволюция знаний об институтах переплетаются в общем процессе соционормативной эволюции наличных право порядков. В этом смысле, социальное общение — одновременно институционально и концептуально; одновременно протекает в системе социальных институтов и переживается и осмысливается в системе культурных концептов. Социальная практика ищет право, а право находит себя в юриспруденции.

Юриспруденция не ограничивается высокой теорией. Она различает низкие и высокие жанры своих повествований о должном. Ее предмет пронизывает все аспекты правовой реальности, входит в состав повседневного общения, отражается в стереотипах поведения и юридического мышления [1; 2; 3; 4; 5; 6], что делает юридическое знание универсальной культурно-исторической формой понимания и ориентации в мире социальных отношений, сосуществования сущего и должного, фактов и ценностей. В структуре юриспруденции ключевое место занимает изучение разнообразных и конкурирующих концепций правовой аргументации, действительности и действенности правовых определений, производных и связанных социокультурным (*внешним*) и концептуальным (*внутренним*) контекстом своей исторической эпохи; в том числе проблематика дифференциации и фрагментации юридических стилей и риторических приемов различных исторических эпох, а также насыщенности юридических текстов культурно-историческими реминисценциями, образами и ожиданиями. И наконец, инкорпорации юридических текстов, языка и аргументации одной исторической эпохи в правосознание и юридические тексты другой исторической эпохи, а также доктринальных и концептуальных границ их заимствований. Траектории возможных содержательных и формальных транзитов и пересечений нормативной семантики и лексики различных культурных эпох можно продолжать до бесконечности.

Развитие юриспруденции подчинено потребностям развития правовых систем, возникающих на пересечении экономических, политических и культурных практик социального общения: Античной истории, Средневекового мира, Нового и Новейшего времени — если следовать стандартной схеме формационных и культурных изменений. Это значит, что одновременно и среды различных форм правового общения, представленных своими юридическими картинками мира, доктринальными и нормативными положениями юридических текстов и обслуживающих их дискурсивных систем вовлечения другого [7] в структуры доминирующих социальных интересов и умонастроений. Юриспруденция — концептуальная часть правовой реальности, образующая наряду с правовыми институтами (*фактами*), правовыми доктринами (*ценностями*) и правовыми традициями (*архетипами*) совокупный механизм ее формирования и воспроизводства. Если правовая доктрина легитимирует социальный порядок, а юриспруденция его концептуализирует, то правовые институты легализуют, делают предсказуемым как в формальном, так и содержательном аспекте социального общения.

Право действует как социокультурная целостность в живой системе взаимодействий правовых идей, норм и ценностей, что составляет феноменологическое основание формирования юриспруденции, а именно, ее категориального и аналитического языка, предметных сдвигов внутри концептуального ядра и периферии, обеспечивающих изменение и восстановление целостности самой дисциплины. В этом аспекте своего бытования

юридическая наука является одной из исторических форм существования юриспруденции как таковой или кодифицированного мнения признанных обществом носителей знания права отдельных исторических эпох, наряду с юридической мифологией и богословием.

Современное состояние развития юридической науки связано с задачей поиска когнитивных (*эпистемических*) оснований формирования самой научной дисциплины, ее предмета и корреспондирующей ему дисциплинарной структуры. Изучение вопроса предполагает широкий социокультурный и междисциплинарный контекст теоретического и практического осмысления исторической динамики движения и трансформации ее аналитического языка, его лексики и нормативной грамматики. Среди разнообразных подходов в исследовании юриспруденции представляет интерес ориентация в изучении и понимании отдельных культурно-исторических формаций юридического знания как результата генеалогического процесса или процесса зарождения и смены эпистемологических матриц юридической науки — ее языка, предмета и дисциплинарной структуры в различных социокультурных контекстах концептуального развития и воспроизводства.

Здесь необходимо небольшое отступление. Проблема в том, что обсуждение вопроса предмета и методов юридической науки в традиционном формате их понимания включает в себя, главным образом, такие тематические рубрики, как учение о праве (понятии права), теория источников и норм права, правоотношений, юридической ответственности, толкования и применения права. Что получает свое классическое отображение и в структуре учебников (теории государства и права, теории права и государства, общей теории или проблемах права). Сама юридическая наука как форма концептуализации права, система юридических представлений и знаний о праве, языке описания и объяснения государственно-правовых явлений, его понятиях и определениях, их достоверности и адекватности, если и составляет предмет научного исследования, то только в элементарном и ограниченном объеме его теоретико-методологической рефлексии. Включение в дисциплинарную структуру правоведения учебного курса «История и методология юридической науки» означает известный сдвиг в конструировании своего предмета, но существенно не меняет общую картину границ его понимания. Безусловно, изучение отдельных подходов и теоретических концепций базовых категорий и понятий права в их исторической последовательности имеет фундаментальное значение в развитии самой юридической науки. Однако, данные темы ни с содержательной, ни с формальной точек зрения не тождественны исследованию концептуальной логики и преемственности в развитии самой юриспруденции как исторической формы юридических знаний. Что не исключает и не снимает необходимости формирования в ее структуре нового предмета, связанного с проблематикой осмысления природы юридического знания и правоформирующей роли юридических доктрин и школ в развитии и кризисах правовых систем прошлого, настоящего и

будущего. Разработка вопросов концептуального статуса самой юриспруденции, то есть ее предмета и дисциплинарной структуры, аналитического языка и инструментария пребывает сегодня практически в первозданном состоянии, несмотря на обилие в отечественном юридическом лексиконе всевозможных слов о методологии, гносеологии, аксиологии права и правовой герменевтике. Аргументация от противного, то есть по поводу того, что в составе правоведения уже разрабатывается проблематика истории политических и правовых учений (предмет доктринальной юриспруденции), имеющая свою собственную историю развития, не закрывает возможность осмысления правовой реальности в рамочных определениях эволюции систем юридических знаний (предмет концептуальной юриспруденции) или практических и теоретических языков ее существования и выражения. Общая грамматика правопорядка имеет формальное и доктринальное, языковое и концептуальное измерения, составляющие в совокупности предмет интегральной юриспруденции или общей методологии и эпистемологии юридической науки.

Возвращаясь к теме, нужно сказать, что историко-генетическая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной составляет, на наш взгляд, то исследовательское направление, которое позволяет одновременно раскрыть и актуальные значения, и метафизические смыслы аналитических конструкций науки права в разнообразных цивилизационных (*дискурсивных*) практиках ее конституирования. Генеалогия правопорядка заключена в языке социокультуры исторической эпохи, его когнитивного стиля. Языки объекта юриспруденции и языки описания объекта юриспруденции не тождественные, но пересекающиеся в своей онтологии и эпистемологии категории. Язык права и язык науки права живут в различных измерениях или контекстах, фактическом и концептуальном. Язык права — это язык нормативных значений и определений. Язык науки права — это язык метафизических смыслов и аналитических определений. Различение и концептуализация разнообразных уровней (эмпирического и теоретического) и форм (фактического и ценностного) юридического знания, его выражения и представления в различных традициях правопонимания, тем более, когда сама юриспруденция выступает предметом аналитической рефлексии, открывает новую исследовательскую перспективу в изучении и права, и науки права. Превращения языка права или юридически означаемого в язык науки права или юридически означающего выдвигает в качестве базовой исследовательской парадигмы правовой реальности в ее институциональном и концептуальном измерении семиотику, поэтику и прагматику юридического концепта действительности, в самом себе заключающего оба конститутивных элемента правовой реальности — правовое поведение и правовое мышление. В этом аспекте своего понимания юридический концепт действительности является интегральным предметом синтетической теории права.

Языки категорий права и языки понятий науки права в их взаимных пересечениях и определениях составляют новое фундаментальное направление юридической науки. Комплексная саморефлексия юриспруденции на предмет самое себя, хотя и имеет уже собственную концептуальную традицию, еще не раскрыла свой исследовательский потенциал. Появление особой дисциплинарной области под общим наименованием «История и методология юридической науки» является весьма значимым фактом в общей системе и практике дифференциации и интеграции юридического знания. В формировании данной формы рефлексии на предмет собственных оснований концептуальной эволюции сохраняются признаки переходности. Основные содержательные элементы дисциплины заключены, главным образом, в аналитические схемы истории политических и правовых учений, что само по себе, безусловно, вполне объяснимо с точки зрения влияния на развитие аналитики теории права и правовой догматики, правовых доктрин. Что не исключает, а предполагает поиск и накопление собственных предметно-понятийных оснований и конструкций юридической науки [8; 9].

Библиография вопроса весьма обширна, но тематически не структурирована, поскольку ее предмет размыт. Главное не заговорить тему, что характерно для отечественной юриспруденции. Любой эпизодический перевод из иностранных источников вызывает лавину мнений, кончающейся ничем, до нового всплеска аналитического энтузиазма. Юридические школы, если таковые имеют место, в основной части комментаторские и вторичные на фоне общемировой юридической мысли и интеллектуальной традиции. Унылые песнопения о праве, установленном государством, как альфе и омеге явления правильного должного в неправильном сущем, продолжают свое шествие в учебных аудиториях высших юридических образовательных учреждений, хотя уже доказано и, более того, очевидно, что право и законодательство — нетождественные юридические категории и явления.

Первое субстанционально по своей внутренней социокультурной и нормативной природе, второе политически мотивированно и конвенционально. Сама по себе связь современного, так называемого позитивного права, и бюрократического государства очевидна, ввиду его технико-юридической сложности и технологичности. Формальная рационализация и процедурность сами по себе представляют ценность, если воплощающее их право выражает действительно юридическое содержание. Границы нормотворчества и правотворчества, хотя и устанавливаются законотворчеством, но не определяются им. Право заключено в своей социокультуре, ментально и когнитивно определяющей формы действительно юридической организации социальных институтов. Это живая и автономная реальность сообщающихся сосудов должного и сущего в их онтологически заданной связи и культурно-исторической обусловленности правосознанием своего исторического времени.

Отечественная юридическая наука постепенно открывает новую для себя область исследований. К сожалению, историография вопроса ограничивается весьма узким форматом теоретико-методологических построений и полученных результатов [10; 11; 12; 13; 14]¹. Метод есть способ мыслить то или иное явление в категориях, представлениях и понятиях той или иной эпохи и той или иной научной дисциплины, то есть на ее концептуальном языке. В этом смысле научная дисциплина является ничем иным как предметным выражением заключенной в ее структуре и языке методологии. Исследование явления включает в себя и исследование научного аналитического инструментария, которым располагает сама дисциплина на той или иной культурно-исторической фазе своей концептуальной эволюции. Эпистемология права — именно та часть юридической науки, которая определяет концептуальные границы понимания, реконструкции и объяснения явления. Расширение или сужение предмета исследования связано с расширением или сужением метода исследования. Изучаемое явление и его эпистема или внутреннее категориально-понятийное ядро в рамочных определениях которого мы можем мыслить явление, — два взаимозависимых (предметное и концептуальное) измерения науки, означаемое и означающее культурно-исторической эпохи.

Каждая культурно-историческая эпоха существования науки права видит в праве только то, что может увидеть исходя из своих базовых представлений о должном порядке отношений. Мифопоэтическая юриспруденция, юридическая теология и формально-догматическая юриспруденция являются ничем иным как способами и стилями осмысления правовой реальности, существующей и представленной в языке и определениях социокультуры своего исторического времени и пространства. Это — концептуальный симбиоз исторически возможных и вариативных квалификаций права, в котором аналитические элементы ядра и периферии меняются местами, оставаясь единицами общей структурной целостности. Миф, вера и логос никуда не уходят, они живут в правосознании эпохи собственной концептуальной жизнью, ожидая каждая своего исторического часа. Иллюстрацией подобного процесса и состояния является марксизм, историческое явление эпохи модерна, одновременно политический миф и религиозное учение, «задрапированное» в понятийную «униформу». Практическое воплощение идеологии политического счастья в коммунистическом исполнении получило свое концептуальное продолжение в марксистско-ленинской теории государства и права, выскочить из доктринальных определений которой не может отечественная юридическая наука до настоящего времени, хотя

¹ Среди монографических исследований особое место занимает работа А.М. Михайлова «Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции» (М., 2016), посвященная вопросам эволюции концептуальных оснований теории права, третий раздел которой охватывает весь ма представительный, исторически, аналитически и предметно аргументированный материал.

итоги ее классово-аналитики — сплошные руины во всем, к чему товарищи приложили свои мыслительные способности.

Моральное поведение права предполагает моральное поведение и в науке права. Вместо концептуальной разработки права имел место и продолжается процесс его индоктринации, но уже в весьма агрессивном либертарном исполнении — ментальной реинкарнации большевизма. Процессы институционализации права требуют его концептуализации на языке гражданской правовой культуры, что ограничивает возможность привязывания ее положений к обслуживанию корпоративных, олигархических интересов под прикрытием государственной заботы об общем благе, свободе, равенстве и справедливости, особенно о последнем измерении правомерности и неправомерности юридических практик. Это не вопрос текущей правовой политики. Это проблема готовности соответствовать признанным социальным, экологическим и правовым стандартам времени. Как же хочется быть тем, чем по определению не являешься. Либертарное правопонимание не на словах, а на деле оказалось тем, о чем в свое время говорил еще К. Маркс, разграничивая понятия «право» и «законодательство». В отечественной практике это право как выражение воли олигархического класса, господствующего в экономике и политике, и чьи интересы обслуживаются государственной бюрократией. Разветвленная сеть теневых институтов включена в организацию разнообразных форм корпоративного влияния на принятие решений законодательной и исполнительной властью, начиная от практики прямого делегирования своих представителей через избирательные процедуры в федеральные и региональные органы государственной власти и проведения консультативных совещаний по ключевым аспектам финансово-экономической политики страны. Основоположник либертарно-юридической версии понимания права и концепции «цивилизма» (имея в виду, разумеется, В.С. Нерсисянца), полагаю, переворачивается там, где мы, каждый в свое отведенное время, будем.

Проблемы теории права — это, прежде всего, формулирование комплекса вопросов, адресатом которых служит сама теория права — *«что есть наука права, а что не есть наука права»*. Отсюда собственно и актуальность темы формирования в общем корпусе юридической науки особой дисциплины, предметом которой является юриспруденция. То есть теория теории права или метатеория. Ее проблематика включает не только и не столько вопросы образования (становления) юриспруденции, а вопросы открытия юриспруденцией самой себя в качестве предмета исследования. Это не только концептуальная история самой юридической науки, а, скорее, осмысление единства и разнообразия форм ее саморефлексии на предмет самое себя, заданных внутренней (*концептуальной*) и внешней (*социокультурной*) логикой эпистемологического развития. Иначе говоря, юридической науке важно знать, на какой фазе эволюции своего предмета и своих аналитических подходов она стала называться наукой, почему она является наукой, когда

она начала осознавать себя таковой, в какой степени и на каких основаниях. Это — вопросы не исторических форм права, а исторических форм юридического мышления, юридической аргументации и истины.

Право и наука права — две ипостаси или два измерения общей правовой реальности, ее концептуальная и институциональная культурно-исторические модальности существования и выражения. В их взаимных отношениях, взаимовлияниях и пересечениях выстраивается собственная конкретно-историческая архитектура отдельных правовых систем, органической частью которых является юридическая наука. Теория права составляет концептуальное ядро юридической науки, интегральной и комплексной научной дисциплины в общей системе социогуманитарного знания. Теоретическая разработка феномена права предполагает теоретическую разработку понятия «право» и теоретическую разработку понятия «наука права». Два исходных положения концептуализации права и науки права требуют методологических разъяснений. Право — сложная — многоэлементная, многосоставная и многоуровневая категория. Право — функция социального, политического, культурного общения, взаимодействия и коммуникации, то есть комплексный, одновременно социальный, политический и социокультурный институт. Отсюда логично вытекает понимание феномена права как комплексного предмета социальной, политической и юридической науки, поскольку в составе суждений о праве органично сосуществуют, наряду с юридическими суждениями, также политические, антропологические и социологические суждения. Из этого собственно и проистекает первая фундаментальная проблема и тема теории права — проблема различения юридического и неюридического измерения или составляющих феномена права, то есть различия юридических и неюридических знаний о праве. Другое положение непосредственно связано с первым. С тем, что не всякое юридическое суждение о праве является теоретическим суждением, возникает и вторая фундаментальная проблема и тема юридической науки — проблема критериев и оснований квалификации теоретических построений в праве, проблема эпистемологии права. С этого и начинается собственно сама теория права и теория ее предмета, методов и структуры.

Феномен права имеет два безусловных модуса существования и выражения: в системе институтов и в системе идей, представлений и концепций. Связь данных проявлений правовой реальности задана онтологически. Влияние институтов на развитие системы юридических знаний (содержание и структуры) и влияние юридических знаний на развитие правовых институтов (содержание и структуры) подтверждается историческим опытом функционирования типологически различных правовых систем. Их предметной эмпирической иллюстрацией являются фазовые состояния классического римского права и его концептуального продолжения классической римской юриспруденции [15; 16; 17; 18]. Превращения или переходы знаниевых форм

выражения и существования права в правовые конструкции и институты образуют ключевую тему юридической науки.

Явление права возникает и обнаруживает себя не только в процессах и системах социальных коммуникаций, их иерархий и сетей. Оно возникает и существует в определениях языка, на котором говорят и рассуждают о явлении, осознают и мыслят явление [19; 20]. Язык, на котором говорят и рассуждают о явлении, уже в самом себе заключает, что мы мыслим, то есть — предмет рассуждения, и как мы мыслим, и значит, метод или логику рассуждения. Еще до того как мы начали концептуально осваивать явление права, границы его существования и определения заданы нормативным языком социокультуры. В этом смысле правовая реальность, которая прячется в явлении — это также функция языка, его лексики (словаря и терминологии) и нормативной грамматики (правил и способов рассуждения). Язык, на котором мы говорим, думаем и рассуждаем о праве, не только отражает юридическую реальность. Он также производит юридическую реальность, поскольку реальность права обнаруживает себя в границах принятого нормативного языка общения и рассуждения о праве.

Реальность права такова, какой язык понимания права в рамках социокультуры его существования. Язык порождает определенный текст. Язык, на котором пишется текст, и правила организации текста или дискурс образуют социокультурное основание права. Правовая реальность есть Текст (или ткань, если заглянуть в этимологию слова) или фундаментальная форма ее устной и письменной манифестации. Устное право и письменное право — две исторические эпохи соционормативной коммуникации, эпохи звуковой юриспруденции и письменной юриспруденции, визуальной юриспруденции (*жестов и действий*) и вербальной юриспруденции (*суждений и понятий*) [21; 22; 23]. Это также две фундаментальные эпохи развития языка права и науки права, эпохи в развитии форм и систем юридического знания, его производства, передачи и сохранения в социокультурной практике и исторической памяти. Смена эпох, это смена гештальта или глубинных ментальных оснований существования социального порядка, влекущих необратимые изменения как в его аксиологии, так и эпистемологии.

Явление права существует и воспроизводит себя в языке своей культуры, ее нормативной грамматики. В юридической науке в позитивистском формате ее развития достаточно полно представлена формально-догматическая версия понимания места и функций юридического языка в его практическом и научном значениях [24; 25]; современное представление о роли языковых манифестаций права развернуто в статье Н.В. Андрианова [26]; глубинные основания языковых определений права изложены в монографии Г.А. Гаджиева [27]; традиция зарубежной литературы вопроса бесконечна; в своей философской интерпретации проблема языковой реальности поставлена еще в трудах Б. Рассела и Л. Витгенштейна; в юридическом аспекте ее понимания конкретизирована Г. Хартом [28].

Соционормативная грамматика формирует и выражает сложный, многоуровневый и многосоставной правопорядок или ансамбль исторически возможных и признанных юридических практик, обеспечивающих организацию социальных отношений. Сегодня мы входим в новую реальность и новую эпоху, время глобальных сетей и глобальных коммуникаций, электронных (цифровых) денег и электронного (цифрового) права, права сетевых сообществ и трансграничных (транснациональных) институтов. Безотносительно к чему бы то ни было, в основании этих процессов лежат социокультурные трансформации в практиках социального общения и системах наличного языка общения и его дискурса. Именно эти составляющие права — юридический язык и юридический дискурс — образуют собственный предмет теории права — феноменологию и эпистемологию права, юриспруденцию социальных иерархий и юриспруденцию социальных сетей.

Эпистемология права и есть общая теория науки права в ее собственном смысле данного понятия, то есть дисциплина, предметом которой является сама теория права в двух ее составляющих — теории предмета теории и теории методов теории. Теория предмета науки права — это теория юридического текста или онтологических (социальных, политических и культурных) оснований права. Теория методов науки права — это теория юридических языков и юридических дискурсов (или категориально-понятийных аппаратов), которыми располагает научная дисциплина определенной исторической эпохи. Прежде чем изучать реальное право, необходимо установить исторические и концептуальные границы языка, на котором говорит право, понимают и рассуждают о праве.

Право и наука права — категории и предмет исторической феноменологии, то есть явления, чье существование протекает в системе координат культурно-исторического времени и пространства [29; 30]. Эволюция права и наука права воспроизводят контовскую социокультурную или цивилизационную схему своего возникновения, становления и развития (Огюст Конт, «Дух позитивной философии», Париж, 1844), включающую первоначальную, переходную и современную стадию институционализации и концептуализации практик соционормативного общения [31; 32; 33; 34]. Различают, соответственно, доправовую, переходную и собственно правовую фазу трансформаций и изменений в составе и структуре систем нормативной организации социальных отношений. Им, в свою очередь, корреспондирует донаучная, переходная и собственно научная фаза развития юридических представлений о праве, то есть различных исторических формаций юридического знания. Обе составляющие общей культурно-исторической эволюции систем социального общения (право и знание права) связаны с процессами фрагментации и интеграции, как форм правового регулирования, так и форм знания права, характеризующих архаическую, энциклопедическую (собрания, компендии, суммы) и теоретическую эпохи существования и выражения универсальной грамматики правопорядка.

Современный процесс концептуализации права связан с параллельными процессами дифференциации и интеграции знаний о праве, включающими такие относительно автономные дисциплинарные области, как философия права, теория права, социология и антропология права со своими предметами, методами, категориями и понятиями, структурой и междисциплинарными связями. Особая дисциплинарная область изучения правовых явлений — сравнительно-историческая эпистемология и семантика, касающиеся сравнения не столько правовых институтов, а отдельных формаций юридических знаний, их концептуальных языков, вырабатываемых в различных культурно-исторических контекстах [35; 36; 37].

2. Культурные матрицы и стили юридического мышления

Аналитический подход к теме основан на представлении о трех модусах институционального и концептуального существования и выражения систем нормативного регулирования — трех культурных техник, форм и моделей понимания, описания и объяснения права, представленных в системах мифологических, религиозных и рационально-логически организованных определений и правоположений. Правовые системы связаны со стилем правового мышления и правопонимания — ментальным, когнитивным и аналитическим измерениями правовой реальности. Понимание природы права и механизмов развития юриспруденции (знаниевых форм права) лежит в основании и развитии правовой эпистемологии или исторических форм концептуализации юриспруденции. Правопонимание является общим когнитивным источником и права, и науки права. В этом смысле правопонимание, порождая юриспруденцию или знаниевую форму права, порождает и систему права или институциональную форму права.

Право и наука права даны в рамочных определениях социокультуры исторической эпохи, то есть понимания и признания того, что́ есть право и что́ не есть право, и понимания и признания того, что́ есть наука права и что́ не есть наука права. Понимание права или метафизика права предшествует догматической разработке права или позитивной юриспруденции. Отсюда вытекают следующие методологические положения. В общей системе определений права философское определение лежит в основании формального определения. Поэтому в общем корпусе юридической науки, в логике ее многосоставного, многоэлементного и многоуровневого предмета различают философию права, историю политических и правовых учений, собственно теорию права (догматическую, аналитическую, синтетическую) и историю и методологию юридической науки. Традиционная дисциплинарная матрица — ее язык и структура, разумеется, сохраняя свое аналитическое значение, может быть открыта или закрыта для дисциплинарных изменений в контексте и границах новых условий ментального и концептуального развития.

Основная эпистемологическая проблема (*тема*) юриспруденции состоит в совмещении в понятии права универсальных и конкретно-исторических определений его содержания и формы, концептуального ядра и периферии. Это предполагает, во-первых, факторный анализ права или анализ изменений под воздействием внешней среды (контекстуальные определения права) и, во-вторых, аксиологический анализ права или анализ изменений базовых правоформирующих и правоопределяющих ценностей (конвенциональные определения права). Поэтому в общем процессе культурно-исторической эволюции права и науки права различают эпоху правовой архаики, модерна и постмодерна или постюриспруденции. В них обнаруживает себя процесс смены культурно-исторических стереотипов поведения (*паттернов*) и культурно-аналитических парадигм (*концептов*).

Общее движение юридических отношений действительности может быть выражено в формуле перехода от иерархии и традиции к сетевым, консенсуальным и конвенциональным техникам в организации правовых систем. Процессы пересечений и переходов от моделей жесткого и мягкого права и наоборот существуют в собственной циклической логике кризисов и восстановления равновесия между должным (*желаемым порядком*) и сущим (*реальным порядком*). *Нечто правильное для одной эпохи и стиля правового мышления превращается в свою противоположность для другой эпохи и стиля правового мышления.* Расширяют ли свое влияние теньевые формы социальных коммуникаций? Просыпаются ли спящие до поры до времени правовые институты, скрывающие кризис, чтобы вернуться историческим вызовом очередной эпохе нового цикла превращений нормативных и концептуальных форм общения и понимания права? Иерархии инкорпорируют социальные сети или социальные сети модифицируют иерархии?

Все повторяется — и завершенное, и незавершенное. Юриспруденция не исключение. Ее будущее заключено в новом прочтении и переосмыслении накопленного аналитического наследия. Развитие права — это также развитие представлений о праве, одной из познавательных форм которых выступает юриспруденция или наука о праве, которая, также как право, является *предметом* научного исследования, и также как право, проходит в своем развитии определенные исторические фазы формирования своего языка понимания и объяснения права. Различные подходы в изучении права представлены в своей ретроспективе мифологической школой права, школой правовой теологии и рационального права. Все три направления концептуальной рефлексии отдельных форм и исторических эпох существования права и науки права связаны и определяются юридическими картинами мира своего времени, его правосознанием. Первоначальная юриспруденция — юриспруденция бесписьменных сообществ. Это юриспруденция звука и жеста, ритуальных практик (танцев и инициаций), юриспруденция знаково-символических форм выражения и репрезентации права. Последующая эволюция правовых систем связана с развитием письменного права и, соответственно, появле-

нием собственных форм рефлексии на предмет понимания и определения права. Энциклопедия права, правоведение, теория права, теория государства и права, общая теория права и государства — все это терминологическое разнообразие наименований форм юридического знания выражает также и разнообразие подходов в понимании и объяснении природы права, а по существу — разнообразие понимания юридической наукой себя на отдельных исторических фазах своей концептуальной эволюции. Так, юриспруденция или квалифицированное мнение практикующих юристов классической эпохи в развитии римского права (в первичном значении данного термина) являет собой персонифицированный формат юридического знания. В эпоху Юстиниана (греко-христианской традиции понимания права) оно обрело кодифицированную форму нормативных суждений, своего рода симбиоз правил и дефиниций (норм-дефиниций в современной редакции). Другой формат юридических знаний — энциклопедии права — в отличие от классической юриспруденции, представляет собой уже доктринальные собрания общепринятых представлений о праве юридических сообществ определенных юридических эпох и школ. Появление в общем корпусе юридической науки таких аналитических форм как теория государства и права и теория права и государства также имеет под собой определенные доктринальные основания и различия языков описания и объяснения государственно-правовых явлений. Все эти и другие разнообразные модусы существования и выражения юридического знания требуют систематического изучения своих содержательных и формальных элементов. Современная эпоха существования и выражения права — постюриспруденция или юриспруденция цифровых форм нормативной организации и регулирования социальных коммуникаций означает постепенный уход с исторической сцены письменного права и замещение его цифровым правом с собственным практическим и теоретическим языком описания и объяснения правовых явлений. На место человека устного и письменного слова идет унифицированное и безликое существо — человек цифры, человек анонимных и деперсонифицированных форм сетевого общения. Ничего личного и приватного, одни «лайки» и отчуждение от себя и другого.

Каждая версия понимания и объяснения права располагает собственным аналитическим инструментарием, который позволяет увидеть в явлении права только те формы существования и выражения правовой реальности, которые лежат и могут быть открыты только в рамках своих подходов и определений. Предмет обсуждения состоит в ответе на далеко не риторический вопрос. А именно, культурно-исторических и концептуальных границ совместимости языков права и языков теорий права в классическом и постклассическом понимании. Познание права включает в себе открытие когнитивного стиля эпохи и критику науки права как выражения этого стиля. Ответить на вопрос, что есть право, означает установить, что не видит в явлении права и почему не может увидеть любая версия понимания

права, тем более, претендующая на концептуальную монополию. Каждая версия говорит на своем языке о праве и живет в рамочных определениях своего предмета.

Культурно-исторически заданная потребность осмысления языка права и науки права, как правило, определяется изменениями и сдвигами в их предметных и когнитивных основаниях. Вместе с тем всегда сохраняется известная инерция и преемственность аналитического инструментария понимания природы права на различных культурно-исторических фазах его развития и концептуального осмысления в рамочных определениях *скользящих* эпистемологических границ [38; 39; 40; 41; 42] (термин заимствован из работы отечественного логика и методолога В.А. Лекторского [43]).

Ни нормативизм, ни либертарный форматы доктринальной юриспруденции, ни реалистическая и коммуникативная школы права не являются носителями истины в последней инстанции. Это всего лишь фрагменты бесконечной в своих репрезентациях, определениях и характеристиках правовой реальности. *Как вещественная архитектура храма является памятником веры, так и концептуальная архитектура юриспруденции является памятником праву, его юридической действительности и действительности.*

Развитие юриспруденции как научной дисциплины самым непосредственным образом привязано к учебно-образовательным программам высших юридических учебных заведений. К сожалению, в учебной литературе минимальное место занимает проблематика становления и развития самой юридической науки в современных трактовках ее сложного предмета и дисциплинарной структуры. Такие категориальные формации юридической науки как юриспруденция норм, юриспруденция ценностей, юриспруденция понятий, аналитическая юриспруденция и другие концептуальные форматы теоретических подходов в понимании природы права практически выпадают из учебных курсов. Учебные программы воспроизводят давно утратившие свое содержательное и аналитическое значение темы. Юридическая наука и образование живут в разных интеллектуальных мирах. В частности, дисциплина, традиционно читаемая в качестве теории государства и права, зачастую имеет весьма ограниченное отношение к современной теории права и теории государства. Нуждаются в строгой концептуализации такие фигуры речи, как классическая или неклассическая юриспруденция, а тем более, влекущий в туманные дали термин «постюриспруденция». Особенно это касается конструкции «современная юриспруденция». Современная в смысле хронологии (времени написания и опубликования бессмертного текста) или современная в смысле аналитических подходов и языка постановки и обсуждения научных проблем? Все эти ограниченно развернутые и незавершенные в своих определениях конструкции как бумеранг возвращаются и в научную, и практическую деятельность будущего, которое не всегда рядом, потому что его может и не быть.

Новые политико-правовые проблемы и процессы требуют новых концептуальных решений и схем изложения материала. Введение в оборот современного юридического языка описания и объяснения государственно-правовых явлений — фундаментальная проблема отечественного правоведения. Переводы зарубежных источников, разумеется, служат важным элементом развития и преподавания дисциплины [44; 45; 46]. Показательный элемент общей работы в этом направлении — перевод под общей редакцией профессора Л.Г. Ионина фундаментального труда Макса Вебера «Хозяйство и общество» в четырех томах, из которых тома «Право» и «Господство» и сегодня сохраняют свое общеобразовательное значение. Однако, сама по себе переводческая активность ни на йоту не снимает необходимости собственного прочтения реалий мира государственно-правовых отношений. Особенно сказывается отсутствие в образовательном процессе специализированных историографий и концептуальных обзоров современной литературы вопроса, тем более в ситуации фрагментации научных и учебных дисциплин юридического профиля. Классические образы подобных текстов представлены западноевропейскими мыслителями [47; 48].

Эволюция права (*институтов*) и науки права (*определений*) — это эволюция исторически выработанной юридической картины мира или системы фундаментальных для данной культуры общения категорий, ценностей и концептов должного или недолжного порядка социальных отношений. Юридическая картина мира — ключевая категория юриспруденции. Это — культурная матрица и категориально-понятийный капитал эпохи, постоянно производимый и расходуемый в исторических практиках социального общения. Это — система базовых метаоснований, ориентаций и траекторий возможных структурных изменений и трансформаций социокультурных координат развития права и науки права, становления и перехода в другую социокультурную и юридическую систему организации, как права, так и систем знаний о праве. В них заключены и ими определяется динамика институциональных и концептуальных изменений наличных правовых систем, границы их сравнимости или несравнимости, совместимости или несовместимости.

Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои культурно-исторические логики трансформации в составе и функциях правовых институтов, в составе и иерархии ценностей, в системе представлений о праве, составе ее категорий, определений и понятий, значениях и смыслах ее языка. Типология форм культурно-исторической эволюции юридических картин мира симметрична уже упомянутой контовской цивилизационной парадигме изменений в системах социальных коммуникаций. Первичная фаза и модус ее существования и выражения — мифологическая или мышление о праве в мифопоэтических образах и ритуальных техниках производства и воспроизводства практик социального общения. Миф — первоначальная форма отображения и санкционирования социальной

реальности, перевода воображаемого в фактическое. Завершенный формат мифопоэтического мышления нашел себя в порождающем фактическую реальность эйдосе (*творящем дискурсе*) платоновской теософии. Архаическую стадию культурно-исторической эволюции юридических картин мира (рефлекторного мышления) сменила религиозно-символическая фаза и модус ее проявления. Вторичная моделирующая правопорядок система мышления о праве, основанная на вере божественное предопределение практик организации власти и управления. Завершающая цикл культурно-исторических трансформаций юридических картин мира — рационально-логическая или фаза понятийного (рефлексивного) мышления о праве, формальная система логически выводимых суждений должного социального порядка. Ее предметное воплощение нашло себя в эмпирико-аналитической модели описания государственно-правовых порядков Аристотеля. Эволюционные и парадигмальные трансформации юридических картин мира получили свое отображение в собственных когнитивных формах нормативного восприятия и аналитического структурирования действительности, организованной в системе ее социальных иерархий и социальных сетей, начиная от первоначальных сообществ и завершая современными обществами на языке Фердинанда Тённиса [49; 50; 51].

Архаические сообщества — ритуальные сообщества медленного циклического времени, населенного духами предков пространства и традиционного права. Сообщества предписанных (*аскриптивных*) нормативных статусов и ролей. Первая знаниевая форма определена жесткой системой мифологических представлений о должном порядке и его источниках. Это проявление органического правосознания первоначальных сообществ и архетипических проекций должного в сущем. Оно включало в себя сакральное знание для посвященных и выражало сложную структуру отношений между бытийным Хаосом и упорядоченным Космосом, эмпирической повседневностью и социоприродной метафизикой. Это первородный язык социального общения, отраженный в ритуальных практиках и институтах передачи новым поколениям — жреческих сообществах [52; 53]. Эволюция юриспруденции в определениях профессионально практикующих юристов, выраженная в комментариях, классификациях и обобщениях правового материала по отдельным правовым категориям и институтам востребовала на определенной фазе своего систематического развития появление учебной юридической литературы. В терминах своей эпохи «Институций», с одной стороны, резюмирующий уровень научно-практического осмысления отдельных аспектов правовой организации и регулирования в их пропедевтическом изложении. А, с другой стороны, отражающих потребность подготовки юристов, осваивающих и владеющих унифицированным языком описания и объяснения правовых ситуаций и событий своего времени [54].

Языки практической и теоретической юриспруденции, языки правовых конструкций (и правил юридической техники) и языки правовых понятий

(и правил их операционализации) определяют и фиксируют институциональные и концептуальные основания и границы общей правовой реальности, ее категориально-понятийные и нормативные ряды и системы, последовательности и сочетания. В этом смысле институциональное прошлое права и концептуальная история науки права, каждая в своей собственной логике существования и воспроизводства, выражают историческую грамматику правопорядка своего места и времени, ее юридический инструментарий и правила организации и функционирования. Традиция юридических школ, прерванная (и это парадокс) именно в эпоху Юстиниана, инициатора универсальной кодификации действующего римского права, была восстановлена уже в средневековой Европе в совершенно ином социально-экономическом и культурном контексте и продолжает быть востребованным элементом развития современных правовых систем [55; 56].

По существу, как в своих истоках, так и современном состоянии своего развития, общий предмет юридической науки связан с выявлением и разработкой институциональных и концептуальных рядов и группировок права, их сочетаний и пересечений, а также парадигматических и синтагматических отношений юридических языков отдельных исторических эпох в их синхроническом и диахроническом измерении. Именно в этой логике постановки вопроса проблема открытия юриспруденции самое себя может найти предметно-историческое воплощение и позволит выскочить из ловушки сложившихся догматических схем понимания и объяснения права [57; 58].

Мир рассеянного, образного и эмпирического знания партикулярных этнических сообществ, живущих магическими представлениями и формами социального общения; юридическое знание живой устной традиции, переживаемой и передаваемой культурными механизмами исторической памяти и основанное на многослойных нарративах творения мира, практических действиях и конечного воздаяния героям культурного пантеона; проявления феномена органической нормативной реальности, творящей воображаемую нормативную реальность. Следующая фаза культурно-исторической и концептуальной эволюции права представлена сложной сетью религиозных определений должного поведения — правовой теологией. Это нормативная система правопорядка обществ вертикального вероучительного правосознания, источника права, основанного на вере в предзаданность всего сущего и не-сущего божественным волеизъявлением.

Религиозное общество — это стратифицированное общество разделенного, вечного и преходящего времени, пространства и права. Его ментальное основание составляет разграничение Земного и Небесного порядков. Отсюда различие божественного и профанного, права боговдохновенного, дарованного и предписанного, права Ветхого и Нового заветов, Коранического права. Это — право и юридическое знание, основанное на принципе изначального дуализма мира духовного и материального; мира дифференцированного учительного знания совершенного небесного порядка как альтернативы

несовершенному земному порядку. Его концептуальная форма — символическое знание, отражающее извечный конфликт видимого и невидимого, мира живых и мертвых, грешников и мучеников веры, мира относительного сущего и абсолютного должного. Исторические репрезентации развернуты в индуистской и иудаистской традиции трансляции знания, определяемого в модальностях чистого или нечистого, правильного или неправильного поведения. Представлены институтами производства истинных знаний и ритуальных предписаний этико-нормативных школ брахманов и учителей Закона [59]. Феномен воображаемой нормативной реальности, творящей фактическую нормативную реальность [60].

На третьей фазе культурной эволюции социальных отношений, порядок которых выстраивается в логике рациональных конструкций правовой реальности, на юридической авансцене царит система сложноорганизованных формальных институтов и определений права. Это правопорядок общества линейного времени, иерархического пространства и сегментированного права. Его концептуальное измерение включает юридическое знание, выраженное в системе понятий, в основании которых лежат дедуктивно и индуктивно выводимые суждения о должном поведении. Это право, основанное на формальных определениях и выводимых из них понятиях господства и подчинения. Мир концентрированного юридического знания, различающего его категориальное ядро и аналитическую периферию. Его концептуальная форма — знание, абстрактное, логически выстроенное и рациональное; классическая форма — правовая догматика и аксиоматика позитивного права как завершенной в себе совокупности принципов, дефиниций и норм; живая высокая форма — правовая герменевтика или юриспруденция скрытого глубинного текста внутри внешнего формального текста, обеспечивающая существование непрерывной культурно-исторической традиции образно-метафорической и понятийной концептуализации права и науки права. Феномен секулярной нормативной реальности — выражение процесса маргинализации священного и божественного в системах социального общения².

Новая эпоха социальных конфигураций — это эпоха манифестации новых форм социального общения — имитации свободы в заданных траекториях сетевого поведения. Время сообществ с неопределенными нормативными границами социальных практик и конкурирующих представлений о долж-

² В другом культурно-историческом (цивилизационном) контексте также имел место процесс смены иератического (священного) языка древнеегипетской письменной традиции демотическим (профанным) языком повседневного общения. Священные, правопорождающие языки и тексты постепенно ушли из исторической памяти и исчезли из обихода, сохраняя себя для торжественных дат и ритуальных практик. Зато скоропись объективно была востребована социальной и культурной практикой. В современном мире смс-сообщения замещают и разрушают классические формы социальной коммуникации. Человек говорящий, а значит, и мыслящий, деградирует на глазах. Останутся одни смайлики, жесты и искусственный интеллект. А затем венец всего сущего — тишина.

ном порядке взаимоотношений с его апостолами и пророками³. Это жизнь социальных сетей, мобильного времени, гетерархического [61] пространства и трансграничного [62] права. Его ментальное основание заключено в идее деконструкции всего сущего и не-сущего, ризомах и симулякрах наличных форм социального общения, ухода от моноиерархий и его права, закрытого для изменений за рамками установленных границ официально-санкционированного правопорядка. Формирование «броуновской» среды обитания и права, размытого в своих концептуальных и нормативных положениях, бросает вызов тому, что еще вчера казалось безусловным и определенным — целеполаганию и рациональному выбору. Феномен текучей нормативности социальных отношений на языке Зигмунта Баумана [63] и социальных трансакций в самих себе заключающих свое собственное право. Его концептуальное отображение — критическая, прежде всего в отношении своего наличного языка и междисциплинарной структуры, юриспруденция.

Очевидно, что регулярное появление критико-аналитических материалов в той или иной области знания выражает, как правило, промежуточный итог систематической, насыщенной проблемно-тематическим содержанием работы самого профессионального научного сообщества с его критическим этосом восприятия результатов собственной деятельности. Особенно это касается юридической науки с ее фрагментированными направлениями исследований государственно-правовых явлений, в которых собственно предметные и методологические основания существуют в единстве определения их содержания и формы. Например, правовая антропология и антропология права, социология права и юридическая социология, политическая юриспруденция и правовая политика. Это тождественные или автономные области юридических исследований? Если автономные, то в чем различия в их собственной аналитике? Глупых вопросов много, умных ответов мало или наоборот. Диалектика познания! Юридическая наука о чем? Видимо, о юридическом. Что такое юридическое? Каким образом социальные факты — социальное отношение, представление и поведение — становятся юридическими фактами — юридическими отношениями, представлениями и поведением. Юридическое заключено внутри социального факта или привносится в социальный факт, оно онтологически дано или феноменологически задано, абсолютно или контекстуально. Где начинаются и кончаются границы юридического отношения и понимания действи-

³ Галерея имен и текстов — Жак Деррида, Жиль Делёз, Жан Бодрийяр, Мишель Фуко в образах библейских пастырей и учителей во сне и наяву. Носители нового критического сознания и стиля мышления, разрушители классических концептов мировосприятия, его мифологии, культуры и языка. Явление из гроба Ф. Кафки, З. Фрейда и Ф. Ницше. Оды революционной радости открытия нового мира и ужаса исполнения пророческих откровений Иоанна Богослова. На самом деле нет ничего нового под луной, ничего не меняется, все возвращается на круги своя. Слова разные — постправо, трансграничное право, надграничное право, жесткое право, мягкое право, а реальность — одна: право либо есть, либо его нет. Дело за немногим, определить, что есть право? Что есть неправо, каждый знает на своем опыте.

тельности и границы предмета собственно юридической науки и границы ее междисциплинарных контактов, пересечений и заимствований? И так далее и тому подобное. Как соотносятся между собой в рамках общей теории права философия и эпистемология права, социология и антропология права? Что делать с формально-догматической юриспруденцией, которая утверждает, что на государственно-организованном «солнце» нет и не может быть темных пятен, если только и нечто возможно, то только легкая рябь перехода от светлого настоящего к еще более светлому будущему? И можно ли данный формат юридической науки считать наукой, если выраженная в нем функция апологии наличного правопорядка снимает проблему и тему его аналитической критики?

Смена исторических эпох — это не только и не столько смена технико-экономических и политико-правовых укладов. Это смена гештальта или глубинных ментальных оснований организации социальных порядков, влекущих необратимые изменения, как в аксиологии переживания смыслов существования, так и эпистемологии их определения в границах языка новой социокультуры. Сегодня на смену человеку слова приходит человек цифры. Системы живых вербальных коммуникаций и персонифицированных форм социального общения замещаются цифровыми конфигурациями присутствия в сетях заданных траекторий и вариантов поведения. Субъект сетевых коммуникаций обладает минимальной степенью свободы выбора формата своего поведения внутри сети. Сеть формирует и форматирует собственную правовую реальность, реальность, в которой существует и воспроизводит себя унифицированный и лишенный права быть самим собой конструкт — дивид, лишенный субъектности. Общество цифровых платформ и технологий — абсолютно несвободное общество [64]. Это конгломераты статистических единиц в своих физических и интеллектуальных проявлениях. Сетевое общество, идущее на смену гражданскому обществу, не живет определениями своего права или рамочными интерпретациями юридической свободы в практиках социального общения. Сетевое право эпохи цифровых технологий не знает субъективного права. Это общество, о котором грезил еще Платон. Новая реальность активно формирует свой словарь, лексику и грамматику, свою аксиологию и эпистемологию абсолютной несвободы.

Эволюция права (институтов) и эволюция представлений о праве (знаний) включены и являются составными элементами общей эволюции правовых систем своего времени и места. Переходы доправовых форм нормативной регуляции к государственно-правовым и донаучных форм юридического мышления к понятийным связаны и определяются фундаментальными сдвигами и трансформациями лежащих в их основании юридических картин мира или фундаментальными для различных исторических эпох формами и представлениями о должном порядке социальных отношений. *Осевое время* (в терминах К. Ясперса) и *смена гештальта* (в терминах О. Шпенглера) продолжают заключать в себе при всей их метафоричности базовые

концепты понимания и определения изменений языков социального общения и языков их описания и объяснения в их исторических практиках и формах манифестации. Институциональная и концептуальная эволюции правовых систем в реальной логике взаимных отношений и пересечений образуют общий предмет юриспруденции — теории и истории производства и разрушения правовых систем в историческом времени и пространстве.

Постскрипtum или введение в генеалогию концептуальных парадигм

Фундаментальная тема юридических исследований новой исторической эпохи или эпохи сетевых сообществ — право и системы знаний о праве быть свободным. Преобразования структур социального общения в контексте смены доминирующих юридических картин мира или правосознаний своей эпохи определяют сегодня нормативные рамки и динамику движения от права социальных иерархий к праву социальных сетей. Исторически выработанные нормативные модели представили разнообразные по своей сложности кодифицированные комплексы сочетаний горизонтальных и вертикальных связей в отдельных сферах социального общения. Выражая различные формы зависимости между участниками социальных отношений, они обеспечивали правопорядок в границах правосознания своей исторической эпохи. В сетевых нормативных моделях нет вертикальных и горизонтальных связей, а только траектории и их пересечения, в узлах которых собственно и протекают процессы юридической самоорганизации взаимных отношений. Подвижные системы нормативной регуляции, сопровождающие процессы социальных коммуникаций в режиме текущего времени, в отличие от статичных систем нормативной регуляции социального поведения трех нормативных исторических традиций — один из возможных вариантов ответа на требования нового времени. Переход от классической эпохи существования представлений о должном порядке отношений в эпоху распада догматического и аксиоматического правосознания в практиках социального общения, его онтологии, аксиологии и эпистемологии к новым знаковым и нормативным формам понимания и общения — сам по себе являющийся в своих собственных определениях и значениях культурно-исторический процесс.

Каждая эпоха развития права и науки права характеризуется собственными предметными и концептуальными основаниями становления и развития своих правовых систем, своими когнитивными стилями и говорит на своем нормативном и аналитическом языке. Что объединяет три высокие традиции существования права и науки права и эпохи перемен? Целостное или разорванное единство образа жизни и образа мысли, норм и представлений о нормах? Традиционное право и его концепты (*мифологемы*), религиозное право и его юридическая теология (*богооткровенные истины*), позитивное право и его понятийная аксиоматика (*аналитика*) — социокультурные формы существования и выражения социальных отношений в правосознании

своего *осевого* времени никуда не уходят, а лишь меняют свою внутреннюю эпистемическую и деонтическую модальность. Генезис юриспруденции, преобразования ее исторической проблематики, языка, знаковых форм выражения юридического знания и дисциплинарной структуры являются общим предметом сравнительно-исторической юриспруденции, совмещающей в себе философию и теорию права, правовую лингвистику, антропологию и психологию.

Образование и открытие юриспруденции, ее институциональная эволюция и трансформации форм юридического знания — комплексная проблема и междисциплинарная тема юридической науки в целом, которая определяет наиболее перспективные направления исследования в области современного социогуманитарного знания. Проблема поиска нового концептуального языка неизбежно требует совмещения традиционных подходов, сохраняющих свой аналитический потенциал, так и междисциплинарного наследия, которое юридическая наука получила, благодаря расширению собственных предметных границ. Отдавая должное куновской модели *парадигмальных переходов* в развитии науки (Томас Кун, «Структура научных революций», 1962); концепции *«полей и практик»* П. Бурдьё, открывшей значение контекстуальных оснований и условий производства знания как культурного капитала своей эпохи; идее аналитического *«ядра и периферии»* в организации и структурировании дисциплинарных систем знаний, юриспруденция должна быть готова к концептуальным и практическим вызовам современности.

Новый предмет и проблема — это разрешение фундаментальных коллизий иерархических и сетевых нормативных порядков социального общения, разрывов преемственности и перехода от знания санкционированного и аксиоматического к знанию конвенциональному и критическому. Извечная дилемма — право для всех или для избранных, знание о праве для всех или для избранных — обретает свою новую историческую форму — собрания конкурирующих за доминирование сетевых иерархий и легитимирующих их представлений. Мы еще не знаем всех последствий явления новой концептуальной и нормативной реальности [65]. Этот симбиоз подвижных форм социального общения и понимания открывает или закрывает будущее? Это не столько вопрос соотношения «жесткого» и «мягкого» права, а формирования новых форм юридической организации социальных отношений, их институционализации и позитивации.

Очевидно и другое. Эволюции *форм юридического мышления* или юридических картин мира (переживания, восприятия, понимания и отношения к праву), *форм нормативной регуляции* (или модусов, стереотипов и стандартов поведения) и *языков рассуждения* о правовых явлениях (или аналитического инструментария) образуют три взаимозависимых измерения и уровня правовой реальности своего исторического времени. Юриспруденция как таковая остается фундаментальной когнитивной формой осмысления и

репрезентации правопорядков любой эпохи, являясь органической частью их социокультур и правовых систем. Юридическая наука в своей понятийной, логически выстроенной системе представлений о праве — всего лишь одна из возможных концептуальных комбинаций культурно-исторического процесса осознания права, изучения и понимания его метафизических смыслов и текущих, инструментальных значений.

Бесконечное разнообразие знаково-репрезентативных форм юридического знания, разрывы и преемственности в развитии способов институционального общения, языков описания и объяснения права, их парадигматике и синтагматике, составляют собственный предмет семиотически ориентированной культурно-исторической юриспруденции. Проблема в том, что обозначаемое (*предмет*), обозначающее (*дискурс*) и обозначенное (*концепт*) непрерывно меняются знаковыми местами, замещают, выражают и переопределяют друг друга. Комбинации слов превращаются в комбинации значений только в живой практике (прагматике) развития своего предмета и методов, которые также не существуют сами по себе. Прежде чем изучать явление, надо найти его предмет в рамочных определениях контекста и метатекста собственных категорий его существования и изучения [66]. Разработка теории предмета и корреспондирующих ему методов имеет место также только в системе междисциплинарных связей и отношений юриспруденции наличной исторической эпохи и стиля ее этнического и языкового мышления.

Все возвращается на круги своя. Вечно зелено не только древо жизни, но также и древо познания, о чем говорили в свое непреходящее время еще библейские тексты. Мифопоэтическая, религиозная и понятийная формы осмысления действительности живут собственной жизнью, выражая и опредмечивая себя в различных исторических практиках концептуального и институционального развития. В общей социокультурной динамике их взаимных отношений и переходов непрерывно протекают процессы переносов и изменений эпистемических и деонтических статусов и значений в совместно вырабатываемых формах социального общения. Исторические трансформации в составе и структуре ядра и периферии социокультурной регуляции [27] периодически, синхронно или асинхронно, симметрично или ассиметрично меняя нормативные роли и позиции ее базовых элементов, — идей, норм и ценностей, сохраняют или разрушают, расширяют или сужают когнитивные и мировоззренческие основания или *этнос* человеческого, а значит, и юридического существования.

Мифология и теология, переплетения воображаемого и реального, фактического и символического — изначальные и первичные способы концептуализации социальных отношений. Это — проявления коллективного сознания, в котором получают свое ментальное выражение формы и механизмы юридического восприятия действительности и воздействия на глубинные процессы социальной интеграции и дезинтеграции, лежащие в основании текущих и повседневных практик и представлений о должном

правопорядке. Социокультурные матрицы любой исторической эпохи в своем генезисе уже заключают в себе разнообразные и конкурирующие форматы и тенденции юридического понимания и организации социальных отношений. Доминирование одних нормативных моделей в общей системе социальной регуляции над другими вариативно. Смена юридических картин мира не меняет конститутивной роли самих идей, норм и ценностей в их универсальной способности, функционально изменяясь, оставаться ключевыми элементами общей структуры нормативной регуляции.

Миф, вера и ритуал — объяснительные схемы и модели поведения, вечные спутники человека, феноменологически заданные формы его социального бытования (социализации и понимания, адаптации и мобилизации) и вечные объекты изучения юридической науки. Сегодня они выступают фундаментальными альтернативами всеобъемлющей рационализации как права, так и науки права, которые в своей действительности заключают самые разнообразные и конкурирующие смыслы и значения. Чтобы их увидеть и понять, следует критически осмыслить привычные стандарты квалификации знания как логически верифицируемого набора определений. Явление права живет и в образах, и понятиях юридических картин мира каждой исторической эпохи выражения и понимания права. Аналитические языки антропологии, герменевтики и эпистемологии права составляют сегодня ключевые подходы и направления теоретико-методологической рефлексии на предмет, что право делает правом, а юридическую науку наукой. Описать и объяснить состояние и перспективы развития современного правоведения с учетом различных дисциплин и подходов (историко-генетического, сравнительного, контекстуального) в логике субсидиарности их аналитических языков — первоочередная задача и тема новой юриспруденции.

Список литературы

1. Беляев М.А. Постсоветское юридическое мышление и его субъект // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. С. 4–71.
2. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 38–49.
3. Леви Э.Х. Введение в правовое мышление. М., 1995. 115 с.
4. Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. 321 с.
5. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886. 103 с.
6. Савиньи Ф.К. фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина, под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. I. М., 2011. С. 128–207.
7. Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб., 2001. 417 с.

8. Касаткин С.Н. Юриспруденция и словоупотребление. Проект юридической догматики // Юриспруденция в поисках идентичности. Сб. статей, переводов, рефератов. Самара. 2010. С. 10–25.
9. Лапаева В.В. Российская юриспруденция в поисках нового типа правовопонимания // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. М., 2006. С. 53–61.
10. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998. 288 с.
11. Азаркин Н.М. Всеобщая история юриспруденции. М., 2003. 608 с.
12. Юриспруденция XXI века: горизонты развития. СПб., 2006. 657 с.
13. История юридических наук в России: Сб. статей / под ред. проф. О.Е. Кутафина. М., 2009. 503 с.
14. Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. 296 с.
15. Иеринг Р. Дух римского права на различных этапах его развития // Избранные труды. В 2 т. Т. II. СПб., 2006. С. 21–26.
16. Гримм Д.Д. Курс римского права. Учение об основных правовых понятиях. СПб., 1904. 178 с.
17. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. 560 с.
18. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. 159 с.
19. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. 123 с.
20. Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. 247 с.
21. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2010. 550 с.
22. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015. 640 с.
23. Де Гроот Г.Р. Язык и право // Ежегодник сравнительного правоведения. М.: Норма, 2003. С. 34–41.
24. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
25. Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. 688 с.
26. Андрианов Н.В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права. СПб., 2016. С. 509–560.
27. Гаджиев Г.А. Онтология права. М., 2013. 320 с.
28. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М., 2017. 480 с.
29. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. 1055 с.
30. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. 407 с.
31. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. 455 с.
32. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М., 2016. 420 с.
33. Болдуин Р. Великая конвергенция. Информационные технологии и новая глобализация. М., 2018. 416 с.
34. Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М., 2020. 504 с.
35. Игнацио Ф.Д. О своевременности перевода Дигест с точки зрения культуры // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 43–48.

36. Кофанов Л.Л., Суханов Е.А. О значении русского перевода Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 9–19.
37. Гарсиа Гарридо М.Х. Испанские переводы Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана. Том 8. Статьи и указатели / Отв. ред. Кофанов Л.Л. М., 2006. С. 20–27.
38. Касавин И.Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. 437 с.
39. Кленнер Г. От права природы к природе права. М., 1988. 319 с.
40. Хофельд У.Н. Основные юридические понятия. СПб., 2016. 326 с.
41. Кауфман А. Философия права, теория права, правовая догматика // Государство и право. 2019. № 5. С. 18–29.
42. Уакс Р. Философия права. Краткое введение. М., 2020. 176 с.
43. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.
44. Бурдые П. О государстве. М., 2017. 720 с.
45. Фукуяма Ф. Государственный порядок. М., 2015. 688 с.
46. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. 504 с.
47. Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015. 240 с.
48. Ваарденбург Ж. Религия и религии: Систематическое введение в религиоведение. СПб., 2016. 216 с.
49. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия и истоки социологии. СПб., 2002. 452 с.
50. Хайек Ф. Заметки об эволюции систем правил поведения // Собрание сочинений. Рынок и другие порядки. М., Челябинск. Том 15. 2020. С. 364–383.
51. Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. 288 с.
52. Кофанов Л.Л. Lex и Jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М., 2006. 574 с.
53. Сидорович О.В. Жреческая традиция в Древнем Риме. Культ, ритуал, история. М., 2018. 278 с.
54. Дождев Д.В. Система «Институций» // Институции Гая. М., 2020. С. 353–382.
55. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. М., 2012. 496 с.
56. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008. 344 с.
57. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
58. Берг Л.Н. Правовое воздействие: инструментальный аспект. Екатеринбург, 2019.
59. Зильберман Д. К пониманию культурной традиции. М., 2015. 624 с.
60. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община античного мира. М., 2019. 448 с.
61. Красавин И. Техне. Сборка сообщества. М.- Екатеринбург, 2013. 595 с.
62. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. Сб. статей. М., 2016. С. 30–71.

63. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. 240 с.
64. Срничек Н. Капитализм платформ. М., 2018. 128 с.
65. Катерный И.В. Трансмобильность и нормативный морфогенез в условиях постгуманизированного общества: Как все еще возможен социальный порядок? //Нормы и мораль в социологической теории. От классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 91–134.
66. Айзенштадт С.Н. Культура, религия и развитие в Североамериканской и Latinoамериканской цивилизациях // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

***Аннотация.** Опираясь на общую теорию юридического процесса, в статье исследуются правовая природа и специфика избирательного процесса как одного из видов юридического процесса, его соотношение с понятием «избирательная кампания». Раскрывается роль принципов, на которых зиждется избирательный процесс, рассматривается его стадийное структурирование. Особое внимание уделяется движущим силам процесса — его субъектам и их характеристике. Затрагивается актуальная проблема кодификации материальных и процессуальных норм разросшегося избирательного законодательства Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** юридический процесс, избирательный процесс, принципы избирательного процесса, субъекты избирательного процесса, стадии избирательного процесса, избирательная кампания, кодификация избирательного законодательства.*

ELECTORAL PROCESS AS A TYPE OF LEGAL PROCESS: THEORETICAL PROBLEMS OF FORMATION

***Abstract.** Based on the general theory of the legal process, the article explores the legal nature and specifics of the electoral process as a type of legal process, its relationship with the concept of the election campaign. The role of the principles on which the electoral process is based is revealed, its stage structuring is considered. Particular attention is paid to the driving forces of the process, its subjects and their characteristic.. The current problem of codification of material and procedural norms of the expanded electoral legislation of the Russian Federation is being addressed.*

***Keywords:** legal process, electoral process, principles of the electoral process, stages of the electoral process, subjects of the electoral process, election campaign, codification of the electoral legislation.*

Действующие в России выборные органы государственной и муниципальной власти формируются в процессе развернутого во времени и в пространстве избирательных действий и процедур, совершаемых многочисленными субъектами избирательного права в порядке и сроки, определенные законом — если сказать иначе, то в результате избирательного процесса. Движущей силой, фигурально выражаясь, локомотивом данного процесса

являются его участники — субъекты избирательного права, которые, двигаясь поэтапно и стадийно, достигают конечной цели — избрания депутатского состава представительных органов государственной и муниципальной власти либо предусмотренных законом должностных лиц.

Таким образом, избирательный процесс представляет собой юридическую и организационно-технологическую форму реализации материального избирательного права, субъективных прав и обязанностей его участников, выступает центральным и всеобъемлющим институтом избирательного права и электоральных отношений в целом.

Заметим, что термин «избирательный процесс» пока еще не вошел в обширный понятийный ряд базового (рамочного) Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее — Закон об основных гарантиях), а равно и в законы субъектов Федерации, регламентирующие избирательные права граждан и других субъектов права, а также выборы в органы государственной власти и местного самоуправления. В известной мере его заменяет термин «избирательная кампания», понимаемая, как предписывает Закон об основных гарантиях, в качестве деятельности «по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов» (п. 19 ст. 2).

Обозревая появление в законодательстве понятия «избирательная кампания» и его трактовку, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в первоначальной редакции Закона об основных гарантиях (1994 г.) этот термин вообще отсутствовал, а в обновленном и расширенном его варианте 1997 года избирательная кампания определялась только как период времени, в рамках которого проводятся выборы (абзац 9, ст. 2 ФЗ № 124 от 19 сентября 1997 года). И только в действующем варианте этого закона 2002 года понятие «избирательная кампания» дополняется новой составляющей — деятельностью по подготовке и проведению выборов.

Однако и модернизированный вариант понятия «избирательная кампания» не отражает всего богатства содержания термина «избирательный процесс», а потому, по нашему убеждению, не может заменить его в полном объеме, хотя эти термины имеют некоторое сходство. Поэтому организаторами и участниками выборов в обиходе используются оба термина для обозначения действий и процедур, осуществляемых субъектами права в период выборов. Тем не менее следует согласиться с высказанным в лите-

¹ СЗ РФ. — 2002. — № 24. — Ст. 2253.

ратуре мнением о том, что термин «избирательный процесс» «юридически и этимологически точнее выражает характер действий и процедур, осуществляемых участниками избирательных правоотношений в ходе подготовки и проведения выборов, определения их результатов, чем термин «избирательная кампания» [1]. Подтверждением этого является, в частности, тот факт, что для обозначения всего комплекса избирательных действий и процедур, осуществляемых в период выборов, в политико-правовой литературе широко применяется именно термин «избирательный процесс». В этом плане считаем также уместным заметить и то обстоятельство, что в составе Аппарата ЦИК России образовано и действует Управление по вопросам организации избирательного процесса. Названные аргументы позволяют поддержать высказанную в научной литературе предложение о необходимости законодательного закрепления понятия «избирательный процесс» [2, с. 152–153; 1, с. 132] для обозначения совокупности юридических действий и процедур осуществляемых субъектами избирательного права в период кампании по выборам органов государственной и муниципальной власти, их должностных лиц.

Избирательный процесс — один из видов юридического процесса. Поэтому исследование сущности и особенностей избирательного процесса считаем необходимым начать с появления и развития теории юридического процесса как общеправовой категории, поскольку именно на ней базируются все виды действующих в правовом поле юридических процессов.

Изначально в том или ином виде функционировали уголовный и гражданский процессы как составные части так называемого судебного права. Поэтому в течении столетий юридический процесс трактовался узко, только в рамках судебной ветви власти как уголовный и гражданский процессы. Даже на исходе XX века известный ученый-юрист, специалист по уголовному процессу М.С. Строгович утверждал: «...процессуальное право — это судебное процессуальное право, юридический процесс — это судебный процесс, судопроизводство» [3, с. 28].

Но уже во второй половине XX века на основе теоретических разработок и практики законодательства юридический процесс развивался и в ширь, и в глубь. Так, с развитием законодательства об административной ответственности и принятием Кодекса РСФСР об административных правонарушениях начал складываться и административный юридический процесс в рамках органов исполнительной и судебной власти. Параллельно совершенствовался и арбитражный судебный процесс как разновидность юридического процесса. Его развитие стимулировало принятие Арбитражных процессуальных кодексов 1995 и 2002 годов.

По мере активизации деятельности законодательных и исполнительных органов государства, расширения их правотворческой и правоприменительной деятельности, теоретического осмысления указанных процессов правовой наукой постепенно складывалась расширенная концепция юри-

дического процесса, охватывающая не только правосудие, но и другие виды государственной деятельности и прежде всего юрисдикционную работу многочисленных представительных и исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Данное направление юридической науки нашло отражение в исследованиях В.А. Баландина, И.А. Галагана, В.М. Горшенева, В.О. Лучина, П.Е. Недбайло, А.А. Павлушина, И.В. Панова, И.Н. Полянского, В.Н. Протасова, Ю.А. Тихомирова, а в последние годы О.В. Дамаскина, Е.В. Корчиги, М.В. Масловской и других ученых-юристов, специализирующихся в области теории права, конституционного и избирательного права, государственного управления.

Наиболее глубокую разработку процессуальное право и, в частности, теория юридического процесса получили в трудах профессора Ю.А. Тихомирова. Анализируя различные виды юридического процесса, призванные обеспечивать реализацию материальных правовых норм различных отраслей права, автор пришел к далеко идущему выводу о необходимости и целесообразности общей системы процессуального права, ибо современное процессуальное право не признается как структурированное целое [4, с. 369–379]. Ученый считает, что «острая потребность в обеспечении действия закона, всех его норм и особенно судебной защиты требует мощного развития юридического процесса и его видов, опосредствующих их процессуальных норм и, наконец, формирования процессуального права» [4, с. 370].

Расширение сферы применения юридического процесса, распространение его на регламентацию деятельности органов государственного и муниципального управления имело прогрессивное значение и оказало влияние на упорядочение юрисдикционной деятельности широкого круга органов публичной власти. Оно объективно стимулировало издание ряда законов и других нормативно-правовых актов, определяющих порядок реализации материальных правовых норм, ранее не применявшихся из-за отсутствия процессуального порядка их реализации. Ярким примером такого ряда процессуальных актов явились союзный и республиканские законы об отзыве депутатов Советов различных уровней, а также законы о референдумах, принятые в СССР и РСФСР в начале и середине 90-х годов XX века. Эти акты процессуального содержания обеспечили процесс отзыва из органов государственной власти депутатов, не оправдавших доверия избирателей, стимулировали практическое применение институтов непосредственной (прямой) демократии.

Широкая трактовка института юридического процесса послужила теоретической основой и для принятия законов и подзаконных актов, устанавливающих порядок деятельности законодательных, исполнительных органов государственной власти, конституционных (уставных) судов. Речь идет об обширных регламентах, определяющих порядок работы палат Федерального Собрания, Правительства Российской Федерации, вышеназванных судов — новых институтов российской государственности.

С учреждением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации как постоянно действующего федерального государственного органа был принят Регламент², определяющий порядок ее деятельности.

В январе 2005 года Правительством Российской Федерации были утверждены Типовой регламент взаимодействия федеральных органов исполнительной власти³, Типовой регламент внутренней организации федеральных органов исполнительной власти⁴ и некоторые другие акты процессуального характера.

В соответствии с постановлениями Правительства и концепцией административной реформы разработка и принятие индивидуальных регламентов министерств и ведомств стали ведущим направлением административной реформы [5, с. 147]. Концепция административной реформы, одобренная Правительством Российской Федерации 25 октября 2005 года⁵, предусматривала разработку 410 административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг. В результате деятельности по проведению административной реформы число предполагаемых к разработке административных регламентов органов исполнительной власти превысило 500 [5, с. 165].

В настоящее время в федеральных законодательных и исполнительных органах продолжается масштабная работа по созданию правовых основ процедуры их деятельности в виде регламентов и других правовых нормативных актов процессуального характера. Нормирование административных процедур получает все большее развитие на уровне субъектов Российской Федерации и даже муниципальных образований, осуществляемое за счет соответствующих бюджетов.

В последние годы многое сделано по упорядочению процессуальной деятельности органов административной юстиции. Первоначально предлагалось создание отдельной системы административных судов. В недрах Верховного Суда был разработан и внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении проект Федерального конституционного закона «О федеральных административных судах в Российской Федерации». Однако в связи с отрицательным заключением Правительства дальнейшее движение законопроекта было приостановлено. Практика пошла по пути учреждения специализированных судебных коллегий по административным делам в составе Верховного Суда Российской Федерации, а равно и в составе верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов. В составе Верховного Суда России

² Первый вариант Регламента ЦИК России был утвержден постановлением ЦИК России 28 июня 1995 г. № 7/46-П. В последующем в него многократно вносились изменения и дополнения.

³ СЗ РФ. 2005. № 4. Ст. 305.

⁴ СЗ РФ. 2005. № 31. Ст. 3233.

⁵ СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.

была образована также Дисциплинарная коллегия, которая рассматривает дела, вытекающие из административных правоотношений и связанные с жалобами судей на решения Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации.

Наиболее значительной мерой, направленной на упорядочение административной юстиции в стране, стала разработка и принятие в 2015 году Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁶. В этом обширном комплексном законодательном акте произведено детальное регулирование как общих вопросов административного судопроизводства, так и особенностей производства по отдельным категориям административных дел, в том числе и производства по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации.

Таким образом, правовое регулирование порядка деятельности различных государственных и муниципальных органов, получившее практическое воплощение в законах и других правовых актах процессуального характера и в соответствующих видах юридического процесса, стало заметным явлением правовой жизни последних лет и в связи с проведением административной реформы получает все большее развитие.

Обращаясь непосредственно к выявлению характерных признаков юридического процесса, следует подчеркнуть такую его особенность: каждый вид юридического процесса, вне зависимости от того в какой сфере он происходит, имеет сходные черты и осуществляется с соблюдением общих демократических принципов, закрепленных в Конституции либо в соответствующем процессуальном законодательстве. Именно это обстоятельство позволяет характеризовать юридический процесс как общеправовую категорию, подчиняющуюся общим закономерностям, представляющим некое процессуальное единство. Вместе с тем любой отдельный его вид имеет свои особенности как по уровню правового регулирования, так и по субъектам-участникам процесса и, наконец, по органам, осуществляющим юрисдикционную деятельность, подчеркивающие специфику данного вида юридического процесса. Например, уголовный, гражданский, арбитражный судебные процессы традиционно весьма детально регламентированы в соответствующих процессуальных кодексах и характеризуются специфическими принципами судопроизводства. С принятием Кодекса Российской Федерации об административном судопроизводстве ныне достаточно подробно урегулирован и процесс по административным делам. В то же время отдельные виды юридических процессов — законодательный, избирательный, бюджетный, налоговый и другие юрисдикционные процессы, осуществляемые в иных отраслях управления, регламентированы лишь в общих чертах. Однако активное административно-процессуальное правот-

⁶ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

ворчество последних лет заметно упорядочило управленческие процессы в органах исполнительной власти.

В научной литературе исследованы характерные признаки юридического процесса как общеправовой категории. Среди них учеными выделяются следующие признаки [6, с. 28–29; 1, с. 17]:

специфическая государственная деятельность, направленная на реализацию материальных правовых норм;

регламентированность процессуальными правовыми нормами;

наличие субъектов права, в том числе хотя бы одного, обладающего государственно-властными полномочиями по ведению соответствующего процесса;

стадийность процесса, наличие этапов, их временных рамок и промежуточных и окончательных результатов;

процедурность в рамках определенных стадий процесса, состоящая из последовательно совершаемых субъектами права процессуальных действий;

фиксированность промежуточных (стадийных) и окончательных результатов процесса в правовых актах, принимаемых компетентными субъектами-участниками процесса;

обеспечение исполнения государственной воли, выраженной в актах, принятых участниками процесса и другими компетентными органами.

В структурном отношении юридический процесс подразделяется на определенные стадии (этапы) и многочисленные правовые процедуры, совершаемые участниками процесса в рамках его отдельных стадий. Иначе говоря юридический процесс — ничто иное, как совокупность отдельных в организационном плане самостоятельных и завершенных правовых процедур, совершаемых участниками процесса в пути к конечной цели — реализации материальных правовых норм. Юридическую процедуру мы рассматриваем как часть стадии процесса.

Всякий юридический процесс, независимо от его вида и сферы функционирования, строится как на основе общих принципов права, так и на специальных принципах соответствующей процессуальной деятельности, применительно к конкретным видам процесса. Так, новейший Кодекс административного судопроизводства закрепил семь принципов данного вида судопроизводства (статьи 6–14) от независимости судей до состязательности и равноправия сторон. Принципы как руководящие начала определяют характер и направленность юридического процесса, дают ему своего рода главный вектор развития.

Необходимо также иметь в виду, что каждый вид юридического процесса наряду с общедемократическими принципами зиждется и на собственных принципах, присущих только данному виду процесса. Например, для судебного процесса таковыми являются независимость судей, подчинение их только Конституции Российской Федерации и федеральным законам; равноправие сторон в процессе; презумпция невиновности и свобода оценки

доказательств, а для избирательного процесса — организация, подготовка и проведение выборов избирательными комиссиями; их независимость в пределах своей компетенции; недопустимость изменения избирательного закона в период избирательной кампании; равенство и состязательность кандидатов, избирательных объединений в предвыборной деятельности и др.

На основе достижений правовой науки и вышеприведенного анализа общий юридический процесс можно определить как регламентированную процессуальными правовыми нормами деятельность субъектов права, направленную на реализацию материально-правовых норм, относящихся к различным сферам государственного, социально-экономического и культурного строительства, протекающую в пространстве и времени, выражающуюся в последовательном осуществлении правовых процедур в рамках стадий процесса до достижения конечной цели, предусмотренной нормами материального права.

Что касается юридической природы и особенностей избирательного процесса, необходимо отметить, что это — вид процесса и естественно, он подчинен общим закономерностям юридического процесса как общеправовой категории, то есть обладает отмеченными выше его общими признаками. Это обстоятельство, однако, не исключает, что избирательный процесс имеет ряд качественных характеристик, отличающих его от других видов процесса. Его специфические черты достаточно полно выявлены в работах специалистов по избирательному праву и процессу. Среди наиболее существенных характеристик избирательного процесса исследователями отмечаются следующие его признаки [7, с. 231–238; 1, с. 18]:

особый субъектный состав, состоящий из лиц и организаций, наделенных законом избирательной правосубъектностью;

строго целевое назначение — формирование выборных органов публичной власти в центре и на местах, наделение полномочиями выборных должностных лиц;

ограничение во времени периодом избирательной кампании;

проведение при организующей и контролирующей роли юридически независимых государственно-общественных органов — избирательных комиссий, — главных субъектов процесса, представляющих общие государственные (муниципальные) интересы, с участием других обязательных и факультативных субъектов избирательного процесса;

регламентированность процессуальными нормами избирательного законодательства, а также смежного законодательства в той мере, в какой оно регулирует избирательные правоотношения, инструкциями, иными правовыми актами избирательных комиссий, организующих выборы;

наличие многочисленных избирательных действий и процедур, осуществляемых в рамках определенных законом стадий избирательного процесса в целях формирования выборного органа публичной власти, избрания должностного лица;

оформляемость и закрепляемость в правовых документах промежуточного и итогового характера решений, принимаемых субъектами избирательного процесса в пределах своей компетенции.

Определяя место избирательного процесса среди прочих юридических процессов, следует обратить внимание также на следующие качественные характеристики.

Во-первых, нельзя не видеть такую его особенность, как массовость и политическую значимость, уже подмеченные исследователями [6, с. 37; 1, с. 18–19]. По факту, нет другого юридического процесса, который был бы сопоставим с ним по охвату миллионов масс народа, политической и юридической значимости и влиянию его результатов на государственное строительство и социально-экономическую жизнь общества.

Во-вторых, в избирательном процессе, как ни в каком другом, реализуется правоотношение конституционного значения между народом (избирательным корпусом, совокупным избирателем) и соответственно Российским государством, субъектом Федерации, муниципальным образованием, хотя данное правоотношение, как таковое, не предусмотрено правом, поскольку народ (избирательный корпус) юридически не признан субъектом избирательного права. Правосубъектность народа фактически расплывлена по многомиллионным избирателям, которые в избирательном процессе фигурируют как его индивидуальные субъекты. Данному правоотношению присуща абстракция высокой степени, ибо, как таковое, оно процедурно, нигде не регламентировано, но фактически реализуется с помощью свободных выборов. Последние же конституционно признаны высшим непосредственным выражением власти народа. Объектом этого правоотношения является наделение народом в лице избирателей государственно-властными полномочиями избираемых ими государственных, муниципальных органов, должностных лиц.

* * *

Осмысливая избирательный процесс, необходимо заметить, что в многочисленных трудах по избирательно-правовой тематике наблюдается некоторая односторонность подходов к исследованию этого феномена. Она заключается в том, что в подавляющем большинстве работ проблемы избирательного процесса рассматриваются только через призму его стадий, а избирательный процесс как правовая категория, центральный институт избирательного права и его качественная характеристика, отличие от других видов юридического процесса остается вне внимания авторов.

Например, в главе 15 учебника «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации» [8], озаглавленной «Избирательный процесс», авторы ограничились рассмотрением только основных стадий процесса от назначения выборов до опубликования его результатов без предварительного освещения понятия «избирательный» процесс, его роли и места, содержания,

характерных черт и свойств. Такой изъян, к сожалению, допущен и в ряде других изданий по избирательному праву и процессу [9; 10; 11].

Первую попытку восполнить этот пробел предприняли Ю.А. Веденеев и В.И. Лысенко в одноименных учебниках для вузов, изданных под эгидой ЦИК России в 1999 и 2003 годах [12; 13]. Более подробный анализ возникновения и развития понятия избирательный процесс дается в учебнике под редакцией В.О. Лучина [7], его богатое содержание раскрывается в трудах В.В. Игнатенко и С.Д. Князева [14], А.М. Агаева [1].

Следует признать, что взгляды ученых на избирательный процесс как на сложную многосоставную политико-правовую категорию еще не устоялись и находятся в стадии теоретической разработки. Очевидно, этим объясняется наличие разных позиций в трактовке его сущности, содержания компонентов и, следовательно, определения. Коснемся некоторых из них.

Наиболее распространенным является понимание избирательного процесса как технологической инфраструктуры и формы реализации конституционных принципов организации периодических свободных выборов и обеспечения избирательных прав человека и гражданина в рамках предусмотренной законом последовательности совершения комплекса избирательных действий и избирательных процедур [12, с. 155–156]⁷. По существу, к технологической форме реализации конституционных принципов подготовки и организации выборов сводит понятие избирательного процесса и В.В. Пылин [15, с. 176].

Разумеется технологическая (точнее, организационно-техническая) составляющая хотя и имеет место в организации избирательного процесса, но, на наш взгляд, не является его определяющим признаком, ибо избирательный процесс — это, прежде всего, юридическое явление, связанное с реализацией политических прав и обязанностей граждан, их объединений, что представляет собой одну из основных его характерных черт. Подтверждением этого обстоятельства служит существенная корректировка авторами вышеприведенного определения, которые, спустя четыре года, обоснованным образом его дополняют: «Избирательный процесс ... не только и не столько преимущественно административная технологическая процедура, сколько публичный конкурентный политический процесс, в рамках которого разворачивается политическая правосубъектность граждан-избирателей, и посредством их волеизъявления воспроизводится и легитимируется деятельность представительных, а также иных выборных институтов» [13, с. 276].

В.О. Лучин, В.Н. Белоновский и другие уточняют понятие «избирательный процесс» в том плане, что «это совершаемая в рамках временного этапа, в установленном порядке определенная последовательность действий субъектов избирательного права по подготовке и проведению выборов». Далее, они правильно указывают, что «избирательный процесс оформляется

⁷ Данное определение принадлежит Ю.А. Веденееву и В.И. Лысенко.

в законодательстве и реализуется на практике как система сменяющих друг друга этапов организации и проведения выборов» [7, с. 235–237].

С.Д. Князев и А.А. Яшин считают «предпочтительным определять избирательный процесс не через деятельность компетентных субъектов, а как систему организационно взаимосвязанных и реализуемых в определенной последовательности отношений, опосредствующих подготовку и проведение выборов» [14, с. 184]. Определение избирательного процесса через систему указанных отношений, полагают авторы, не только отвечает интересам комплексного и всестороннего охвата этого многомерного по своему содержанию политико-правового явления, но и позволяет более четко определить его соотношение с избирательными процедурами и формами.

Как «систему правовых, политических и организационно-технологических отношений в сфере подготовки и проведения выборов...» определяет избирательный процесс и А.Г. Головин, выделяя при этом его обеспечительную составляющую в виде информационного и финансового обслуживания процесса [16, с. 38–39].

Все выше указанные определения вносят свою лепту в теоретическую разработку проблем избирательного процесса, оттеняют ту или иную грань этого многосоставного феномена, а потому обоснованно используются в научном обороте.

Сердцевину избирательного процесса, естественно, образуют его стадии. Их перечень и содержание достаточно полно исследовано в трудах и других ученых и практиков. Однако среди них нет единства мнений как по количеству, так и по наименованию стадий процесса. Например, число стадий варьируется от 3 до 10 и более. Такой же «разнобой» наблюдается в различных работах и по факультативным стадиям. Надо заметить, что как минимальное, так и максимальное число предлагаемых стадий избирательного процесса слабо согласуется с позицией законодателя, хотя избирательные законы формально не закрепляют перечень стадий.

Тем не менее, исходя из содержания законодательного регулирования, теории и практики выборов, полагаем возможным деление избирательного процесса на следующие основные стадии: формирование организационно-технологической основы (инфраструктуры) выборов; выдвижение и регистрация кандидатов, списков кандидатов; предвыборная агитация; голосование, подсчет голосов, определение результатов выборов и их обнародование (опубликование). Предлагаем также одну факультативную стадию — повторное голосование.

Правда, в некоторых источниках в качестве факультативных стадий называются повторные выборы, новые выборы и дополнительные выборы. Все эти три процедуры предполагают проведение избирательного процесса в полном объеме всех его стадий, а потому, по нашему мнению, они не могут быть признаны факультативной стадией избирательного процесса. Важно подчеркнуть: отсутствие любой из предложенных основных стадий исключает

проведение выборов. Это обстоятельство дополнительно свидетельствует об обоснованности предлагаемого структурирования избирательного процесса.

Данное стадийное деление избирательного процесса отражает конкретные институты избирательного права и крупные этапы избирательной кампании и может быть в перспективе закреплено в законодательстве. Отметим также неприемлемость мнения отдельных авторов о включении в перечень стадий избирательного процесса таких процедур, как государственная регистрация политических партий, общественных объединений, назначение выборов, регистрация (учет) избирателей, подготовка и представление финансового отчета кандидатов, избирательных объединений, избирательных комиссий в комиссии, организующие выборы и в органы представительной власти соответствующего уровня. Дело в том, что все указанные процедуры имеют самостоятельное целевое назначение, непосредственно не связаны с процессом конкретных выборов, находятся за пределами «живого» избирательного процесса, который еще не начался либо уже прошел, и итоги его подведены. Поэтому, по нашему убеждению, нет оснований считать их составной частью избирательного процесса.

Избирательный процесс представляет собой деятельность самых различных субъектов избирательного права. Именно они приводят в движение правовые нормы, регламентирующие избирательный процесс. Исходя из общей теории правосубъектности, разработанной методологической наукой — теорией права и государства с участием отраслевых юридических наук, норм действующего избирательного законодательства и практики его применения, субъектами избирательного права (процесса) следует признать физических и юридических лиц, а также различные социальные образования, не обладающие правами юридического лица, которые законом наделены качествами правосубъектности, в области избирательных правоотношений.

Необходимо констатировать то обстоятельство, что проблема субъектов избирательного права еще не получила достаточно глубокой разработки, что является существенным пробелом в избирательно-правовой науке. В учебниках и различного рода курсах по избирательному праву и процессу эти вопросы затрагиваются лишь попутно и фрагментарно в связи с рассмотрением избирательных правоотношений. К сожалению, даже в авторитетном учебнике по избирательному праву и процессу, подготовленном большим коллективом авторов и изданном ЦИК России в 2003 году, не нашлось места главе о субъектах избирательного права.

Этим объясняется своего рода неразбериха в литературе по кругу субъектов избирательного права. Так, если авторы первого учебника по избирательному праву и процессу, вышедшего в свет в 1999 году, в целом выделяют 5 видов субъектов избирательного права, то М.В. Масловская — 4 [17, с. 13], Е.В. Корчиго — 7, А.А. Югов — 11, С.Д. Князев и Е.А. Хрусталев — 14 [12, с. 151–152; 6, с.77 и 85; 18, с. 96–98; 19, с. 86]. А по нашему мнению, таких видов — около 20-и.

Здесь важно заметить, что любая правосубъектность, в том числе и избирательная, устанавливается законодателем. Современные избирательные законы часто меняются. Нередко эти изменения касаются и круга субъектов избирательного права. Например, в 80-е и начале 90-х годов XX века профсоюзы и трудовые коллективы активно участвовали в выборах в качестве субъектов избирательного права. Однако новейшее законодательство лишило эти субъекты права участвовать в избирательных правоотношениях.

Вместе с тем оно наделило избирательной правосубъектностью целый ряд новых лиц и организаций, в том числе наблюдателей, членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, уполномоченных представителей политических партий и др.

В настоящее время избирательной правосубъектностью обладает достаточно широкий круг правовых личностей как индивидуального, так и коллективного характера. Их насчитывается около двух десятков. Они весьма разнообразны, отличаются друг от друга по назначению, объему полномочий и другим параметрам. Различаются, например, субъекты основные и вспомогательные (факультативные), индивидуальные и коллективные.

При всех различиях и особенностях субъекты избирательного права образуют единую неразрывную систему, которая обеспечивает реальное функционирование избирательного права, подготовку и проведение выборов. Все без исключения субъекты избирательного права реализуют свою правосубъектность путем вступления в избирательные правоотношения, складывающиеся в рамках избирательного процесса, по собственной воле либо в силу закона.

Одной из важных составляющих юридической характеристики избирательного процесса являются принципы, на которых он зиждется. Принципы выступают как основополагающие, руководящие начала процессуальной деятельности субъектов избирательного права. Как известно, законодатель не разделяет принципы избирательного права и избирательного процесса, равно как и не дает их сводного исчерпывающего перечня. Поэтому в установлении системы принципов избирательного права и процесса весьма существенную роль играют доктринальные подходы.

Правотворческие органы — как национальные, так и международные — не проводят категоричного и однозначного деления принципов подготовки и проведения выборов на принципы избирательного права, с одной стороны, и принципы избирательного процесса — с другой, а рассматривают их как общие начала, определяющие демократическую сущность как избирательного права, так и избирательного процесса. Поэтому следует признать обоснованным общий вывод, сделанный в научной литературе об отсутствии существенной разницы между принципами права и юридического процесса [20, с. 28]. Принципы процесса по существу представляют собой разновидность правовых принципов [6, с. 210].

Анализ законодательства, как российского, так и международного, относительно принципов проведения выборов и научной литературы позволяет, по нашему мнению, сформулировать и выделить следующие принципы избирательного процесса:

- правовое регулирование избирательного процесса;
- недопустимость изменения избирательного закона в ходе избирательной кампании;
- законность (подзаконность) действий и решений всех субъектов избирательного процесса;
- организация, подготовка и проведение выборов независимыми специализированными коллегиальными органами — избирательными комиссиями;
- гласность и открытость (публичность) избирательных процедур, действий и решений;
- непрерывность, поступательность и стадийность избирательного процесса;
- равноправие однопорядковых субъектов избирательного процесса;
- документальное закрепление промежуточных и окончательных результатов выборов;
- возможность обжалования действий и решений любых участников избирательного процесса в судебном и административном порядке.

В литературе достаточно полно раскрыто содержание названных и других принципов избирательного процесса [8, с. 107–151; 1, с. 30–46; 11, с. 73–147]. В совокупности они выражают демократическую сущность и специфику избирательного процесса как одного из видов юридического процесса.

Действующее законодательство о выборах объединяет в себе как материальные, так и процессуальные нормы. Причем последние составляют большую часть избирательных законов. Однако они не объединены в отдельную главу (блок), а разъединены и размещены в самых различных главах и статьях указанных законов. В связи с этим встает проблема их кодификации. По данному вопросу существуют две точки зрения. Согласно одной из них, которую представляет А.Е. Постников и некоторые другие ученые и практики, нецелесообразно вести речь об избирательно-процессуальном праве, а попытки создать законодательные акты, регламентирующие исключительно избирательный процесс, ведут к разрыву системности правового регулирования выборов [21, с. 13].

Другая группа специалистов, наоборот, полагает возможным и целесообразным обособление норм, регулирующих избирательный процесс в отдельный законодательный акт. Например, Е.В. Корчиго считает, что «единственно совершенным способом законодательного регулирования избирательного процесса может быть кодифицированный акт» [6, с. 42]. За кодификацию как материальных так и процессуальных избирательных норм высказался и О.В. Дамаскин [22, с. 92–93]. О возможности кодификации избирательного законодательства в свое время говорили Е.Н. Хрусталев

[23], экс-председатели ЦИК России А.А. Вешняков [24, с. 62] и В.Е. Чуров⁸, а также нынешний руководитель ЦИК России Э.А. Памфилова⁹.

Осмысливая данную проблему, следует отметить, что формирование процессуальной либо любой другой отрасли (подотрасли) права является компетенцией законодателя и базируется на соответствующих научных разработках. Поэтому, по мере созревания условий считаем вполне возможной кодификацию как материальных, так процессуальных норм избирательного законодательства. Положительное решение данной проблемы, по нашему мнению, позволило бы существенно укрепить стабильность правовых основ избирательного процесса, приблизив их по уровню нормативного регулирования к традиционным видам юридического процесса — уголовному и гражданскому.

В завершение подведем некоторые итоги.

Избирательный процесс — сложная многогранная категория науки избирательного права и электоральной практики, объединяющая все этапы и стадии избирательной кампании. Данная категория хотя и не закреплена законодательно, но является удачной альтернативой термину «избирательная кампания».

Избирательный процесс выражается как в организационно-технических, так и политико-правовых действиях субъектов избирательного процесса в рамках правоотношений по подготовке и проведению выборов депутатов представительных органов государственной и муниципальной власти, их должностных лиц. Данный юридический процесс представлен в законодательстве в виде системы последовательно сменяющих друг друга стадий подготовки и проведении выборов. Его двигателем является правовая воля субъектов процесса, а целью — формирование выборных органов публичной власти.

Будучи одним из видов юридического процесса, он обеспечивает реализацию норм избирательного права, субъективных прав и юридических обязанностей граждан и их объединений. В условиях становления правового государства и плюралистической демократии закономерно возрастает роль и значение избирательного процесса как легитимного способа формирования персонального состава органов государственной и муниципальной власти в соответствии с волеизъявлением избирателей.

Список литературы

1. Агаев А.М. Избирательный процесс в Российской Федерации: Конституционно-правовое исследование: монография. Казань: «Идея-Пресс», 2012.
2. Биктагиров Р.Т., Фомин А.А., Шапиев С.М. Организация выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по пропорциональной системе. Казань: «Идел-Пресс», 2007. 480 с.

⁸ «Российская газета», 2007, 15 июня.

⁹ «Российская газета», 2018, 1 ноября.

3. Проблемы судебного права / Мельников А.А., Полянский Н.Н., Савицкий В.М., Строгович М.С.; Под ред.: Савицкий В.М. М.: Наука, 1983. 224 с.
4. Тихомиров Ю.А. Современное публичное право: монографический учебник. М.: Эксмо, 2008. 446 с.
5. Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России. Правовой аспект. М.: «Формула права», 2008. 508 с.
6. Дамаскин О.В., Корчиго Е.В., Сеченова Р.Р. Избирательный процесс и электорально-правовая культура. М.: «Норма», 2005. 271 с.
7. Лучин В.О., Белоновский В.Н. и др. Избирательное право России: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 670 с.
8. Дмитриев Ю.А. Израелян В.Б. Избирательное право и процесс в Российской Федерации. Ростов-на-Дону. Изд-во «Феникс», 2004. 806 с.
9. Избирательное право / Под ред. К.К. Гасанова, А.С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. 415 с.
10. Андреева Г.Н., Старостина И.А. Избирательное право в России и в зарубежных странах. М.: «Норма», 2010. 592 с.
11. Макарецв А.А. Избирательный режим в Российской Федерации. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2013. 344 с.
12. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов. Отв. ред. д.ю.н. А.В. Иванченко. М.: «Норма», 1999. 856 с.
13. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Учебник для вузов. Отв. ред. к.ю.н. А.А. Вешняков. М.: «Норма», 2003. 816 с.
14. Игнатенко В.В., Князев С.Д. и др. Избирательное право Российской Федерации. Учебное пособие. Иркутск. Изд. ВСЦПИ, 2001. 332 с.
15. Пылин В.В. Избирательное и референдумное право Российской Федерации. Учебник. СПб: ЛОГУ им А.С. Пушкина. Орел: Вариант В. 2001. 282 с.
16. Головин А.Г. Избирательное право России: курс лекций. М.: «Норма», 2007. 336 с.
17. Масловская М.В. Избирательный процесс в Российской Федерации: Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 18 с.
18. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург. 1999. 123 с.
19. Князев С.Д., Хрусталеv Е.Н. Субъекты российского избирательного права // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Материалы конференции, посвященной 40-летию Юридического факультета ДВГУ. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998, Ч. 1. С. 85-90
20. Баландин В.Н., Павлушина А.А. Принципы юридического процесса. Тольятти. 2001. 150 с.
21. Постников А.Е. Избирательное право России. М.: Норма, 1996. 217 с.
22. Избирательное законодательство и выборы в регионах: теория и практика / Под. ред. С.В. Юсова. М.: Проспект, 2005.
23. Хрусталеv Е.Н. Избирательный процесс в России: понятие и стадии // Правоведение. 1998. № 2. С. 32-35.
24. Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. Монография. М.: Весь мир, 1997. 183 с.

МОНОПАРТИЙНОСТЬ В СОВЕТСКОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И КРАХ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию исторических аспектов становления, существования и падения Союза Советских Социалистических Республик в условиях однопартийной системы. Автором рассмотрены основные этапы периода советской государственности, ключевые нормативно-правовые акты, закреплявшие основы общественно-политического и экономического устройства государства. На основе проведенного анализа делается вывод о причинах, способствовавших возникновению однопартийной политической системы на заре становления советского государства, а также вывод о причинах нежизнеспособности такой модели политического устройства на более поздних стадиях.*

***Ключевые слова:** Конституция РСФСР 1918 г., Конституция СССР 1936 г., Конституция СССР 1977 г., Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, однопартийная система, КПСС, коллективизм, коммунизм, социализм.*

THE MONOPARTY SYSTEM IN THE SOVIET PERIOD OF NATIONAL STATEHOOD: FORMATION AND COLLAPSE

***Abstract.** The article is devoted to the study of the historical aspects of the formation, existence and fall of the Union of Soviet Socialist Republics in a single-party system. The author considers the main stages of the period of Soviet statehood, key regulatory acts that enshrined the foundations of the socio-political and economic structure of the state. Based on the analysis, a conclusion is drawn about the reasons that contributed to the establishment of a monoparty political system at the dawn of the formation of the Soviet state, as well as a conclusion about the reasons for the inviability of such a model of political structure at later stages.*

***Keywords:** The Constitution of the RSFSR in 1918, the Constitution of the USSR in 1936, the Constitution of the USSR in 1977, Declaration of the rights of workers and exploited people, one party system, CPSU, collectivism, communism, socialism.*

Государство, возникшее на осколках Российской империи в результате двух революций, гражданской войны 1918–1920 годов и иностранной военной интервенции, явилось уникальным явлением в мировой истории,

феномен которого заключался в совершенно новой форме политического, экономического, социального устройства на принципах учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Несмотря на всю свою привлекательность для наиболее бедных слоев населения капиталистических государств Западной Европы, марксизм получил свое практическое воплощение именно в России в виде нового типа государства — республики Советов, так же как и Парижская коммуна 1871 года, признавались формой диктатуры пролетариата.

Вся история создания, становления, расцвета и падения СССР неразрывно связана с большевистской партией, которая играла определяющую роль во всех сферах жизни общества. Справедливо сказать, что в марксистском учении партии пролетариата уделялось особое значение. Принципы, на которых она была организована и осуществляла свою деятельность, в итоге явились одним из ключевых факторов, позволивших большевикам подготовить Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года, в результате которой им удалось захватить и удержать власть в государстве. Именно строгая организованность и дисциплина обеспечивали планомерную реализацию программ партии. Так, принцип демократического централизма, предполагавший выборность всех без исключения руководящих органов партии, а также строгое подчинение и исполнение решений вышестоящих органов нижестоящими, стал руководящим в деятельности партии и получил закрепление в уставе партии. К слову, в дальнейшем, после захвата власти, большевики перенесли этот принцип и на управление государством.

Первая программа РСДРП, утвержденная в 1903 году на II съезде партии, была разделена на программу-минимум и программу-максимум. Первоочередной задачей большевики видели свержение самодержавия, которая была осуществлена в результате Февральской революции 1917 года. Эта задача была решена не только и не столько силами большевиков, сколько коллективными усилиями различных политических сил, находившихся в оппозиции монаршей власти. В целом буржуазно-демократическая революция в России рано или поздно была неизбежна в силу противодействия, оказываемого руководством государства в части реформирования политической системы, пренебрежительного отношения к Государственной думе, а самое главное — игнорирования потребностей народа. В исторических условиях, когда в Европе уже стремительно развивались и воплощались в жизнь идеи конституционного правового государства, произошла целая череда революций, направленных на низвержение абсолютистских режимов, Россия не могла остаться в стороне.

Другой вопрос в том, какие результаты принесла Февральская буржуазная революция. Одним только свержением самодержавия нельзя было решить существовавшие в обществе проблемы. Вакуум власти чуть ли не естественным образом перевоплотился в двоевластие Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, претендовавших на верховную власть в государстве. Несмотря на различные идеологические

платформы, взаимоотношения демократических и социалистических партий того времени можно назвать договороспособными. Подтверждением этому являются слова П.Н. Милюкова, бывшего лидера Конституционно-демократической партии и министра иностранных дел Временного правительства, который утверждал: «Взаимные отношения между двумя учреждениями, из которых одно только — именно временное правительство — признавало себя и было признано другими законной властью, были установлены на основе соглашения, заключенного 1–2 марта...» [1, с. 47].

Дело в том, что эсеры и меньшевики, руководившие работой Петроградского Совета, были убеждены в неготовности российского общества к социалистической революции, а это оставляло возможность для поиска компромиссов. Кроме того, на более поздних этапах представители эсеров и меньшевиков входили в коалиционный состав Временного правительства, а эсер А.Ф. Керенский даже его возглавлял. В сложившейся обстановке созыв Учредительного собрания являлся первоочередной задачей. Оно должно было формировать механизмы разрешения существующих в обществе конфликтов и противоречий, а также предложить такое устройство государства, которое отражало бы интересы всех групп населения. Россия находилась в шаге от перехода к парламентской форме правления, но затягивание созыва Учредительного собрания и продолжавшаяся Первая мировая война нагнетали социально-политическую обстановку.

Именно в этот момент началось возвышение РСДРП(б). В апреле 1917 года В.И. Ленин возвратился из эмиграции в Россию и начал активную политическую деятельность. Им был опубликован программный документ, получивший название «Апрельские тезисы» и предусматривавший переход к подготовке социалистической революции, целью которой декларировалось установление диктатуры пролетариата. В указанном документе В.И. Ленин высказывал позицию большевиков по целому ряду актуальных вопросов, но были два ключевых момента, которые создавали предпосылки к росту поддержки партии среди широких масс населения.

Один из основных пунктов «тезисов» гласил о необходимости выхода России из империалистической войны с Германией и заключения мира в силу того, что она была инициирована исключительно в интересах международных финансовых кругов и не имела никакого смысла для пролетариата и крестьянства. Учитывая то обстоятельство, что наиболее бедные слои населения несли на себе все тяготы войны, позиция большевиков находила отклики в умах и сердцах простых людей. В то время как члены Временного правительства стояли на том, что Россия должна выполнять обязательства перед союзниками.

Отдельное внимание было уделено земельному вопросу. Речь шла о конфискации помещичьих и национализации всех земель с дальнейшей их передачей в распоряжение местным Советам батрацких депутатов. Этот ход позволил большевикам перехватить инициативу у эсеров, которые были

наиболее популярной партией в среде крестьянства. Кроме того, национализация земли и ликвидация частной собственности на средства производства создавала основу той новой модели экономических отношений, которая предлагалась и навязывалась большевиками.

Выдающийся русский философ, современник тех событий И.А. Ильин отмечал: «Неспособность подняться до правильного понимания политической жизни заставляет темного, несознательного человека верить только тому, кто отстаивает его личный и его классовый интерес без всяких ограничений и голосовать за ту партию, которая «обещает» ему больше других» [2, с. 4]. Большевики активно пользовались непросвещенностью населения, адаптируя марксистско-ленинскую идеологию под запросы пролетариата и в меньшей степени — крестьянства. Тактика коммунистов в итоге привела к успеху. 25 октября (7 ноября) 1917 года в результате Великой Октябрьской социалистической революции было свергнуто Временное правительство. В этот же день начал работу II Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который провозгласил себя высшим органом государственной власти. Был переизбран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и сформировано новое правительство, получившее название Совет народных комиссаров. Съездом было принято решение о переходе всей власти к Советам на территории государства.

Ю.Л. Шульженко выделяет ряд причин, которые привели большевиков к успеху. В частности, к таковым он относит отсутствие у Временного правительства реальной программы деятельности, отвечавшей интересам народа, затягивание вопроса с избранием и созывом Учредительного Собрания, частые изменения в составе правительства и внутренние противоречия в этом органе. Как указывает автор, «Временное правительство не было тем монолитом, которым оно должно было быть в тех сложнейших условиях, а следовательно, не могло стать реальной сильной властью, а тем более удержать ее» [3, с. 95]. Он так же называет и другие причины, а именно, незавершенность организационного оформления земств и невозможность их участия в борьбе за власть. Не обходит стороной автор эффективность и гибкость политики большевиков как в среде широких масс населения, так и по отношению к Петроградскому Совету, отмечая факт недооценки большевиками другими политическими партиями и силами, что в итоге и привело к практически беспрепятственному захвату власти в октябре 1917 года.

Представляется справедливой и позиция В.Е. Сафонова, который отмечает: «Коренное отличие политической системы Российской империи от европейских государств заключалось в том, что в нашей стране политический класс так и не сформировался» [4, с. 40]. По его мнению, именно отсутствие последнего позволило большевикам, не обладавшим существенной поддержкой в обществе, достаточно легко захватить власть в государстве.

Вместе с тем свержение Временного правительства еще не означало получение большевиками полного контроля над государством и установление

диктатуры пролетариата. Представители других политических партий и значительной части населения не признавали их власть и результатов революции. В этих условиях, вопреки негативному отношению к идее проведения Учредительного собрания, большевики решились на его созыв. 27 октября 1917 года Совет народных комиссаров принял постановление «О созыве Учредительного собрания в назначенный срок». Согласно этому документу выборы должны были начаться в день, назначенный ранее Временным правительством — 12 ноября.

Однако результаты выборов оказались неприемлемыми для большевиков. Наибольшее представительство получила коалиция эсеров и меньшевиков. Кроме того, довольно внушительным представительством обладали кадеты, которые на тот момент стали представителями не только либерально-демократической части общества, но и консервативных сил. Такой расклад сил свидетельствовал об угрозе власти большевиков. В связи с этим 28 ноября 1917 года СНК издал Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, в котором партия кадетов была объявлена врагом народа и все члены руководящих учреждений партии подлежали аресту и передаче суду революционных трибуналов. 30 ноября СНК опубликовал обращение «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией», в котором обвинял Конституционных демократов в подготовке переворота в период созыва Учредительного собрания.

Большевики не признавали итогов выборов в Учредительное собрание, обосновывая свою точку зрения тем, что списки, по которым проводились выборы, были составлены Временным правительством и на новом этапе не отражали действительное соотношение сил, сложившихся в обществе. 5 января 1918 года, в день открытия Учредительного собрания, ВЦИК принял постановление «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», которым подтверждалась принадлежность всей власти в Российской Республике Советам и Советским учреждениям. Любые попытки со стороны присвоить себе те или иные функции государственной власти рассматривались как контрреволюционные действия. В случае осуществления таких действий, советская власть оставляла за собой право любыми средствами, в том числе применением вооруженной силы, подавить контрреволюционеров.

Несмотря на это, 5 января 1918 года Учредительное собрание начало свою деятельность. Большевики устроили провокацию и вынесли вопрос о принятии Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа, заведомо понимая, что Учредительное собрание ее не примет, так как в обратном случае, это означало бы юридическое закрепление результатов Октябрьской революции и утверждение власти большевиков. Положения Декларации предусматривали целый ряд мер, направленных на изменение экономических основ государственного устройства, а именно — отмену

права частной собственности на средства производства и постепенное изъятие этого имущества у владельцев в пользу государства, ликвидацию банковской системы, установление всеобщей трудовой повинности. Главным же пунктом должно было стать признание факта, что вся власть принадлежит целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В таком случае само Учредительное собрание теряло всякий смысл. В итоге Декларация ожидаемо была отклонена. В знак протеста большевики покинули Учредительное собрание. Вслед за большевиками покинули его и наиболее близкие им на то время левые эсеры. Кворума не стало, вследствие чего Учредительное собрание не могло продолжать свою работу и потеряло легитимность. Советом народных комиссаров была издана Декларация о роспуске Учредительного собрания, что послужило основанием к началу гражданской войны. Большевики понимали, что установление диктатуры пролетариата без открытого вооруженного противостояния становилось невозможным.

* * *

10 января 1918 года состоялся III Всероссийский Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который имел важное историческое значение для установления и укрепления советской власти и свидетельствовал об усилении влияния большевиков в среде не только пролетариев и солдат, но и крестьян. Дело в том, что до этого съезды Советов крестьянских депутатов проводились отдельно, а основной политической силой, поддерживающей и отстаивающей их интересы, были эсеры. В ходе работы съезда был принят ряд важных решений и документов, в том числе Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, которая в дальнейшем стала составной частью первой советской Конституции. Этот документ имел чрезвычайно важное значение для всего дальнейшего хода отечественной истории, в том числе и в вопросе установления монопартийной системы в советском государстве. Как отмечает Б.С. Эбзеев, «Манифестом нового социального строя, явившимся одновременно концентрированным выражением Великой российской революции, явилась принятая в январе 1918 года Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, подобно тому, как манифестом Великой французской революции явилась Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Но если смысл французской Декларации заключался в утверждении в организации общества персонцентризма, российская Декларация знаменовала пришествие эпохи системоцентризма. Именно Декларация 1918 года, включенная позднее в Конституцию РСФСР в качестве ее первого раздела, явилась моделью коллективистской организации социума, которая с фанатичной последовательностью, не терпящей никакого сопротивления и не останавливающейся перед насилием, осуществлялась одержавшей победу партией. За «трудящимся и эксплуа-

тируемым народом» Революция не видела человека в его индивидуальном бытии» [5, с. 17].

Кроме того, Съездом было принято решение о необходимости разработки проекта Основного закона государства, реализация этой задачи была возложена на вновь избранный ВЦИК, который и сформировал Конституционную комиссию, в состав которой вошли представители большевиков, левых эсеров, эсеров-максималистов. Работа над проектом первой советской Конституции продолжалась четыре месяца и завершилась принятием 10 июля 1918 года V Всероссийским Съездом Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов.

Именно V Съезд стал последним, где значительное представительство имели депутаты иных, кроме коммунистической, социалистических партий. Несмотря на близость взглядов большевиков с левыми эсерами по целому ряду вопросов, противоречия в их взаимоотношениях нарастали. В дни проведения V Съезда последними была совершена попытка государственного переворота и захвата власти, которая в итоге была подавлена большевиками. Фракции всех оппозиционных партий были арестованы. Таким образом, фактически оформилась однопартийная система, но учитывая продолжавшуюся гражданскую войну, большевики не решились закрепить этот факт юридически, так как существовала необходимость сохранения единства пролетариата и беднейшего крестьянства независимо от партийной принадлежности. Именно по этой причине первая советская Конституция имела временный характер, и ее основная задача заключалась в установлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуататоров и эксплуатируемых, деления на классы.

Демократия большевиков, наполненная по содержанию идеями К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, по форме своей была воплощением концепции Ж.Ж. Руссо, который предложил универсальную формулу справедливого государственного устройства, подразумевавшую полное отчуждение всех членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины. Основу этого государства составляла неизменная постоянная общая воля народа, смысл которой, согласно марксистско-ленинской теории, заключался в строительстве идеального социалистического общества, где власть принадлежала бы рабочему классу. Такая система государственного устройства, ставя во главу угла интересы некоего коллективного субъекта — пролетариата, не оставляла пространства для интересов личности, которые могли отличаться от общих интересов. Основу же этой конструкции составляла высокоцентрализованная экономика, заменявшая рыночную систему командно-административной. Государство приобрело всепоглощающий характер. Все другие классы и группы граждан, выступавшие противниками установления диктатуры пролетариата, несли угрозу советскому государству. Их частная воля противоречила общей воле, навязываемой большевиками. Таким образом, все

противники Коммунистической партии и тех идей, которые она отстаивала, должны были быть искоренены с территории государства путем принуждения к эмиграции или полного физического уничтожения.

Конституция 1918 года закрепила новую структуру органов государственной власти. В соответствии со статьей 10 Основного закона вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах, в то же время, согласно статье 12 верховная власть в РСФСР принадлежала Всероссийскому съезду советов, а в период между съездами — Всероссийскому центральному исполнительному комитету советов (ВЦИК).

Государственное устройство РСФСР не предусматривало разделения властей. ВЦИК обладал широкими полномочиями, являясь высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом, и избирался Всероссийским съездом советов. Учитывая доминирование большевиков в городских и сельских советах, Российская коммунистическая партия уже тогда получала возможность формировать высший орган государственной власти и влиять на все сферы деятельности государственного аппарата. Согласно статье 32 Конституции, ВЦИК давал общее направление деятельности Рабоче-крестьянского правительства и всех органов Советской власти в стране, объединял и согласовывал работы по законодательству и управлению и наблюдал за проведением в жизнь Конституции, постановлений Всероссийских съездов советов и центральных органов Советской власти. Кроме того, ВЦИК формировал Совет народных комиссаров (СНК), который осуществлял общее управление делами, но будет неверным утверждение, что он был только органом исполнительной власти, так как СНК обладал широкими и законодательными полномочиями: мог издавать декреты, распоряжения, инструкции и вообще принимать все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни.

Таким образом, контролируя работу Всероссийского съезда советов, большевики без особых проблем получали абсолютную власть в свои руки. Способствовала этому и закрепленная в Конституции избирательная система, которая наделяла активным и пассивным избирательным правом не всех граждан государства. Согласно статье 64 Конституции, правом избирать и быть избранными в Советы пользовались, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюбого пола граждане РСФСР, достигшие 18 лет:

а) все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда: рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве и проч., крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли.

б) солдаты Советской армии и флота.

в) граждане, входящие в категории, перечисленные в пунктах «а» и «б», потерявшие в какой-нибудь мере трудоспособность.

В следующей статье Конституции закреплялся перечень лиц, которые не имели права принимать участие в выборах. К ним относились: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход, проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Впрочем, вторая программа РКП (б) принятая в 1919 года объясняла, что ограничение политических прав части населения имело временный характер, как мера, направленная на предотвращение попыток эксплуататорских классов восстановить или отстоять свои привилегии. С установлением абсолютной власти пролетариата и беднейшего крестьянства, необходимость в таких ограничениях естественным образом должна была отпасть. Действительно, уже в Конституции СССР 1936 года таких ограничений не было.

В декабре 1922 года I Съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, которые в дальнейшем стали составной частью первой Конституции СССР 1924 года. Новое государство было образовано путем объединения РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР. Система органов государственной власти, утвержденная новым Основным законом, не сильно отличалась от ранее утвержденной в Конституции РСФСР. По-прежнему верховным органом власти являлся Съезд советов, но примечателен тот факт, что Центральный исполнительный комитет СССР был разделен на две палаты — Союзный совет и Совет национальностей. Кроме того, был образован Президиум Центрального исполнительного комитета СССР.

По сути, начинался новый период строительства советского государства, который включил в себя промежуток времени с 1922 по 1936 годы. Несмотря на окончание гражданской войны и уничтожение всех иных политических партий, борьба с контрреволюцией продолжалась, но теперь не только на территории России, но и всего Союза. Об этом свидетельствовало и учреждение при Совете народных комиссаров Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), в задачи которого входили вопросы по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Кроме того, внутри самой РКП (б) возникали противоречия, которые периодически приводили к разделению ее на фракции. В.И. Ленин понимал, что раскол в партии чреват новым витком борьбы за власть

в государстве. Учитывая эти обстоятельства, X съезд принял резолюцию «О единстве партии», согласно которой запрещались любые фракционные и иные внутривнутрипартийные подразделения. Кроме того, монолитность партии гарантировала непрерываемость авторитета и власти лидера партии, что было важно непосредственно для самого В.И. Ленина.

В 1936 года была принята новая Конституция СССР. Необходимость ее принятия была обусловлена значительными изменениями, произошедшими с 1924 года в сфере народного хозяйства, которые повлекли и классовые изменения в структуре советского общества. И.В. Сталин в докладе «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов 25 ноября 1936 года говорил: «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов, в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированы» [6, с. 7]. А.Я. Вышинский обращал внимание на иные обстоятельства: «Если в условиях существования эксплуататорских классов воля рабочего класса и крестьянства, а также и трудовой советской интеллигенции была волей большинства народа, то в нынешних условиях это воля всего советского народа» [7, с. 165].

Обосновывая единство интересов всего рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции, Сталин отрицал необходимость закрепления многопартийной системы, указывая на то, что несколько партий, свобода партий может существовать только в условиях, где имеются антагонистические классы. По его мнению, в Советском Союзе к 1936 году было только два класса — рабочие и крестьяне, которые при этом были не враждебными, а дружественными между собой. Таким образом, почвы для возникновения других партий в государстве, кроме коммунистической, не существовало. Именно такой подход в совокупности с подавлением всех враждебных рабочему классу и крестьянству групп населения ознаменовало переход от диктатуры пролетариата к диктатуре Коммунистической партии.

Произошли изменения и в системе органов государственной власти, где статус высшего из них приобрел Верховный совет, который состоял из двух палат и обладал исключительными полномочиями по осуществлению законодательной власти. И даже Президиум Верховного совета, обладая широкими полномочиями, законотворчеством заниматься не имел право. Обращает на себя внимание тот факт, что предыдущие конституции наделяли законодательными полномочиями различные органы власти — это и Центральный исполнительный комитет, и Президиум ЦИК, и СНК. Кроме того, в статье 64 Конституции было установлено, что высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР является Совет народных комиссаров. Вопреки отрицанию коммунистической теорией при-

нципа разделения властей, можно сказать, что некоторые признаки такого разделения, безусловно, появились. Закреплялся принцип парламентского контроля, выражавшийся в ответственности и подотчетности СНК перед Верховным советом, который обладал существенными правовыми механизмами, позволявшими влиять на деятельность высшего исполнительного органа государственной власти.

Преобразованная новой Конституцией система органов государственной власти имела общие черты с классической парламентской республикой, однако существовавшая однопартийная система, где партия возвышалась над государством, нивелировала преимущества такого политического устройства. И Верховный совет, и Совет народных комиссаров исполняли волю не народа, а только лишь Коммунистической партии.

Планомерное развитие советского общества, стремившегося к построению коммунизма, было прервано Великой отечественной войной 1941–1945 годов. Тяжелейшее испытание, не имевшее аналогов в истории человечества, поставило под угрозу существования не только СССР, но и всего населения страны. Победа, добытая ценой десятков миллионов человеческих жизней, героизмом, самоотверженностью и единением всего народа, явилась самым существенным достижением в истории советского государства. С политической точки зрения победа СССР в войне должна была свидетельствовать о силе коммунистического государства. Народ победитель продолжал строить свое великое государство, следуя идеям марксистско-ленинской теории.

Одним из важнейших итогов войны являлось изменение международного положения СССР, который стал одной из сверхдержав на мировой арене и флагманом социалистического мира. Советский Союз значительно расширил свое влияние в государствах Центральной и особенно Восточной Европы, где были установлены лояльные и подконтрольные социалистические режимы. Продолжалась борьба и за укрепление собственного присутствия в государствах Ближнего Востока, Африки, Южной Америки, которые долгие годы находились под колониальным гнетом ведущих европейских держав. Столь стремительный рост влияния СССР в мировой политике вызывал обеспокоенность у США и государств Западной Европы. Данное обстоятельство неизбежно должно было привести к противостоянию двух политических систем — коммунистической и капиталистической, что в итоге и произошло. Новое военное столкновение казалось лишь вопросом времени, но появление ядерного оружия как у одной, так и у противоположной стороны стало сдерживающим фактором. Тем не менее, состояние «холодной войны» оказывало существенное влияние на внутреннюю политику государства. Это касалось всех сфер жизни советского общества.

В экономической сфере перед СССР стояла сложнейшая задача: восстановление полуразрушенной инфраструктуры государства как можно в короткий срок. В то же время, в условиях «холодной войны» стояла задача не

только восстанавливать экономику, но и развивать все отрасли экономики. В частности, технологическое равенство в военной сфере являлось приоритетным условием выживания каждой из политических систем. Именно этот фактор способствовал достижению больших успехов советского государства в сфере оборонной промышленности, космической сфере, но командно-административная экономика развивалась не гармонично — страдала сфера производства товаров гражданского назначения. Кроме того, активная внешняя политика требовала значительных финансовых ресурсов.

В 1961 году XXII съездом Коммунистической партии Советского Союза в условиях социализма была принята очередная программа КПСС, которая предусматривала переход к третьему этапу — строительству коммунизма. Программа отражала сложившуюся международную обстановку и декларировала необходимость прекращения «холодной войны», выстраивание доверительных отношений с государствами капиталистического мира. В то же время было отмечено, что капитализм непременно будет повержен и во всех государствах земного шара установится коммунистический строй. Уделялось особое внимание вопросам развития советской экономики, где главной задачей называлась необходимость создания в течение двух десятилетий материально-технической базы коммунизма. Одна из основных задач состояла в опережении США по уровню промышленного производства в несколько раз, предстояла ликвидация разрыва между городом и деревней, обеспечение роста уровня жизни населения.

Однако дальнейший ход истории показал утопичность третьей программы Коммунистической партии. Во многом это было обусловлено негативными явлениями, происходившими в экономической сфере. Планово-административная экономика не могла обеспечить потребности граждан, все сильнее укоренялась коррупция во всех сферах государственной и общественной жизни. В то же время западный мир, основу которого составляли рыночные отношения, обеспечивал развитие не только военной, но и гражданской промышленности. Свобода предпринимательской деятельности, частная собственность, уважение и признание прав и свобод личности создавали предпосылки к развитию индивидуальной инициативы. Частные предприятия, существующие в условиях конкуренции и нацеленные на завоевание новых рынков сбыта, создавали более технологичные продукты.

Советский тип государственного устройства был наиболее эффективным в условиях кризисов, когда требовалась мобилизация больших человеческих ресурсов для восстановления государства и обеспечения масштабных преобразований. Однако в условиях мирного существования система, построенная на безальтернативной основе, как в политической, так и в экономической сфере, была обречена на постепенное разрушение. Советский и российский государственный деятель Е.М. Примаков, анализируя причины нежизнеспособности некоторых положений марксистско-ленинской теории, указывал: «Лишь после XX съезда КПСС в новой Программе партии был сделан вывод

о переходе от диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. Однако при этом отсутствовал критический анализ теории диктатуры пролетариата как универсальной системы насилия для стран, выбравших социалистический путь развития, пока не разрушится мировой капитализм» [8, с. 7].

Как справедливо отмечает Б.С. Эбзеев, «Социализм на более поздних этапах своего развития не мог не считаться с потребностью в свободе, а само государство, изначально выступавшее в качестве средства тотального контроля и принуждения во имя выраженного в идеологеме социализма общего блага, в общественном сознании стало слугой, ответственным за равенство граждан в их социальном и материальном благополучии. Но более умеренные начала, привнесенные в политическую систему нашей страны на волне разоблачения «культы личности», оказались не в состоянии дать большую прочность конституционным учреждениям и застывшим в своем развитии институциональным формам. Объективная необходимость поиска новых соотношений между коллективным и индивидуальным, обусловленная ростом благосостояния людей, развитием образования и культуры, научно-технической революцией и становлением информационного общества, была проигнорирована. Общество оказалось в той точке, за которой начиналась нисходящая линия его развития. В результате КПСС утратила монопольное право на истину, а изначально нереалистичный проект построения коммунизма в течение двух десятилетий постепенно разрушил в общественном сознании саму идею» [5, с. 30].

В 1977 году была принята последняя Конституция СССР, которую многие авторы именуют «конституцией развитого социализма». В статье 6 нового Основного закона получил закрепление квазигосударственный статус Коммунистической партии Советского Союза, которая признавалась руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций. Всепоглощающая роль партии заключалась в том, что именно она определяла генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководила великой созидательной деятельностью советского народа, придавала планомерный научно обоснованный характер борьбе последнего за победу коммунизма. Таким образом, впервые однопартийная система в СССР получила конституционное закрепление.

Как показал дальнейший ход отечественной истории, Конституция не отражала изменения, происходившие в обществе. Сама коммунистическая идеология испытывала кризис. Первое поколение большевиков, захвативших власть в результате Октябрьской революции, умело адаптировало марксистско-ленинскую теорию к потребностям общества. Новые руководители государства действовали шаблонно, прикрываясь идеями коммунизма. Партийная верхушка была оторвана от проблем и интересов простых людей. В то же время в государстве не было предусмотрено пра-

вовых механизмов, которые обеспечивали бы коммуникацию общества и государства. Устройство СССР подразумевало всепоглощающее влияние государства на жизнь человека. Доминирование интересов коллектива над интересами индивида привели в итоге к деградации общественного строя. Падение коммунистической системы представляется закономерным. Российское общество, пройдя трансформацию, столь необходимую в начале XX века, совершив значительный рывок в экономической сфере, пришло к той стадии развития, которая требовала значительной свободы. Советский тип государственного устройства в силу догматического идеологического однообразия обеспечить ее не мог. Первые же попытки на пути к реформам вызвали крах всей системы.

Список литературы

1. Милоков П.Н. Россия на переломе: большевистский период русской революции. Т. 1. Париж [б/и], 1927. 400 с.
2. Ильин И.А. Демагогия и провокация. М.: Изд. Народное право, 1917. 21 с.
3. Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 г. — октябрь 1917 г.). М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2012. 508 с.
4. Сафонов В.Е. Зачем и для чего нужны политические партии в современной России? // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4(47)/10. С. 35–42.
5. Эбзеев Б.С. Великая Российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1–2. С. 3–31.
6. Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1946. 35 с.
7. Советское государственное право / Под общей редакцией А.Я. Вышинского. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 652 с.
8. Примаков Е.М. В чем постулаты марксизма-ленинизма не выдержали столкновения с реальностью, с жизнью? (лекция, прочитанная 27 апреля 2011 г. на факультете политологии МГУ) // Вестник Московского Университета. 2011. № 2. С. 3–11.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРЕЗИДЕНТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные направления конституционной реформы, начавшейся в январе 2020 года по инициативе Президента России. Автором выделено несколько проблемных блоков, ослабляющих механизм взаимодействия главы государства с высшими органами государственной власти, и требующих конституционных корректировок. На основании проведенного анализа предложены дальнейшие направления совершенствования института Президента в условиях современных внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов.*

***Ключевые слова:** конституционная реформа, президент, парламент, правительство, глава государства.*

PROSPECTS OF EVOLUTION OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL IN THE CONTEXT OF MODERN CONSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

***Abstract.** The article considers the main directions of the constitutional reform that began in January 2020 at the initiative of the President of Russia. The author has identified several problematic blocks that weaken the mechanism of interaction between the head of state and the highest bodies of state power and requiring constitutional adjustments. Based on the analysis, further directions for improving the Presidential Institute in the context of modern domestic and foreign policy challenges are proposed.*

***Keywords:** constitutional reform, president, parliament, government, head of state.*

Возникновение и эволюция российской президентуры заняли краткий, но исключительно динамичный временной период и сопутствовали становлению современной российской государственности. Конституционно-правовой каркас, определивший место и роль главы государства в структуре государственной власти, способствовал сохранению территориальной целостности и национального суверенитета, предопределил сегодняшнее положение России в мире.

В настоящее время вопросы дальнейшего развития конституционного механизма разделения властей и основанной на нем системы государственного управления приобрели новое звучание. В январе 2020 года в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В. Путин озвучил концепцию конституционных преобразований, которые в перспективе затронут все органы публичной власти¹. Причем центральный вектор реформы подразумевает точечное изменение конституционных положений, определяющих взаимодействие главы государства с органами законодательной, исполнительной и судебной власти.

Современное российское государство исторически возникло как президентская республика. Таким образом, изначально в конституционных положениях было заложено наличие должности главы государства, избираемого на всеобщих выборах и координирующего в течение срока пребывания в ней деятельность органов государственной власти.

Из того обстоятельства, что в президентских республиках глава государства является и главой исполнительной власти, некоторые авторы делают вывод о приемлемости для России варианта полупрезидентской республики [1, с. 60] со смешанными обширными полномочиями президента [2, с. 106]. Такая конституционная модель позволяет главе государства занять положение над системой разделения властей [3, с. 102–106]. А некоторые авторы задаются вопросом, не является ли Россия суперпрезидентской республикой, которой имманентно присущи внепарламентское формирование правительства, широкие дискреционные полномочия главы государства в отношении законодательной и судебной власти, наличие правовой неопределенности во взаимодействии составных частей механизма разделения властей [4, с. 34–42].

Поскольку «суперпрезидентские» механизмы управления чреваты сосредоточением широкого перечня властных полномочий в руках одного лица и его длительной несменяемостью, такой путь конституционного развития не был бы позитивным для России. В то же время способ избрания главы государства и характер ответственности правительства отличаются при учреждении парламентской республики [5, с. 132–147], однако такая перспектива в нашей стране отсутствует по причинам, связанным, по выражению Президента Российской Федерации, с тем, что такой механизм «нередко дает сбой»², т.е. не может быть эффективным в государстве с обширной территорией и многонациональным составом населения.

Вследствие эволюционных процессов форма правления не остается статичной, динамические тенденции ее развития выходят за рамки сложившихся

¹ Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 // Российская газета. — 2020. — 16 января.

² Путин предостерег от экспериментов с формой правления в России // РБК [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2020/5e28292c9a7947fbde6bdb79> (Дата обращения: 14.02.2020).

стереотипов и создают основу для конституционной модернизации [6, с. 20]. Из этого следует, что ставшие классическими концепции форм правления уже не могут в полном объеме использоваться в современных конституционно-правовых отношениях.

Текст Конституции Российской Федерации 1993 года уже подвергался критической и, на наш взгляд, незаслуженной оценке в той части, которая относится к созданию института «сильной президентской власти» [7, с. 2–13]. Однако более правильной представляется позиция, последовательно отстаиваемая Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным, неоднократно отмечавшим, что конституционный текст нуждается лишь в точечных изменениях, поскольку в целом соответствует самым высоким правовым стандартам [8].

Недостатки современного конституционно-правового регулирования в основном связаны с неопределенным соотношением сегментов конституционного механизма разделения властей и возникающей в этой связи разобщенностью институтов публичной власти. Об этом же высказался и Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володин в программной статье, опубликованной летом 2019 года, где, в частности, рассматривалась перспектива усиления парламентского контроля за деятельностью Правительства России как высшего органа исполнительной власти [9].

Действительно, достаточно подробно регламентируя конституционно-правовой статус личности и основные принципы реализации концепции правового государства, конституционный текст недостаточно подробно дифференцирует особенности взаимодействия различных ветвей власти, а положение главы государства внутри конституционного механизма разделения властей характеризуется неопределенностью. В отличие от Конституции РСФСР, в соответствии с которой глава государства руководил исполнительной властью, в Конституции Российской Федерации его четкая принадлежность к какой-либо из ее ветвей не закреплена. В целом это можно объяснить широким набором функций, для реализации которых Президенту необходимо иметь полномочия, позволяющие оптимизировать работу законодательной, исполнительной, судебной власти. Однако положения статьи 80 Конституции Российской Федерации дают лишь самое общее представление о содержании и пределах функций главы государства, а также о порядке и условиях их реализации.

В то же время президентская форма правления соответствует ожиданиям общества: на выборах главы государства волеизъявление носит адресный характер, избиратели оказывают поддержку кандидату, пользующемуся максимальным авторитетом, а достаточно длительный срок исполнения президентских полномочий служит гарантией реализации стратегических идей развития и укрепления российской государственности. Более двух десятилетий рейтинг главы государства опережает аналогичные показате-

ли, рассчитанные применительно к иным должностным лицам и органам государственной власти³. При таких обстоятельствах сохранение основных принципов российской президентуры в неизменном виде является социально обоснованным. Кроме того, оптимизация работы и повышение эффективности деятельности системы органов публичной власти, осуществляемая посредством точечных корректировок конституционного текста, не предполагает радикальных изменений и не требует соблюдения сложной юридической процедуры, установленной в переходных положениях Конституции 1993 года. Из этого следует, что правка конституционного текста по предложенным Президентом лекалам обладает свойством рациональности и в перспективе может задать тенденции дальнейшего государственного развития на многие годы.

* * *

Как представляется, главной предпосылкой современной конституционной реформы стало фрагментарное отражение в нормах Конституции порядка реализации главой государства предоставленных ему эксклюзивных функций. Из перечня, указанного в статье 80 Конституции, по сути, ни одна из возложенных функций не обладает детальным алгоритмом реализации. В то же время, каждая из них порождает необходимость взаимодействия с органами законодательной, исполнительной, а иногда и судебной власти. Именно поэтому ученые-конституционалисты делают обоснованный вывод о том, что созидательный потенциал Основного закона России не в полной мере осмыслен законодателем, и данное обстоятельство препятствует поступательному государственному правовому развитию, порождая в обществе запрос на перемены [10, с. 33–39]. Внутренняя конституционно-правовая противоречивость справедливо признается дефектом механизма разделения властей, место и роль главы государства в котором недостаточно четко определено [11, с. 41–49].

Руководствуясь содержанием статьи 80 Конституции, можно заключить, что понятие «глава государства» обладает признаком полифункциональности, отраженным в перечне направлений деятельности, охарактеризованных абстрактным способом и выражающих основные особенности его участия в государственном управлении. В других статьях главы 4 Конституции схематичное отражение получили полномочия, соответствующие этим функциям. Данным полномочиям имманентно присущ властный характер, проистекающий непосредственно из термина «глава государства». Особый статус главы государства косвенно подтвержден и в актах Конституционного Суда, подчеркивающих недопустимость наделения субъектов Федерации собственным суверенитетом или государственным статусом⁴, и в поло-

³ Доверие политикам // ВЦИОМ [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: https://wciom.ru/news/ratings/doverie_politikam_1/ (Дата обращения: 14.02.2020).

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П по делу о проверке конститу-

жениях федеральных законов, разъяснивших, что наименование высшей государственной должности «президент» присуще только федеральному уровню государственной власти и неприменимо в субъектах Федерации⁵. В названных актах подчеркивается особый статус Президента России как главы государства, однако конституционно-правовое обеспечение этого статуса в современной редакции главы 4 Конституции представляется недостаточным и отчасти не соответствующим его высокому положению в конституционном механизме разделения властей.

Так, в силу части 2 статьи 80 Конституции Президенту принадлежат важнейшие функции, реализуя которые, он оказывает влияние на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Во-первых, это — гарантирующая функция (глава государства — гарант Конституции, прав и свобод граждан) и не является производной от правозащитной функции, имманентно присущей в правовом государстве деятельности всех органов публичной власти, а имеет самостоятельное проблемное поле. Реализуя ее, глава государства, например, использует право законодательной инициативы, а в необходимых случаях может компенсировать правовые пробелы собственным нормотворчеством. В правовой доктрине [12, с. 315–349] и в правовых позициях Конституционного Суда⁶ это получило многократное подтверждение.

Во-вторых, на Президента возлагается функция принятия мер по охране суверенитета государства, его независимости и территориальной целостности, в целях реализации которой он определяет основные направления внутренней и внешней политики (ч. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации). Это — одна из общих функций главы государства, но можно согласиться и с тем, что она имеет выраженное предметно-политическое содержание [13, с. 41–43]. В современный период глобальные угрозы национальному суверенитету приобретают качественно новое содержание. Между тем, полноценный конституционный порядок конструирования основ внутренней и внешней политики в конституционных нормах не отражен.

В-третьих, Президент России обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. О важности

ционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. — 2000. — 13 июня.

⁵ Федеральный закон от 28.12.2010 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»»: принят Гос. Думой 21.12.2010 // Российская газета. — 2010. — 29 декабря.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П по делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 года № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 19. — Ст. 2320.

этой функции указывалось в самых первых монографических исследованиях конституционно-правового статуса главы государства [14, с. 13–15], но до настоящего времени в части оснащения этой функции конкретными полномочиями конституционный текст выстроен несбалансированно.

В научной литературе существование этой функции обосновывается и тем, что президентура носит интеграционный характер [15, с. 59] или же является социальным институтом, включающим организацию взаимодействия органов власти [16, с. 264]. В части 2 статьи 80 Конституции эта функция раскрыта с помощью категории «обеспечение согласованного взаимодействия органов государственной власти». С лексической точки зрения согласованное взаимодействие означает единую совместную деятельность⁷. Из этого следует, что органы государственной власти консолидируются во исполнение собственных функций, а глава государства обеспечивает их отлаженную работу. Иными словами, он становится интегратором этой деятельности, принимая властные решения, исключая возможность двусмысленного толкования.

* * *

На основе положений статьи 80 Конституции сформулирована интересная классификация функций главы государства, и они подразделены на традиционную представительскую, специфическую арбитражно-интегративную функцию и функцию государственного управления, реализуемую во взаимодействии с органами публичной власти, но методами, не свойственными их деятельности, т.е. оригинальными, присущими исключительно главе государства [17, с. 29–37]. В ходе конституционной реформы все они получают новое звучание, сохранив при этом общую руководящую роль главы государства.

Особенности взаимодействия главы государства с парламентом и правительством в современных конституционно-правовых параметрах нуждаются в преобразовании по двум главным направлениям.

Во-первых, требуется изменение конфигурации конституционно-правовых отношений в части совершенствования системы действующего правового регулирования. Так, если в первый период действия Конституции 1993 года Президентом России широко использовались приемы опережающего правового регулирования, когда определенные общественные отношения получали правовую оценку в президентском указе, и лишь впоследствии начинали функционировать в соответствии с законом, то сегодня Глава государства реализует право законодательной инициативы, что во всех случаях встречается законодателем с пониманием (за последние пять лет ни один проект, внесенный Президентом, не был отклонен или снят с рассмотрения). Необходимо отметить, что в распоряжении Главы государства имеется и право

⁷ Лопатин В.Е., Лопатина Л.В. Русский толковый словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 724.

вето, позволяющее не допустить принятие закона, если последний по каким-то причинам не может быть включен в систему действующего правового регулирования. Это придает паритетный характер взаимодействию Главы государства и парламента, но в то же время президентское вето не является абсолютным и может быть преодолено в соответствии с конституционной процедурой. При этом гарантий соответствия норм закона, который Глава государства в таком случае обязан подписать, не имеется.

Президент России инициировал обсуждение необходимости введения института абстрактного предварительного контроля конституционности законов. В соответствии с проектом конституционных изменений⁸ предполагается наделить Главу государства правом обратиться в Конституционный Суд с вопросом о проверке принятого парламентом закона на предмет соответствия конституционной норме. И только после получения положительного решения Конституционного Суда Глава государства сможет такой закон подписать. В данный момент часть 3 статьи 107 Конституции не оставляет Президенту России никакой возможности отказа от подписания закона, вето по которому преодолено квалифицированным большинством голосов депутатов.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда полномочия Президента России и иных участников государственно-политического процесса (в частности, Государственной Думы) должны реализовываться с учетом конституционных требований о согласованном взаимодействии и не противоречить им⁹. Как видно, орган конституционного контроля исходил из необходимости поддержания баланса, заложенного в конституционном тексте, но оказывающегося под угрозой в кризисной ситуации. Предлагаемые изменения части 3 статьи 107 Конституции Российской Федерации создают, как представляется, дополнительную гарантию, препятствующую включению в систему действующего правового регулирования дефектных положений, искажающих смысл конституционных норм.

Во-вторых, требуется изменение конфигурации взаимодействия между Главой государства и Правительством. В данный момент оно носит субординационный, а не паритетный характер, что представляется правильным, поскольку участие Главы государства в государственном управлении реализуется первично через исполнительную власть, хотя номинально он и не включен в ее структуру.

При этом Глава государства использует различную риторику. Обращаясь к тексту послания Президента России от 20 февраля 2019 года, можно

⁸ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти»: проект № 885214-7 // Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (Дата обращения: 14.02.2020).

⁹ Постановление Конституционного суда РФ от 11.12.1998 № 28-П по делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации // Российская газета. — 1998. — 18 декабря.

отметить, что в адрес Правительства Российской Федерации от Главы государства исходят поручения, а в адрес парламентариев — просьбы оперативно принять законы. При этом по результатам оглашения Послания специальным президентским распоряжением утверждается перечень поручений Правительству со сроками исполнения. Например, в распоряжении Пр-294 от 27 февраля 2019 года содержалось 47 поручений, адресатом которых выступало Правительство как высший орган исполнительной власти, либо отдельные федеральные органы исполнительной власти (МВД России, Минюст России и пр.). Исходя из этого можно отметить, что в данном случае партнерский элемент взаимодействия отсутствует, а само оно приобретает выраженный распорядительный характер (причем в соответствии с пунктом «в» статьи 83 Конституции глава государства уполномочен принять решение об отставке правительства).

Предполагаемая новая редакция пункта «а» статьи 83 Конституции предполагает, что кандидатура главы Правительства будет сначала утверждаться Государственной Думой, а потом Президент будет осуществлять его назначение. Государственной Думой также будут утверждаться его заместители и федеральные министры. Это означает, что обе палаты Федерального собрания будут задействованы в формировании высшего органа исполнительной власти, и его конституционная подотчетность приобретет дополнительную нормативную основу.

Далее Глава государства будет утверждать структуру органов исполнительной власти, предложенную Председателем Правительства, определяя при этом «конечную точку вертикали», т.е. подчиненность соответствующих органов. При этом руководители органов исполнительной власти, координацию деятельности которых осуществляет Президент России, будут утверждаться им после консультаций с Советом Федерации. «Вертикализация» исполнительной власти с момента появления в 2004 году сыграла значимую роль в оптимизации государственного управления¹⁰. Однако в условиях современных конституционно-правовых преобразований представляется достаточно важным перераспределить основные принципы формирования властной вертикали, поскольку это приведет к повышению эффективности государственного управления.

Фактически новая конфигурация взаимоотношений усилит роль обеих палат парламента во взаимодействии с высшим органом исполнительной власти и одновременно — паритетные начала во взаимодействии с главой государства. В данном контексте предложенное направление конституционной реформы развивает реализованные в 2008 году конституционные преобразования, связанные с изменением порядка отчетности правительства парламенту [18, с. 29]. Тем самым парламент приобретает дополнительные

¹⁰ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (по сост. на 12.04.2019) // Российская газета. — 2004. — 12 мар.

возможности не только в сфере контроля, но и в области формирования правительства, а субординационные взаимоотношения главы государства и правительства еще более усилятся.

В призме функций главы государства значение имеют и его полномочия, раскрытые в конституционных нормах недостаточно подробно. Остановившись на их дифференциации, предложенной по критерию области их осуществления [19, с. 158–164], можно заключить, что планируемые конституционные изменения затронут только ординарные, т.е. осуществляемые в нормальных условиях функционирования органов публичной власти, полномочия главы государства. Экстраординарные, реализуемые в условиях исключительных правовых режимов, останутся в неприкосновенном виде, что позволяет прогнозировать стабильную реализацию главой государства функции обеспечения национального суверенитета, независимости и государственной целостности Российской Федерации.

Кроме того, некоторое усиление получают конституционно-правовые полномочия, относящиеся к сфере кадровой политики, которые справедливо признаются обладающими повышенной значимостью в части формирования судейского корпуса, контрольно-надзорных органов и правозащитных институтов [20, с. 43–55]. При этом элементы правомерного вмешательства высшего органа законодательной власти в процедуру назначения судей, прокуроров и других высших должностных лиц создадут условия для более пристального отбора.

* * *

В контексте грядущих преобразований важным направлением представляется и наделение конституционно-правовым статусом органов, непосредственно обеспечивающих исполнение главой государства конституционных полномочий. В действующей редакции положений главы 4 Конституции установлено, что Президент России формирует Совет Безопасности (п. «ж» ст. 83 Конституции) и Администрацию Президента (п. «и» ст. 83 Конституции). В положениях Федерального закона «О безопасности»¹¹ первый признается конституционным совещательным органом, в функции которого входит подготовка решений главы государства по вопросам обороны, безопасности, военного строительства, а равно по иным вопросам, связанным с защитой национального суверенитета и конституционного строя. Относительно статуса второй федеральный закон не принимался, вследствие чего область ее компетенции остается неопределенной. Администрация Президента Российской Федерации, между тем, в значительной степени экстраполирует свою деятельность на процесс взаимодействия Главы государства с органами государственной власти. Хотя напрямую планируемые

¹¹ О безопасности : Федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ [принят Гос. Думой 07.12.2010] (по сост. на 05.10.2015) // Российская газета. — 2010. — 29 декабря.

конституционные изменения не повлекут существенных преобразований в деятельности указанных структур, их перечень будет расширен.

Так, обсуждаемый проект Закона о поправке к Конституции предполагает учреждение еще одного конституционного совещательного органа, а именно, Государственного Совета. В перспективе он будет находиться в центре обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

* * *

Изложенное позволяет заключить, что планируемые конституционные преобразования не затронут традиционную (представительскую) функцию главы государства и не внесут изменений в порядок ее осуществления. В целом это полностью оправданно, поскольку никакого дискурса в данной плоскости не возникает. Не изменится порядок реализации экстраординарных полномочий, что также заслуживает одобрения, поскольку действующие конституционные нормы устанавливают оптимальный порядок их реализации, а сами они частично производны, в том числе, и от традиционной функции главы государства.

Гарантирующая функция, не подвергаясь изменению формы и содержания, тем не менее, будет значительно усилена. Так, оптимизация взаимоотношений главы государства с органами законодательной, исполнительной и судебной власти приведет к более быстрому принятию нормативных актов и повышению их качества, а также к ускорению механизмов исполнения принятых законов. Соответственно, произойдет интенсификация государственного управления и улучшение его эффективности. В конечном счете — на фоне планируемых отдельным блоком стратегических решений социально-экономического характера — состояние защищенности граждан усилится, а комфортная социальная среда расширится и станет доступной для всего населения. Масштаб озвученных в Послании Президента России в январе 2020 года социальных преобразований требует не только серьезнейшей финансовой основы — для их приоритетной реализации необходим работоспособный механизм государственного управления.

Сфера рассматриваемой функции, которая в терминологии конституционного текста выражается словами «гарант Конституции» (ч. 2 ст. 80 Конституции Российской Федерации), также не подвергнется изменениям, однако, как и гарантирующая роль Главы государства в механизме реализации прав и свобод человека и гражданина, приобретет дополнительный вектор. Усиление элементов коллегиальности в государственном управлении и в конституционном механизме разделения властей повлечет за собой комплексное переосмысление конституционно-правовых отношений, присущих демократическому правовому государству.

Таким образом, модернизация конституционных функций защиты национального суверенитета и обеспечения взаимодействия органов го-

сударственной власти ограничивают проблемное поле конституционных преобразований и в перспективе адаптируют механизм публичной власти к современным реалиям. Результатом таких преобразований станет и повышение градуса общественного доверия: неслучайно идея конституционных изменений изначально связывалась с проведением общенародного голосования, не имеющего исторических аналогов. Это подчеркивает и важность реформы, и ее социальную направленность. По образному выражению Президента России В.В. Путина, «автором» конституционных поправок должен стать многонациональный российский народ¹².

* * *

В завершение можно сделать выводы следующего содержания.

При всей стабильности сложившихся параметров президентского правления, получивших конституционное закрепление и в течение длительного срока успешно апробированных в практике государственного строительства, новый этап конституционных преобразований был неизбежен. Установленный конституционный перечень функций Главы государства подразумевает потребность в создании специального механизма обеспечения его деятельности по реализации этих функций и корреспондирующих им полномочий.

В связи с этим основные направления современных конституционных преобразований затрагивают только часть функциональной области правового статуса Главы государства, не предполагая изменения полноспектрального характера. Будущая конфигурация взаимоотношений, созданная по инициативе Главы государства, не абсолютизирует его властные полномочия, придает элементы коллегиальности процессу принятия важных государственных решений и лежит в русле конституционного развития, потенциал которого не исчерпан.

Список литературы

1. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2008. 340 с.
2. Конституционное право России / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М.: Норма, 2007. 542 с.
3. Варнавский А.Г. Смешанная (полупрезидентская) форма государственного правления: причины и условия становления, факторы трансформации в современных условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4. С. 102–106.
4. Кондрашев А.А. Суперпрезидентская республика в России: миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 34–42.
5. Нечкин А.В. Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Lex Russica. 2019. № 5. С. 132–147.

¹² Путин встретился с рабочей группой по поправкам в Конституцию // ТВЦ [электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/178232> (Дата обращения: 14.02.2020).

6. Авдеев Д.А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк). Тюмень: изд-во Тюменского государственного университета, 2015. 176 с.
7. Кудряшов К.В., Санькова А.А. Конституционно-правовые проблемы и последствия отмены действующей Конституции РФ // Научно-методический журнал «Концепт». 2019. № 10. С. 2–13.
8. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.
9. Володин В.В. Живая Конституция развития // Парламентская газета. 2019. 17 июля.
10. Шахрай С.М. Созидательный потенциал Конституции Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 33–39.
11. Невинский В.В. Конституционно-правовое регулирование полномочий Президента Российской Федерации в сфере формирования Правительства Российской Федерации // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 3. С. 41–49.
12. Кутафин О.Е. Глава государства: монография. М.: Проспект, 2013. 560 с.
13. Гаврилов Н.П. Роль Президента Российской Федерации в определении государственной политики // ЮристЪ-правоведЪ. 2007. № 1. С. 41–43.
14. Хутинаев И.Д. Институт президента и проблемы формы государства. М.: Норма, 1994. 40 с.
15. Елисеев Б.П. Система органов государственной власти в Российской Федерации М.: ЮристЪ, 2000. 208 с.
16. Хутинаев И.Д. Институционализация системы государственной власти в Российской Федерации. М.: Наука, 2005. 342 с.
17. Осетров С.А. Функции президентской власти в Российской Федерации // Вестник Самарского государственного университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 29–37.
18. Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2016. 240 с.
19. Прокофьев В.Н. Полномочия Президента России в призме компонентов его конституционно-правового статуса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2. С. 158–164.
20. Овсепян Ж.И. Конституционно-правовые полномочия Президента Российской Федерации в сфере кадровой политики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 43–55.

УСТОЙЧИВОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается совокупность факторов, обеспечивающих стабильное воспроизводство избирательной системы в условиях обострения внесистемных вызовов и угроз. Автор видит своей целью установление взаимосвязи между функционированием института выборов и состоянием политической системы общества, подвергающейся воздействию деструктивных факторов. На основе проведенного анализа формулируется вывод, что устойчивое воспроизводство политической системы общества в значительной мере зависит от способности избирательной системы реагировать на вызовы времени, в числе которых автор исследования особенно выделяет рост протестных настроений масс, уставших от традиционной риторики и политики консервативных элит. Таким образом, одна из важнейших задач функционирования избирательной системы в современных условиях заключается в том, чтобы трансформировать протестные импульсы, исходящие от общества, в цивилизованное волеизъявление, способствующее оптимизации и своевременному обновлению важнейших элементов политической системы.

Ключевые слова: выборы, гражданское общество, избирательная система, партийная система, политическая система.

SUSTAINABILITY OF THE ELECTION SYSTEM IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES: THEORETICAL-APPLIED ASPECT

Abstract. In the article, a set of factors that ensure stable reproduction of the electoral system in conditions of exacerbation of off-system challenges and threats is considered. The author sees as his goal the establishment of the relationship between the functioning of the election institution and the state of the political system of society, which is exposed to destructive factors. The author comes to the conclusion that the sustainable reproduction of the political system of society largely depends on the ability of the electoral system to respond to the challenges of the time, among which the author of the study particularly emphasizes the growth of protest sentiments of the masses who are tired of traditional rhetoric and politics of conservative elites. Thus, one of the most important tasks of the functioning of the electoral system in modern conditions is to transform the protest impulses emanating from society into a civilized expression of will, which helps optimize and timely update the most important elements of the political system.

Keywords: civil society, elections, electoral system, party system, political system.

Неотъемлемым атрибутом любого демократического строя является наличие развитой избирательной системы, обеспечивающей не только осуществление коллективного принятия общественно значимых решений, но и процедуру формирования легитимных органов власти. По своей сути избирательная система — механизм по гармонизации отношений в обществе и разрешению спорных ситуаций и конфликтов институализированным способом. Любой сбой функционирования избирательной системы обладает потенциалом вызова политического кризиса, что может привести к последующей дестабилизации общества, его радикализации и, в самых худших случаях, к назреванию революционной ситуации. Эти риски наиболее велики для «молодых» демократий, существующих на протяжении короткого исторического периода. Не стоит забывать, что демократический строй в Российской Федерации был установлен лишь около тридцати лет назад, а этого времени недостаточно для появления политических традиций по оперативному преодолению кризисных ситуаций, возникающих в рамках избирательного процесса. К списку проблем также стоит отнести идеализированное, поверхностное понимание природы и сущности демократических процедур, характерное для значительной части граждан.

Объектом настоящего исследования является избирательная система, а предметом — совокупность факторов, обеспечивающих стабильное воспроизводство избирательной системы в условиях обострения внесистемных вызовов и угроз. Главный довод в пользу подобной постановки вопроса заключается в том, что избирательная система не может существовать в отрыве от политической системы общества и ее прочих подсистем. Цель исследования заключается в установлении взаимосвязи между функционированием института выборов и состоянием политической системы общества, подвергающейся воздействию деструктивных факторов.

Искажение представлений масс об избирательной системе может быть вызвано целым рядом обстоятельств: низким уровнем политической культуры, ангажированностью тех или иных лидеров мнений, стремлением некоторых политических акторов повлиять на электорат и т.д. Данную проблему не стоит недооценивать, ведь ошибочные представления о принципах функционирования избирательной системы способны вызвать нарушение отлаженных электоральных практик (например, спровоцировать массовую неявку избирателей, усомнившихся в возможности каких-либо серьезных изменений по результатам выборов). Чтобы избежать подобных рисков, необходимо вернуться к теоретико-концептуальным истокам изучения избирательных систем и прояснить ряд принципиальных моментов. В данном контексте отметим, что сам термин «система» произошел от греческого слова «σύνστημα», что значит «целое», представляющее собой совокупность частей, которые соединены друг с другом.

Австрийский биолог Карл Людвиг фон Бергаланфи определил систему как комплекс элементов, взаимодействующих и находящихся в определенных

отношениях не только друг с другом, но и со внешней средой [1]. Исходя из этой интерпретации, можно охарактеризовать систему как совокупность элементов, определенным образом взаимосвязанных не только друг с другом, но и с внешней средой. Всякая система при этом обладает способностью к самовоспроизводству под влиянием внутренних и внешних факторов. Ее отдельные элементы способны взаимодействовать с внешней средой, что, в свою очередь, оказывает влияние не только на них самих, но и на всю систему в целом. При этом роль одних элементов в системе может быть выше, чем роль других, хотя зачастую ее эффективное функционирование возможно лишь при слаженной работе всех составных частей.

Для понимания сущности любой системы недостаточно иметь представление, из каких элементов она состоит, — нужно знать, в каких именно взаимоотношениях друг с другом ее элементы находятся. Для более четкого понимания избирательной системы нужно также определить и само понятие «элемент», которое произошло от латинского слова «*elementum*», означающего стихию, которая, по мнению античных мыслителей, была первоосновой всей материи. Первым, кто употребил термин «элемент» в значении «то, что объединяет и разъединяет все сложное» был Платон [2]. Дальнейшее развитие термин получил в трудах Аристотеля, применявшего это слово как универсальную лексическую конструкцию в гносеологии, космологии, онтологии и т.д. [3]. По мере развития человечества понятие «элемент» стало активно использоваться в естественных науках.

При учете сделанных выше замечаний «элемент» можно трактовать как простейшую часть системы, которая не подвержена дальнейшему делению на части, взаимодействующая и находящаяся в определенных отношениях не только с внутренней (другими элементами), но и с внешней средой, необходимая для выполнения определенных функций, реализация которых является необходимым условием для обеспечения дальнейшего существования системы в оптимальном состоянии. С учетом того, что каждый элемент системы обладает определенными функциями, частичное выполнение или невыполнение которых отражается на состоянии всей системы в целом, его роль существенно возрастает. Однако при изучении любой системы необходимо знать не только набор формирующих ее элементов, но и структуру, в соответствии с которой эти части взаимодействуют друг с другом.

Один из основоположников немецкой классической философии И. Кант под термином «структура» понимал положение и взаимосвязь частей системы, функционирующих с определенной целью [4]. Нужно акцентировать на том, что в определении Канта нет упоминания о единстве элементов, которое часто фигурирует в различных интерпретациях понятия «структура», что выгодно отличает его трактовку от прочих. Идея данной позиции заключается в том, что при анализе систем, существующих в рамках социального пространства (например, государство или общественная организация), элементы системы могут быть связаны друг с другом без возникновения

единства между ними. У этого феномена может быть множество причин: наличие конфликтов между элементами системы; отсутствие общих целей, ценностей и идеалов; девиантное поведение значительной части социальных элементов и т.д. Примером практической реализации указанного принципа может служить конкуренция политических субъектов в рамках электорального процесса. Несмотря на то, что партии существуют в рамках единого политико-правового пространства, они участвуют в постоянной борьбе друг с другом, хотя и могут временно объединяться ради противодействия общим угрозам.

У каждого элемента единой системы есть определенные функции, от выполнения которых зависит способность последней воспроизводить себя без кризисов и серьезных сбоев. Само понятие «функция» происходит от латинского слова «*functio*», означающего «исполнение обязанностей». В разных научных дисциплинах применяются свои собственные интерпретации данного термина, однако при рассмотрении избирательной системы наибольший интерес представляет трактовка понятия «функция», используемая применительно к социальному пространству. Американский социолог Т. Парсонс, стоящий у истоков структурного функционализма, определял функцию как «роль, которую выполняют различные элементы для поддержания целостности и устойчивости систем, в рамках которых они существуют» [5]. Идея Парсонса приводит нас к умозаключению, что каждый элемент должен выполнять определенную функцию, иначе он будет бесполезен или даже вреден для системы. Следовательно, для стабильного воспроизводства любой системы важна не только слаженная работа ее элементов, но и эффективное распределение функций между ними. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости формирования и развития системы, исходя из ее специфических потребностей и способности отдельных частей (элементов) их удовлетворить. Если жизнедеятельность системы нарушается, то следует определить, какие элементы справляются со своими функциями, а какие — нет; существует ли потребность в расширении системы или же она, наоборот, нуждается в сокращении (повышении компактности). Заметим, что значимость некоторых функций нужно периодически пересматривать, соотнося получаемую от них пользу с сопутствующими издержками. Нередко привычные функции системы оказываются бесполезными, хотя в прошлом они представлялись критически важными для ее работоспособности.

Очевидно, что избирательная система определенным образом вписывается в политическую. Само понятие «политическая система» трактуется весьма вариативно. При этом ее функции, как правило, сводятся к гармоничному регулированию властных отношений в обществе. Американский политолог Д. Истон интерпретировал понятие «политическая система» как совокупность взаимодействий, направленных на распределение благ и предотвращение конфликтов между членами общества [6]. Основная проблема данного подхода заключается в том, что автор игнорирует «человеческий фактор».

В частности, нередко этнополитические конфликты, возникающие на духовно-культурной основе, оказывают мощное дестабилизирующее влияние на политические системы, обладая крайне высоким потенциалом перехода в состояние вооруженного конфликта. Во многих случаях такие конфликты связаны не с распределением материальных ресурсов, а с историческим или культурологическим контекстом. Соответственно, политическая система отвечает за более широкий спектр вопросов, нежели перераспределение вещественных благ посредством властных интеракций. Ее можно охарактеризовать как единство политических элементов (субъектов, институтов и акторов), существующих и взаимодействующих друг с другом и со внешней средой в рамках определенного общественного устройства. Цель функционирования каждого из указанных элементов заключается в получении, распределении и реализации политической власти.

Главное отличие приведенной нами интерпретации от трактовки Д. Истона заключается в том, что мы не находим предотвращение конфликтов ключевой функцией политической системы. Идеализированное понимание общества, подразумевающее его стремление к мирному и гармоничному существованию, не вполне соответствует действительности, поскольку борьба за власть сама по себе порождает конфликтные отношения. Социум всегда распадается на группы (фракции), интересы которых противоречат друг другу. На данное обстоятельство, в частности, указывают некоторые отечественные авторы применительно к конкуренции групп давления за право обладания ограниченными общественными ресурсами [7]. Борьба за власть и влияние осложняется тем, что соответствующими ресурсами может обладать лишь ограниченное количество людей, при этом число субъектов, претендующих на них, превышает это значение во множество раз. Более того, ради получения власти многие акторы готовы прибегнуть к методам, дестабилизирующим систему: акциям протеста, разжиганию розни, террористической деятельности, революциям и т.д. Из этого можно сделать вывод о том, что функции многих элементов политической системы сводятся к борьбе за власть, получение которой является более простой задачей, чем дальнейшее удержание. В свою очередь, острота политической конкуренции сама по себе является конфликтогенным фактором, способным дестабилизировать избирательную систему.

В свете сделанных нами выводов представляется необходимым перейти к более детальному рассмотрению функций, природы и сущности избирательной системы. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» понятие «избирательная система» трактуется как «условия признания кандидата или кандидатов избранными, а списков кандидатов — допущенными к распределению депутатских мандатов»¹. Подобный формально-правовой подход к

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 5.08.2019, № 31, ст. 4472.

интерпретации соответствующего понятия не отражает взаимосвязи между избирательной, социальной, политической, государственной и партийной системами. Российский правовед В.М. Гессен рассматривал избирательную систему как прямое следствие естественного права [8]. Он апеллировал к тому, что человек по своей природе изначально свободен, а потому ограничения, которые накладываются на него государством, должны уравниваться его возможностью участвовать в принятии общественно значимых решений. В этом подходе превалирует концепция общественного договора, основывающаяся на том, что всякий социальный субъект отказывается от части своих свобод, дабы взамен получить от общества определенные блага. Однако нельзя игнорировать тот факт, что избирательная система, как и любая другая система, не может существовать лишь для удовлетворения нужд своих отдельных элементов. У нее есть свои уникальные потребности, которые игнорируются в рамках приведенной выше трактовки. Если система не может удовлетворять собственные потребности, то она не обладает достаточным количеством ресурсов для самовоспроизводства, что практически неизбежно ведет к ее дестабилизации, деградации, а затем и к дезинтеграции.

Французский философ Шарль де Монтескье рассматривал избирательную систему в контексте ее соответствия «духу демократии» [9]. Он отдавал предпочтение выборам, основывающимся на принципе жребия, аргументируя свою позицию тем, что подобный подход никого не обижает, ведь каждый гражданин имеет шанс принять участие в управлении государством. С подобной позицией сложно согласиться, так как она нивелирует вопрос компетентности элементов системы, что ставит под вопрос их способность надлежащим образом исполнять свои функции. Даже один элемент, не справляющийся со своими функциями, представляет риск для всей системы в целом. В рамках избирательной системы, основанной на принципе случайного отбора, количество подобных элементов может достигать 100 процентов от общей совокупности. При этом несовершенство избирательной системы чревато масштабными политическими издержками.

Нами термин «избирательная система» трактуется как подсистема политической системы общества, чьи элементы представляют собой комплекс политико-правовых норм, институтов и практик, в рамках которых реализуется электоральный процесс. Отдельно отметим, что избирательная система является связующим звеном между различными уровнями и подсистемами политической системы. Так, элементы партийной системы (политические партии) посредством участия в выборах могут оказывать непосредственное влияние на государственные системы (систему властных институтов). Иными словами, в рамках электоральных практик обеспечивается корректировка функционирования институтов власти. Зачастую случается так, что государственная система справляется с возложенными на нее функциями, однако оппозиционные институты партийной системы желают перераспределить власть в обществе, несмотря на то, что сама политическая система в этом

объективно не нуждается. В такой ситуации элементы государственной системы могут заручиться поддержкой гражданского общества и сохранить «статус-кво». В условиях отсутствия или неразвитости избирательной системы подобные противоречия нельзя было бы разрешить мирным путем, что привело бы к накоплению неразрешенных проблем, радикализации общества, повышению вероятности наступления политического кризиса и полной деградации политической системы.

Каждая подсистема политической системы общества обладает своими уникальными особенностями и функциями. При определенных условиях некоторые подсистемы могут дублировать — но не полностью заменять — друг друга. Например, Д.Н. Чижов рассматривает партийную систему как транслятор интересов гражданского общества государству, тогда как аналогичную роль обычно играет институт выборов [10]. А.А. Канунников приписывает подобную функциональную универсальность гражданскому обществу [11]. С этими тезисами трудно согласиться, ведь политическая система не сможет обеспечить свое стабильное воспроизводство, если ее подсистемы будут выполнять несвойственные им функции. В то же время П.Я. Фельдман справедливо отмечает, что институт лоббизма зачастую дополняет или даже подменяет собой механизмы электорального представительства интересов (электоральные практики) [12]. Соответственно, понятия «государственная система», «избирательная система» и «партийная система» следует трактовать с учетом их тесной взаимосвязи и принадлежности к политической системе общества. Это позволяет охарактеризовать государственную систему как особую подсистему политической системы общества, в рамках которой реализуется публичная власть элементов, сопряженная с легитимным правом на применение насилия для принуждения населения страны к исполнению общепринятых норм и указаний. В свою очередь, партийная система представляет собой институциональную инфраструктуру функционирования партий как субъектов политической борьбы. А избирательная система, на наш взгляд, есть не что иное, как подсистема политической системы общества, включающая в себя совокупность институтов и практик, обеспечивающих легитимную передачу власти в соответствии с народным волеизъявлением.

Основная функция любой избирательной системы заключается в организации процедуры голосования таким образом, чтобы общество не только признало ее справедливость, но и согласилось подчиняться новому руководству, а также уважать его авторитет при решении общественно значимых проблем, выполнении своих обязанностей, разрешении конфликтов и т.д. Плюрализм, получивший широкое распространение в демократических странах, является стресс-фактором для избирательной системы, поскольку благодаря этому принципу к власти может прийти кандидат, являющийся катализатором для дестабилизации политической жизни общества, что идет в разрез со стремлением любой системы к сохранению стабильности и поддержанию собственного равновесия. Таким образом, в самой избирательной

системе заложен механизм генерирования непредсказуемых политических «потрясений». В отечественной научной литературе отмечается беспрецедентность информационного резонанса, вызванного избранием несистемного кандидата Д. Трампа на пост президента Соединенных штатов Америки [13, 14]. Данное явление может быть охарактеризовано как «феномен Трампа». Оно позволяет сформулировать ряд выводов теоретико-прикладного характера, касающихся природы и сущности избирательной системы в целом.

К моменту начала предвыборной кампании 2016 года политическая система США, чьи элементы, как правило, опираются на проверенные временем методы и устоявшиеся традиции борьбы за власть, пришла в состояние застоя, утратив способность отвечать на новые вызовы, угрозы и трансформации социальных практик. Однако, подавляющее большинство элементов государственной системы США было удовлетворено подобным положением дел, так как в подобных условиях им было проще взаимодействовать друг с другом, избегая возможных рисков и сохраняя высокий уровень закрытости. Политические элиты ошибочно полагали, что избирательная система будет функционировать предсказуемым образом, обеспечивая наиболее выгодный для них результат (победу Х. Клинтон). Однако застой политической системы США, напротив, задал радикальный вектор развития электоральных процессов. Полученный результат подтвердил тезис о том, что институт выборов компенсирует и исправляет несовершенства политической системы, когда узкий круг элит монополизирует власть. У избирателей, чьи интересы и ценности оказались проигнорированными элитой, начинали зарождаться протестные настроения, которые нашли выражение в специфических электоральных предпочтениях. Как следствие, появился протестный электорат, готовый голосовать за любого, кто говорит, действует и ведет себя не так, как принято в рамках устоявшихся политических традиций и практик.

Подобная ситуация имела место и на парламентских выборах в Великобритании, где с беспрецедентным отрывом от своих оппонентов победили консерваторы во главе с Б. Джонсоном. Недовольные граждане зачастую находят в избирательной системе способ выразить свое возмущение, игнорируя последствия от возможной победы протестного кандидата. Подобное поведение можно охарактеризовать как типичное протестное голосование, однако оно приобретает дополнительные особенности в контексте «феномена Трампа». В сочетании с застоєм избирательной системы протестное голосование может привести к успеху несистемных кандидатов — непрофессиональных политиков, которые буквально «взрывают» традиционные практики властвования.

Непредвиденным обстоятельством для избирательной системы США стало появление среди претендентов на президентскую власть кандидата, который лучше прочих смог оценить сложившуюся обстановку и использовать ее в свою пользу, сохраняя несистемный статус и не позволяя себе уступки «глубинному государству». Для достижения наибольшего эффекта

этот кандидат использовал популистскую риторику, возводящую в абсолют то, что хотел услышать протестный электорат. Подобный подход сделал его кандидатуру менее привлекательной в глазах избирателей, поддерживавших политическую систему в ее прежнем состоянии. Но по уровню популярности кандидат начал обходить своих оппонентов, придерживавшихся традиционной модели участия в электоральном процессе. Не до конца понимая причины происходящего, оставшиеся соперники протестного кандидата начали коллективную кампанию по его дискредитации. Вопреки предположениям это вызвало обратный эффект. По мнению ряда специалистов, данное явление было обусловлено возросшей потребностью населения в изменениях, вызвавших деформацию традиционных электоральных предпочтений жителей США [15]. Следовательно, «феномен Трампа» можно считать не только вызовом для избирательной системы, но и свидетельством глобальных политических трансформаций, которые еще предстоит осмыслить в будущем.

В теории, при возникновении аналогичной ситуации на выборах, события могут разворачиваться в рамках альтернативных сценариев:

1. Протестный кандидат проигрывает, что лишь усиливает протестные настроения масс. В данном случае сама проблема не только остается неразрешенной, но и усугубляется, ведь в обществе возникает деление на победителей (сторонников существующей политической системы) и проигравших (недовольных ею и оставшихся неслышанными). Безусловно, это может привести к социально-политическому конфликту, обладающему деструктивным потенциалом. Но даже при мирном исходе система будет дестабилизирована, так как на следующих выборах может появиться еще большее число кандидатов, желающих заполучить аналогичную поддержку протестного электората популистскими методами.

2. Протестный кандидат побеждает на выборах, но придя к власти, отказывается идти на какие-либо уступки системе, что делает его изгоем в глазах элит. Эта ситуация может закончиться либо его отставкой, либо фактической изоляцией от рычагов государственной власти (без возможности влиять на какие-либо общественно важные процессы) до тех пор, пока он не покинет свой пост. Разумеется, второй вариант будет иметь катастрофические последствия, масштаб которых зависит от значимости занимаемой должности для эффективного функционирования государства. Применительно к «феномену Трампа» можно констатировать сочетание двух антагонистических факторов: с одной стороны, правитель, который настолько не соответствует государственной системе, должен отказаться от своей должности, чтобы не быть препятствием для функционирования институтов власти, а с другой, — политическая система должна принять его, так как новые подходы и идеи, носителем которых он является, могут привести к разрешению системных проблем.

3. Протестный кандидат выигрывает и соглашается пойти на уступки той части системы, которая открыта к сотрудничеству с ним. Это и произошло в случае с Д. Трампом, поэтому о последствиях подобного исхода можно будет судить на основе его опыта. Однако при оценке результатов правления 45-го Президента США мы будем вынуждены сделать поправку на крайнюю степень ангажированности большинства источников информации о нем. В сложившихся условиях Трамп вынужден тратить огромные усилия на удержание власти в своих руках, идя на все большие уступки поддерживающим его фракциям и группам давления. Скорее всего, он пожертвует одним из направлений своего политического курса (например, внешней политикой), чтобы сосредоточиться на том, что считает наиболее важным для своего дальнейшего политического выживания.

«Феномен Трампа», на наш взгляд, стал иллюстрацией сочетания растущей потребности определенных групп населения в изменениях и неготовности политической системы к ним. Многие эксперты, изучающие данный феномен, видят в нем не столько кризис американской политической системы, сколько глобальный кризис всей либеральной демократии в целом [16, 17]. По их выводам основным катализатором дестабилизации избирательной системы является рост протестных настроений, спровоцированный неспособностью политических элит разрешить хронические проблемы, существующие на протяжении многих лет. Заметим, что именно специфика избирательной системы США, где президента определяет коллегия выборщиков, сделала возможной победу протестного кандидата (в абсолютном выражении Х. Клинтон набрала на 3 млн голосов больше, чем Трамп).

Полагаем, что институт выборов в современных условиях способен удержать политическую систему от застоя и стагнации, когда она утрачивает связь с гражданами, ради блага которых существует. Для совершенствования конкретной избирательной системы необходимо четко представлять себе функционал ее отдельных элементов. Эффективность ее функционирования определяется способностью поддерживать стабильность политической системы в целом, адекватно реагируя на воздействие стресс-факторов. Т. Джефферсон справедливо отмечал, что стабильность избирательной системы рассматривается как один из гарантов стабильности политического строя демократического государства [18].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в условиях коренных общественных трансформаций только избирательная система способна обеспечить корреляцию между актуальными запросами граждан и принципами реализации государственной политики. По своей сути, избирательная система как важнейшая подсистема политической системы общества вместе со своими элементами представляет собой комплекс политико-правовых норм, институтов и практик, в рамках которых реализуется электоральный процесс. При этом она выполняет функции связующего звена между всеми ключевыми подсистемами политической системы: государственной, нор-

мативной, идеологической, партийной и т.д. Устойчивое воспроизводство политической системы общества в значительной мере зависит от способности избирательной системы реагировать на вызовы времени. В числе подобных вызовов наиболее острым и актуальным представляется рост протестных настроений масс, уставших от традиционной риторики и политики консервативных элит. Значит, одна из важнейших задач функционирования избирательной системы в современных условиях заключается в том, чтобы трансформировать протестные импульсы, исходящие от общества, в цивилизованное волеизъявление, способствующее оптимизации и своевременному обновлению важнейших элементов политической системы.

Список литературы

1. Бергаланфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. Платон. Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2009. 768 с.
3. Аристотель. Метафизика. М.: Рипол-Классик, 2018. 384 с.
4. Кант И. Собрание сочинений в 8-и томах. Т. 2. М.: Чоро, 1994. 429 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 2004. 270 с.
6. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. Chicago; University of Chicago Press, 1981. 388 p.
7. Фельдман П.Я. Лоббизм: теория и практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2015. 120 с.
8. Гессен В.М. Основы конституционного права. Петроград, 1918. 439 с.
9. Монтескье Ш.Л. О духе законов. М.: Рипол-Классик, 2018. 690 с.
10. Чижов Д.Н. Российские политические партии: Между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008. 224 с.
11. Канунников А.А. Гражданское общество в современном мире // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. С. 113–119.
12. Фельдман П.Я. Лоббизм в системе социальных и политических институтов современной России // Международные отношения. 2014. № 3. С. 392–397.
13. Ежов Д.А. Демократические выборы и референдумы в условиях трансформации мирового порядка // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 123–135.
14. Ежов Д.А. Тенденции трансформации электоральных предпочтений в западных демократиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 1 (22). С. 308–310.
15. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии: коллективная монография / Под общ. ред. М.Е. Родионовой, С.Ю. Белоконева, П.С. Селезнева, Д.А. Ежова. М.: КноРус. 344 с.
16. Кочегуров Д. Феномен Трампа как отражение кризисных тенденций внутри США // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2017. № 47 (63). С. 12–15.
17. Травкина Н.М. Институт президентской власти в США: нарастающая дисфункциональность // Политическая наука. 2019. № 4. С. 262–283.
18. Джефферсон Т. Великая Америка. Тайная сила власти. М.: ТД Алгоритм, 2017. 256 с.

С.В. РАСТОРГУЕВ

РОЛЬ НОВЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ: ОПЫТ ЧЕХИИ

Alena Mackova. Nová média v politické komunikaci: politici, občané a online sociální síť. — Brno, Masarikova Univerzita, 2017. — 241 str.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию А. Мацковой «Новые медиа в политической коммуникации: политики, граждане и социальные сети». **Ключевые слова:** политическая коммуникация, новые медиа, социальные сети, Интернет, политическая активность.

THE ROLE OF NEW MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATIONS: EXPERIENCE OF THE CZECH REPUBLIC

[Review of the book: Alena Mackova. Nová média v politické komunikaci: politici, občané a online sociální síť. — Brno, Masarikova Univerzita, 2017. — 241 str.]

Abstract. The article is a review of the monograph by A. Mackova «New media in political communication. Politicians, citizens and social networking sites».

Keywords: political communication, new media, social networks, Internet, political activity.

В монографии доктора философии по политическим наукам Департамента изучения медиа и журналистики Университета Масарика (Брно) Алены Мацковой представлены результаты эмпирических исследований активности чешских политиков и граждан в Интернете в 2013–2016 годах. Данные хронологические рамки относятся автором к четвертой стадии политической коммуникации (классификация J.G. Blumler). Данная стадия характеризуется тем, что главным средством трансляции политического содержания выступают медийные технологии. Углубляются процессы медиатизации политики (выстраивание логики и формы политического с учетом средств трансляции), селебритизации политики (приобщение к политике медиа-звезд), персонализации политики (включение личной сферы в общественное пространство — «приватизация», позиционирование личности, а не организации — «индивидуализация»). Традиционные формы политической репрезентации, требующие значительных

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

финансовых, организационных и кадровых ресурсов, сменяются дешевыми и быстрыми онлайн технологиями, которые дают шанс нересурсным и маргинальным акторам побороться с мейджорами за внимание, голоса, пожертвования граждан. Пространство Интернета дает возможность гражданам проявлять политическую активность в формах подписания электронных петиций, обращений в органы власти, дискуссий с политиками и другими участниками сети. Одновременно автор указывает на исследование проблем цифрового неравенства (концепция цифрового разрыва P. Lupač), переизбытка информации (концепция демократии Facebook J. Marichal) и пересечение границ жанров и стилей (концепция инфотейтмента L. Feldman).

Автора особенно интересует проблема изменения характера потока информации: использование новых медиа (социальных сетей Facebook, Twitter) в качестве двустороннего канала коммуникации по сравнению с традиционными односторонними средствами информирования (сайты, телепрограммы, журналы, газеты). С этой целью дается обзор результатов исследований данной трансформации новых медиа в работах, посвященных страновой специфике: на примере австралийских кейсов (R.K. Gibson, S.J. Ward), кейсы Швеции и Норвегии (A.O. Larsson), кейс Словакии (J. Zagrapan) и др. Интересно, что несмотря на возможности двухсторонней коммуникации в новых медиа, политики зачастую используют социальные сети для односторонней агитации и мобилизации — исследования кейсов Новой Зеландии (K. Ross) и Австралии (J. Macnamara, G. Kenning). Автор монографии ставит перед собой цель сравнить опыт использования новых медиа в Чехии с мировым опытом.

Главный вопрос первой части исследования звучит так: как депутаты чешского парламента в 2013–2015 годах использовали социальную сеть Facebook для политической коммуникации и взаимодействия с гражданами. Для этого исследовались мотивация, типы сетевой активности, отклики на статьи, примеры приватизации и индивидуализации контента депутатов, избранных в 2010 году. В связи с досрочными выборами 2013 года автору пришлось вносить корректировку в методику исследования. Проводилось сплошное изучение пяти каналов коммуникации всех двухсот депутатов парламента: Facebook, Twitter, YouTube, блоги и личные веб-страницы. Исследовалось содержание статей и комментарии к ним с помощью программ SPSS (методом случайной выборки отобраны 77 образцовых статей, которые были закодированы для категоризации и дальнейшего анализа). Были выявлены политические и неполитические материалы. К политическим относятся комментарии, рекламные материалы, сообщения, приглашения и пропагандистские материалы, касающиеся как самого политика, так и его политической организации. К неполитическим материалам относятся культурные и общественные данные о семье, хобби политика. Статьи также анализировались на предмет наличия критики и агрессивности, остроумия, эмоциональности. Качественное исследование проводилось в форме 15 интервью с теми депутатами, которые были идентифицированы как активные пользователи социальных сетей (две трети участников выборки отказали в интервью).

Автором были получены следующие результаты. По частоте использования каналы коммуникации представлены в такой последовательности: Facebook, личные веб-страницы, YouTube, блоги, Twitter. Три четверти депутатов 2013–2014 годов имели аккаунты на Facebook, менее всего социальной сетью пользовались коммунисты (Komunistická strana Čech a Moravy) по причине доминирования возрастного электората и популистское движение «Да 2011» (ANO 2011), где главную роль играл лидер движения олигарх Андрей Бабиш. Как правило, Facebook активнее использовали те депутаты, которые также были активны в других каналах коммуникации. Мотивация для ведения аккаунта в сети Facebook основывается на ее возможности информировать о политических взглядах депутата, а также на представлении о необходимости быть в пространстве медиа, так как там должны находиться все политики. В предвыборный год активность в Facebook в 4 раза выше, чем после выборов. За исключением лидеров партий и нескольких супермедийных политиков аккаунты депутатов не пользовались значительной популярностью. В поствыборный год две трети материалов носили информативный характер, а в предвыборный год две трети материалов идентифицированы как пропаганда. Неполитические материалы (прежде всего, культура и хобби) в предвыборный год уменьшаются с 30 до 15 процентов. При этом в интервью депутаты указывали, что неохотно раскрывают информацию о семье и делают это в связи с появившейся тенденцией «приватизации», которой надо соответствовать. Также зафиксировано настороженное отношение к юмору (4% статей) и эмоциям (9%), поскольку они могут идти в разрез с идеальным представлением о депутате. Депутаты предпочитали обращаться к непосредственным избирателям округа, используя местную повестку. Хотя половина депутатов участвовала в онлайн-дискуссиях, в интервью отмечалось, что соотношение «затраты времени — эффекта от дискуссий» чаще отрицательное, поскольку в дебаты втягиваются неисправимые спорщики, не готовые изменить точку зрения. А репутационные риски подобных дискуссий в Интернете значительны.

Автор книги обращается к классификации R. Gunther, J.R. Montero, M. Torcal и L. Linek типов позиций граждан к политической системе: политическая поддержка (принятие ценностей демократии), политическое недовольство (система функционирует благодаря непрерывной деятельности государственных институтов и лидеров), институциональное отчуждение, индивидуальное отчуждение (абсентеизм и неверие в возможность повлиять на политические институты). Авторы данной классификации выделяют пять типов политического участия: голосование на выборах, партийная активность, протест, политический консьюмеризм и направленная коммуникация. Чем большим социальным капиталом обладает индивид и чем в большем количестве добровольных организаций он состоит, тем выше уровень его политического участия.

А. Мацкова указывает на неопределенность и широту концепта «политическое участие», например, распространяется ли оно на политиков или только отдельных граждан, включает ли оно чистую коммуникацию и по-

лучение информации или только целенаправленную борьбу групп за свои интересы. Также нет четкой границы концепта «онлайн участия», поскольку трудно разделить собственно участие от потребления и обработки политической информации (N. Carpentier). Социальные сети позволяют укреплять слабые социальные связи и способствовать мобилизации пользователей сети (G. Tang, F.L.F. Lee), способствуют перетоку информации от более информированных граждан к менее информированным, что сглаживает неравенство (S. Boulianne), дискуссии в сетях поддерживают демократические ценности и положительно коррелируют с оффлайн участием (D.V. Shah). Изучается роль лидеров общественного мнения сети, которые формируют повестку дня и определяют контекст и коннотацию новостей (P. Dahlgren), выявлена положительная корреляция между использованием новых медиа молодежью и их последующей оффлайн-активностью (M.A. Xenos).

Автор указывает на наличие исследований, которые не устанавливают причинно-следственных связей между использованием социальных медиа и интересом к политике, скорее, связь носит двусторонний характер (S. Boulianne), при разных обстоятельствах в разных группах каждая из переменных может стать независимой (K. Holt).

Вторая часть авторского эмпирического исследования, проведенная в 2014 году, должна ответить на вопрос: «Какую роль играли новые медиа в политической активности чешских граждан?». Данный вопрос был декомпозирован на следующие вопросы: какие формы взаимодействия предпочитали респонденты при поиске и обсуждении политической информации? Как отличаются медиальные практики политически активных и политически пассивных граждан?

Для получения информации автор использовала методы полуструктурированного качественного интервью (всего 22) и выборочного анкетного обследования чешского населения. На основе интервью были составлены переменные и их индикаторы, которые затем использовались в выборочном обследовании. Интервью брались у политически активных граждан, которые были отобраны как репрезентативный срез чешского общества по критериям: возраст, пол, место проживания. Примечательно, что большинство интервью проводилось в кафе, что отражает роль данной площадки как центра коммуникации. Интервью были записаны на аудио и впоследствии закодированы для получения аналитических категорий.

Компьютерное анкетирование охватило 1998 человек по критериям квотной выборки: область, масштаб населенного пункта, возраст, пол, образование. Зависимой переменной являлось политическое участие в форме индикаторов: участие в выборах (в 2014 г. в Европарламент и муниципалитеты), демонстрациях, подписание петиций, встречи с политиками, поддержка партий. Независимые переменные связаны с традиционными и новыми медиа и выражены такими индикаторами: частота использования ресурсов для получения информации (Интернет, телевидение, радио, газеты), использование социальных сетей в политических целях (изучение, дискуссии, комментирование и репосты), ис-

пользование Интернета для политических целей (посещение веб-страниц). Две последние переменные преобразованы в индекс для регрессионного анализа, который был проведен с помощью статистического пакета SPSS.

В итоге автор пришел к следующим выводам. В 2014 года телевидение оставалось наиболее популярным каналом получения информации вообще (90% респондентов) и политической в частности (треть респондентов). После телевидения по объему получения политической информации следовали Интернет, радио и газеты. У молодежи Интернет предсказуемо занял первое место в процессе получения политической информации, причем она попадала в поле зрения молодежи в форме репостов, рекомендаций лидеров общественного мнения, селебрити в сети Facebook. Политические дискуссии в основном проводились не онлайн, а оффлайн с друзьями и родственниками. Около 88 процентов респондентов никогда не участвовало в онлайн-политических дискуссиях. Результаты показали значительное недовольство граждан текущей политической ситуацией, высокий уровень отчужденности к институтам и политикам, которые характеризовались как коррумпированные и незаслуживающие доверия. Выборы рассматривались как единственный механизм влияния простого гражданина на национальную политику. В тоже время граждане активно участвуют в политическом процессе на муниципальном уровне, так как считают, что они могут не только влиять на местные институты, но и контролировать их работу. Интересно, что наибольшую политическую активность в 2014 году проявили граждане, которые в качестве источника политической информации использовали, прежде всего, радио и газеты (старшее поколение). Медиальные практики связаны не только с наличием интереса к политике, но и с возрастом (чем моложе, тем больше практик), образованием (чем выше уровень образования, тем больше практик), полом (женщины показали большую активность).

В завершении обзора идей монографии А. Мацковой следует добавить несколько комментариев, которые, наверняка, будут интересны отечественным исследователям. Во-первых, автор получила две магистерские степени — по социологии и политологии, что вооружило ее фундаментальным научным инструментарием. Во-вторых, автор четко структурирует текст по шаблону, принятому в изданиях Scopus, Web of Science: проблема, историография, гипотеза, методы исследования, результаты, дискуссия. В-третьих, автор активно использует работы 15–17-летней давности, считая их актуальными; наряду с англоязычными изданиями, дается анализ чешских авторов и подчеркивается их вклад в исследования на чешских кейсах. И, наконец, к этим достоинствам можно добавить финансирование работы фондом Конрада Аденауэра.

Список литературы

1. Mačkova A. Nová média v politické komunikaci: politici, občané a online sociální síť. Brno, Masarikova Univerzita, 2017. 241 s.

Д.А. ЕЖОВ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЫБОРЫ. ОБУЧЕНИЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ»

Аннотация. Публикуется обзор научно-практической конференции «Выборы. Обучение. Перспективы». Конференция состоялась 5 декабря 2019 года в ЦИК России.
Ключевые слова: обучение организаторов выборов, дистанционное обучение, правовая культура, преподавание избирательного права и процесса, ЦИК России.

SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “ELECTIONS. TRAINING. PROSPECTS”

Abstract. An overview of the scientific and practical conference “Elections. Training. Prospects” is published. The conference was held on December 5, 2019 at the CEC of Russia.
Keywords: training of election organizers, distance learning, legal culture, teaching of electoral law and process, CEC of Russia.

5 декабря 2019 года в зале заседаний ЦИК России прошла конференция «Выборы. Обучение. Перспективы». В конференции приняли участие председатели избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, представители научного и экспертного сообществ в области избирательного права и процесса, общественных организаций.

Пленарное заседание открыл Заместитель Председателя ЦИК России Н.И. Булаев, выступивший со вступительным словом.

В рамках сессии «Актуальные аспекты обучения организаторов выборов и иных участников избирательного процесса» Секретарь ЦИК России М.В. Гришина в своем докладе акцентировала внимание на оценке текущего состояния и перспектив процесса обучения организаторов выборов. В частности, в докладе были обобщены профессиональные характеристики организаторов выборов и прослежена динамика числа обученных членов УИК в течение 2018–2019 годов. Несомненного внимания заслуживают приведенные данные о направлениях, по которым необходимо усилить уровень профессиональных знаний членов комиссий в ходе дальнейшего процесса обучения. Согласно результатам анализа обращений в ЦИК России, этими направлениями стали: преодоление конфликтных ситуаций, взаимодействие с наблюдателями, обеспечение гласности и прозрачности подсчета

ЕЖОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

голосов, прием документов для выдвижения и регистрации кандидатов. Особый интерес в докладе имели сведения о разноплановой деятельности, осуществляемой в целях оптимизации обучения участников избирательного процесса и в виде изготовления обучающих печатных материалов, фильмов, видеороликов, реализации интернет-проектов.

Технологии повышения результативности обучения организаторов выборов были рассмотрены в ходе выступления председателя Избирательной комиссии Ростовской области А.В. Бурова. В докладах доцента Белгородского университета кооперации, экономики и права Е.И. Холодовой и председателя Избирательной комиссии Новосибирской области О.Н. Благо оказались затронутыми практические проблемы подготовки организаторов выборов. Роль политических партий в обучении участников избирательных процесса особо отмечена председателем Центральной избирательной комиссии Республики Северная Осетия – Алания Ж.Б. Моргоевой.

Руководитель управления по Северо-Кавказскому и Южному федеральному округам Аппарата Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» А.И. Лукаш посвятил свое выступление проблемам разоблачения недостоверной информации о выборах и манипуляций общественным сознанием в единый день голосования. Докладчиком отмечена высокая степень эффективности деятельности ситуационных центров Общероссийского общественного движения «Корпус «За чистые выборы» в части использования технологий по защите информационного пространства от недостоверной информации в единый день голосования.

Сессия «Развитие дистанционных форм обучения организаторов выборов и иных участников избирательного процесса» открылась презентацией Системы дистанционного обучения «Электорий», представленной Руководителем РЦОИТ при ЦИК России Н.П. Артыкаевой. Оттолкнувшись от пояснения семантического и символического значений проекта, свидетельствующих о его концептуальной целостности, докладчик последовательно охарактеризовал функционал системы, построенной на обучающей платформе с открытым интерфейсом API с возможностью расширения функциональных характеристик, а также структуру управления обучением СДО «Электорий». Отдельное внимание было уделено описанию электронного курса «Цифровой избирательный участок» и технической составляющей СДО «Электорий», перспективам ее практического внедрения на период в течение ближайших трех лет.

Проблема дистанционного обучения в разных ракурсах также нашла свое отражение в выступлениях председателя Избирательной комиссии Калужской области В.Х. Квасова, председателя Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан М.Р. Шагиахметова, председателя Избирательной комиссии Ленинградской области М.А. Лебединского. Доцент Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС И.С. Алехина

в своем докладе обобщила возможности информационных технологий при подготовке кадров для избирательных комиссий.

В рамках сессии «Взаимодействие избирательных комиссий и образовательных организаций в вопросах обучения организаторов выборов, повышения правовой культуры избирателей» обсуждались вопросы, связанные с преподаванием курсов электорально-правовой тематики в учебных заведениях и в процессе подготовки организаторов выборов. Указанная проблематика нашла отражение в выступлениях председателя Избирательной комиссии Республики Коми Д.И. Митюшева, председателя избирательной комиссии Свердловской области В.И. Русинова, председателя избирательной комиссии Камчатского края И.В. Ирининой и заместителя директора Института истории и политики Московского государственного педагогического университета В.Л. Шаповалова.

В завершении конференции были обобщены задачи Федерального координационного совета Центров избирательного права и процесса.

Научно-практическая значимость прошедшей конференции выразилась в выработке в ходе состоявшегося обмена мнениями комплекса конкретных практических мер в части обучения организаторов выборов и иных участников избирательного процесса, развития дистанционных форм обучения, взаимодействия избирательных комиссий с образовательными учреждениями.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

АБРАМОВ Андрей Вячеславович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; ABRAMOV Andrei Vyacheslavovich, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; abram-off@mail.ru

АЛЕКСЕЕВ Роман Андреевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; ALEKSEEV Roman Andreevich, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; alekseev.r555@mail.ru

АРИНИН Александр Николаевич, доктор политических наук, академик Российской академии естественных наук (РАЕН); ARININ Aleksandr Nikolaevich, doctor of political sciences, academician of the Russian Academy of Natural Sciences, arinin55@mail.ru

БЕЛЕНКОВА Лариса Михайловна, кандидат политических наук, руководитель проектов Агентства «Полилог»; BELENKOVA Larisa Mihailovna, candidate of political sciences, project manager, Polylog Consulting Group; belenkova.larisa77@gmail.com

БЕЛОКОНЕВ Сергей Юрьевич, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; BELOKONEV Sergei Yur'evich, candidate of political sciences, associate professor, chair of the Department of political science and mass communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; SYUBelokonev@fa.ru

БИКТАГИРОВ Раиф Терентьевич, доктор юридических наук, профессор; BIKTAGIROV Raif Terent'evich, doctor of law, professor

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); VEDENEEV Yuri Alekseevich, doctor of law, professor of the department of theory of state and law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); vedpol45@gmail.com

ГЕРАСИН Дмитрий Леонидович, аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»; GERASIN Dmitri Leonidovich, post-graduate student of the Department of philosophy and sociology of Social and humanitarian faculty, Academy of Labour and Social Relations; ger-lina@yandex.ru

ДЕЕВА Наталья Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ); DEEVA Natalya Vladimirovna, candidate of political sciences, associate professor of the Department of political science of the Institute of history and politics, Moscow Pedagogical State University (MPSU); nvd2004@yandex.ru

ДО ТХАНЬ ТУ, аспирант Московского педагогического государственного университета (МПГУ); DO THANH TU, post-graduate student, Moscow Pedagogical State University (MPSU); dothanhtu0482@gmail.com

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; EZHOV Dmitri Aleksandrovich, candidate of political sciences, associate professor of the Department of political science and mass communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; president@lenta.ru

КУРДАНОВА Мадина Хусейновна, магистрант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); KURDANOVA Madina Khuseinovna, master of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); kurdanovamh@gmail.com

МАЛКАРОВ Ахмат Идрисович, аспирант кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; MALKAROV Ahmat Idrisovich, post-graduate student of the department of constitutional law named N. V. Vitruk, Russian State University of Justice; akhmat.malkarov@gmail.com

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович, доктор политических наук, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового Университета при Правительстве Российской Федерации; RASTORGUEV Sergei Viktorovich, doctor of political sciences, professor of the Department of political science and mass communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; SVRastorguev@fa.ru

ТУМАНЯН Гарник Вагинакович, магистрант Института экономики и менеджмента Национального исследовательского Томского государственного университета; TUMANYAN Garnik Vaginakovich, master of the Institute of economy and management, National Research Tomsk State University; tumangar@mail.ru

ФЕДОРОВ Владислав Иванович, аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; FEDOROV Vladislav Ivanovich, post-graduate student of Political Science faculty, Lomonosov Moscow State University; vladislavfedorov.t@gmail.com

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объём статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков) рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдаётся предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объёма не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в чёрно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить её таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, учёная степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приёме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии её публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объём, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 1(15)
2020**

ЯНВАРЬ–МАРТ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 11.03.2020.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ № 159

Отпечатано в ООО «Тамбовский полиграфический комбинат»
392000, Тамбовская область, г. Тамбов,
Моршанское шоссе, д. 14А